

Джеральд Даррел

Под пологом пьяного леса

Gerald Durrell "THE DRUNKEN FOREST" London, 1958
Перевод с английского Лившина И.М., 1994 г
OCR and Spellcheck Афанасьев Владимир

Моей жене ДЖЕКИ
в память о зверюшках прерий
и других bichos

- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
- [ПРИБЫТИЕ](#)
- [ПЕЧНИКИ И ЗЕМЛЯНЫЕ СОВЫ](#)
- [ЭГБЕРТ И СТРАШНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ](#)
- [ИНТЕРЛЮДИЯ](#)
- [ПОЛЯ ЛЕТАЮЩИХ ЦВЕТОВ](#)
- [ОРАНЖЕВЫЕ БРОНЕНОСЦЫ](#)
- [ЗВЕРИНАЯ КОЛОНИЯ](#)
- [ОЛЕНИ, ЛЯГУШКИ И КУФИЯ](#)
- [СТРАШНЫЕ ЖАБЫ И КУЧА ПТИЦ](#)
- [ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЕ ПТИЦЫ И АНАКОНДА](#)
- [САРА ХАГЕРЗАК](#)
- [ГРЕМУЧИЕ ЗМЕИ И РЕВОЛЮЦИЯ](#)
- [ИНТЕРЛЮДИЯ](#)
- [ОХОТА НА СТРАУСОВ](#)
- [ПРОЩАНИЕ](#)
- [Примечания](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами рассказ о шестимесячном путешествии по Южной Америке, которое я и моя жена совершили в 1954 г. Мы хотели собрать коллекцию редких животных и птиц, обитающих в этой части земного шара, и доставить их живыми в зоопарки Англии. В этом отношении поездка не удалась, так как некоторые непредвиденные обстоятельства нарушили все наши планы. Путешествие должно было состоять из двух частей. Прежде всего мы хотели спуститься к крайней южной оконечности континента, до Огненной Земли, и наловить там уток и гусей для Севернского общества охраны водоплавающей птицы. По прибытии в Буэнос-Айрес выяснилось, что мы попали в разгар курортного сезона и все билеты на самолеты, летающие к аргентинским озерам и оттуда на Огненную Землю, проданы на месяцы вперед. Так же трудно было сесть и на пароход. Убедившись в невозможности добраться до цели ко времени гнездования птиц и высидивания птенцов, мы с сожалением вынуждены были отказаться от этой поездки. Далее, мы намеревались отправиться в Парагвай и посвятить несколько недель сбору животных и птиц, а затем не торопясь вернуться в

Буэнос-Айрес по рекам Парагвай и Парана. Тут нас также постигла неудача, на этот раз из-за политических обстоятельств. Мы вернулись из Южной Америки не с обширной коллекцией, которую мы рассчитывали собрать, а лишь с маленькой горсткой животных. Но даже в неудачах есть свои светлые стороны, и как раз об этом я и хотел рассказать в своей книге...

ПРИБЫТИЕ

Пароход входил в порт. Опершись о поручни, мы любовались медленно открывавшейся перед нами панорамой Буэнос-Айреса. Небоскребы вздымались ввысь под ярко-голубым небом, словно разноцветные сталагмиты, испещренные бесчисленными окнами, сверкавшими на солнце. Мы все еще как замороженные наблюдали это зрелище, когда пароход пришвартовался к пристани и огромные здания выросли над нами; их неясные отражения дробились на темной воде, подернутой легкой рябью. Наши размышления о современной архитектуре были прерваны появлением человека, до того похожего на Адольфа Менжу^[1], что на мгновение я даже усомнился, не попали ли мы на другой конец Американского континента. Осторожно пробравшись через толпу кричавших и оживленно жестикулировавших иммигрантов, он не спеша подошел к нам и улыбнулся. По его безупречному виду невозможно было предположить, что температура в тени доходила до 90 градусов по Фаренгейту^[2].

— Джибс, из посольства, — представился он. — Я искал вас в первом классе, никто меня не предупредил, что вы путешествуете здесь, внизу.

— Мы и сами не знали, что поедем вторым классом, пока не сели на пароход, — объяснил я, — но было уже слишком поздно.

— Вероятно, для вас это было довольно... э-э... необычное путешествие, — заметил Джибс, глядя на рослого испанского крестьянина, энергично сплевывавшего прямо ему под ноги. — К тому же, мне кажется, здесь еще и очень сыро.

Мистер Джибс начинал мне нравиться.

— Пустяки, — ответил я небрежно, — вы бы побывали здесь в бурную погоду, тогда действительно сыровато. Мистер Джибс слегка вздрогнул.

— Представляю, как вам хочется на берег, — сказал он. — Все будет в порядке, через таможню я проведу вас в два счета.

Моя симпатия к мистеру Джибсу перешла в глубокое уважение, когда я увидел, как непринужденно держался он в таможне; улыбаясь, он вежливо и вместе с тем уверенно разговаривал с чиновниками. Он извлек из карманов какие-то огромные бланки, испещренные красными печатями, и через десять минут мы вышли из таможни и погрузили в такси наш необычный багаж. Затем мы помчались по улицам, шириною соперничавшим с Амазонкой, мимо небоскребов, аллей и прекрасных парков. Через час после прибытия мы уже находились в чудесной квартирке на седьмом этаже, из которой открывался вид на гавань. Мистер Джибс уехал в посольство, оставив нас отдыхать после дороги и намереваясь, очевидно, совершить до ленча еще несколько чудес. Поупражнявшись с полчаса в хитром искусстве пользоваться аргентинскими телефонами, мы весело провели следующий час, обзванивая всех тех, к кому мы имели рекомендации, и сообщая им о своем приезде. Таких людей оказалось очень много, так как мой брат некоторое время жил в Аргентине и, не проявив ни малейшего сострадания к своим друзьям, снабдил меня списком их имен и адресов. За несколько дней до отъезда из Англии мы получили от него открытку, на которой было нацарапано: "В Б.--А. не забудьте разыскать Бебиту Феррейра, Calle Pasadas, 1503, моего лучшего друга в Аргентине. Она прелесть". Подобную информацию я получал от брата довольно часто. Итак, действуя по инструкциям, мы позвонили Бебите Феррейра. Ее голос, когда я услышал его по телефону, вначале показался мне похожим на воркование голубя. Но затем я обнаружил в нем нечто более привлекательное, а именно — тонкое чувство юмора.

— Миссис Феррейра? С вами говорит Джеральд Даррелл.

— А-а, вы брат Ларри? Где вы сейчас? Я два раза звонила на таможню, справлялась, не прибыли ли вы. Вы сможете приехать к ленчу?

— С удовольствием. К вам можно добраться на такси?

— Разумеется. Приезжайте к часу, я буду вас ждать.

— Она кажется мне довольно странной женщиной, — сказал я Джеки, повесив трубку. Я и не предполагал в тот момент, как сильно я ошибался.

В час дня нас ввели в большую квартиру на тихой, малолюдной улице. На столах было разбросано множество книг самого разнообразного содержания -- живопись, музыка, балет, и среди них романы и журналы на трех языках. На пианино лежали ноты, от оперных партий до творений Шопена, радиолоа была завалена пластинками с записями Бетховена, Нат Кинг Кола, Сибелиуса и Спайк Джонса. Мне казалось, что даже Шерлоку Холмсу вряд ли удалось бы определить по всем этим признакам характер хозяйки дома. На одной стене висел портрет женщины редкой красоты в большой шляпе. Выражение лица красавицы было спокойное и в то же время насмешливое. К такому лицу вполне подходил голос, который я недавно слышал по телефону.

— Ты думаешь, это она? — спросила Джеки.

— Похоже, что да, но портрет, вероятно, написан несколько лет назад. Не думаю, чтобы теперь она выглядела так же.

В это время за дверью послышались быстрые уверенные шаги, и в комнату вошла Бебита. При первом же взгляде на нее я убедился, что портрет был лишь бледной копией оригинала. Никогда раньше не приходилось мне видеть так близко живое олицетворение греческой богини.

— Здравствуйте, я Бебита Феррейра. — Она, очевидно, заметила наше изумление, в ее голубых глазах мелькнул насмешливый огонек.

— Надеюсь, мы не очень беспокоили вас своим звонком, — сказал я,-- Ларри велел мне разыскать вас.

— Ну что вы, я бы очень обиделась, если бы вы мне не позвонили.

— Ларри просил передать вам сердечный привет.

— Как он поживает? О, он просто ангел, вы даже не представляете, какой он чудесный человек, — сказала Бебита.

Позднее я убедился, что Бебита характеризует так всех людей, с которыми ей приходится иметь дело, симпатичных и несимпатичных. В тот момент мне показался несколько неожиданным эпитет "ангел" применительно к моему брату, так как именно это слово, на мой взгляд, меньше всего к нему подходило. С первой же встречи Бебита пленила нас, и с тех пор мы фактически жили у нее на квартире, питались обильной и превосходно приготовленной пищей, слушали музыку, болтали и чувствовали себя великолепно. Очень скоро мы привыкли во всем полагаться на ее помощь. Бебита невозмутимо выслушивала самые фантастические просьбы, и почти всегда ей удавалось помочь нам.

Первый удар по нашим планам был нанесен на третий день пребывания в Буэнос-Айресе. Мы обнаружили, что наши шансы добраться до Огненной Земли, мягко говоря, весьма невелики. Представители авиационной компании разговаривали с нами вежливо, но не обнадеживали. Быть может, через десяток дней что-нибудь и найдется, но они ничего не могут обещать наверняка. С унылым видом мы согласились ждать. Вместо того чтобы в расстроенных чувствах болтаться эти дни в Буэнос-Айресе, Ян предложил нам совершить поездку в провинцию. Ян был моим старым приятелем, я познакомился с ним в Англии в годы войны. Однажды в порыве энтузиазма он заявил, что я непременно должен приехать в Аргентину собирать животных, и обещал оказать мне всяческое содействие. Теперь, когда мы приехали, он чувствовал себя связанным обещанием. Он навестил своих родственников по фамилии Бут, владевших крупным поместьем недалеко от побережья, примерно в ста милях от Буэнос-Айреса, и те со свойственным аргентинцам гостеприимством согласились принять нас у себя.

Рано утром около нашего дома остановился автомобиль. Из него вылезла долговязая, мрачная фигура Яна, после чего мы были представлены очаровательной блондинке, сидевшей на переднем месте, — дочери владельца имения Элизабет Бут. Вскоре мы обнаружили, что кроме миловидности девушка обладает еще и удивительной склонностью ко сну: в любом месте и в любое время ее можно было застать спящей глубоким сном, как бы шумно ни было вокруг. За эту особенность мы прозвали ее "Соней", и хотя Элизабет решительно возражала против этой клички, она так за ней и осталась.

Глава первая

ПЕЧНИКИ И ЗЕМЛЯНЫЕ СОВЫ

Аргентина — одна из немногих стран на свете, где в поездке на полпути можно видеть одновременно и место, откуда вы выехали, и место назначения. Вокруг, плоская, как бильярдный стол, простирается пампа, кажется, она уходит далеко на край света. Ничто не нарушает однообразия гладкой, поросшей травой равнины, лишь изредка попадаются пурпурные пятна чертополоха да кое-где виднеются темные силуэты деревьев.

Когда предместья Буэнос-Айреса остались позади, а светлые, цвета слоновой кости контуры небоскребов стали, подобно кристаллам, расплываться и таять в дымке на горизонте, мы выехали на прямую как стрела дорогу. Местами у обочин росли хрупкие на вид кусты с бледно-зелеными листьями и крохотными золотистыми цветками. Цветки были такие мелкие и их было так много, что издали они казались туманным золотистым ореолом, как бы окружавшим каждый куст. При нашем приближении из кустов вылетали стригуны, маленькие черно-белые птички с очень длинными хвостовыми перьями. У этих птиц своеобразный ныряющий полет, и при каждом нырке хвостовые перья сходятся и расходятся, словно ножницы. Изредка над дорогой пролетал сокол чиманго, размахивая тяжелыми тупыми крыльями, величественный и красивый в своем шоколадно-коричневом с серым оперении.

Примерно после часа езды мы свернули с шоссейной дороги на пыльный, разъезженный проселок, вдоль которого тянулась аккуратная изгородь. На ее столбах я заметил какие-то странные наросты, похожие на засохшую грязь; они напоминали гнезда термитов, которые я видел в Африке, но вряд ли так далеко к югу от экватора можно было встретить термитов. Я задумался над их происхождением, как вдруг из одного такого нароста выскочила птичка, очень похожая на малиновку, с широкой грудью и вертявым хвостом. Величиной она была с дрозда, у нее была бледная желтовато-коричневая грудка и ржаво-красная спинка и голова. Это был печник, и я понял, что именно эти птички построили своеобразные гнезда, украшавшие столбы изгороди. Позднее я убедился в том, что печник — одна из наиболее распространенных птиц в Аргентине и ее гнезда составляют такую же черту ландшафта, как и кусты гигантского чертополоха.

Дорога повернула к океану, и мы ехали теперь по заболоченной местности; вдоль обочин тянулись широкие, наполненные водой канавы, на золотистом травяном покрове стали появляться пятна сочной и яркой зелени, свидетельствовавшие о наличии водоемов. Их берега густо поросли камышом. Печники, стригуны и чиманго уступили место болотным и водоплавающим птицам. С обочины дороги, сильно, но неуклюже взмахивая крыльями, поднимались крикуны, крупные пепельно-серые птицы величиной с индюка, и, издавая прерывистые, похожие на звуки флейты крики, принимались кружить в воздухе. По спокойной, сверкающей водной глади плавали стаи уток, напоминавшие упитанных, прилизанных бизнесменов, спешащих на поезд. Я видел маленьких, изящных серых чирков с голубовато-стальными клювами и черными шапочками; уток-широконосок, крупных красных птиц с длинными лопатообразными клювами и отсутствующим выражением в глазах; розовоклювых уток, безукоризненных в своем сверкающем черно-сером наряде, с клювами, словно обгаженными кровью; маленьких светло-коричневых уток с черными крапинами,

скромно плавающих среди других птиц. Скромность их была явно напускной, так как они по примеру кукушек подбрасывали свои яйца в чужие гнезда, перекалдывая на обманутых сородичей тяготы высидивания и выкармливания птенцов. Кое-где по грязи прогуливались цапли, по мелководью большими шумными ватагами бегали и толкались каравайки, длинные загнутые клювы и черное оперение которых совершенно не гармонировали с их жизнерадостностью. Среди них попадались небольшие стаи красных ибисов, выделявшихся на фоне своих более темных сородичей словно багряные клочки заката. На широких разводьях целыми флотилиями неторопливо плавали великолепные черношеие лебеди; их белоснежное оперение прекрасно контрастировало с иссиня-черным оперением головы и изящно изогнутой шеи. Среди гордых стай черношеих, как бы в услужении у них, плавало несколько коскороб, приземистых, в скромном белом оперении, очень вульгарных в сравнении со своими царственными родственниками. Тут же на мелководье можно было увидеть небольшие стаи фламинго, кормившихся у зарослей высокого камыша. Издали они казались движущимися розовыми и красными пятнами на зеленом фоне. Фламинго медленно и степенно шагали по темной воде, опустив головы и изогнув шеи в виде буквы S; сургучного цвета ноги связывали птиц с их расплывчатым, колышущимся отражением. Упоенный этим пышным зрелищем птичьей жизни, охваченный своего рода орнитологическим экстазом, я не отрываясь глядел в окно, не замечая ничего, кроме лоснящихся тел пернатых, плеска и колыхания воды и хлопанья крыльев.

Внезапно машина свернула с проселка и покатила по узкой, сверкающей лужами аллее, проложенной через рощу гигантских эвкалиптов. Мы остановились у длинного низкого белого здания, похожего на обычную английскую ферму. "Соня", сидевшая впереди, пробудилась от сна, продолжавшегося с момента выезда из столицы, и взглянула на нас заспанными голубыми глазами.

— Добро пожаловать в Лос Инглесес, — сказала она и украдкой зевнула.

Дом был обставлен в викторианском стиле: темная массивная мебель, головы животных и поблекшие гравюры на стенах, вымощенные каменными плитами проходы, и повсюду — слабый, приятно вяжущий запах парафина, исходивший от высоких блестящих куполообразных ламп. Нам с Джеки отвели большую комнату, которую заполонила громадная кровать, попавшая сюда прямо из сказки Андерсена "Принцесса на горошине". Можно сказать, это была всем кроватям кровать, она не уступала по величине теннисному корту, а высотой была как стог сена. Она сладострастно охватывала вас, когда вы ложились на нее, засасывала в свои мягкие глубины и мгновенно навевала такой крепкий и покойный сон, что пробуждение воспринималось как настоящая трагедия. Окно, из которого открывался вид на ровную лужайку и ряды карликовых фруктовых деревьев, было окаймлено какими-то вьющимися растениями с голубыми цветками. Не вставая с кровати, можно было видеть между этими цветками гнездо колибри — крохотное сооружение величиной со скорлупку грецкого ореха. В гнезде лежали два белых яйца, каждое не больше горошинки. В первое утро после приезда я долго нежился в теплых глубинах гигантской постели, попивая чай и наблюдая за колибри. Самка спокойно сидела на яйцах, а ее супруг стремительно влетал и вылетал из гнезда, мелькая между голубыми цветами, словно сверкающая маленькая комета. Такой способ наблюдения птиц меня вполне устраивал, но в конце концов Джеки выразила сомнение в том, что при таких методах исследования я смогу прибавить что-либо новое к уже имеющимся сведениям о жизни представителей семейства Trochilidae. Пришлось вылезти из кровати и одеться. При этом меня возмутила мысль, что Ян, должно быть, еще спит, и я тут же поспешил в отведенную ему комнату, полный решимости вытащить его из постели. Я застал Яна в пижаме и пончо — очень удобной аргентинской одежде, похожей на обыкновенное одеяло с дырой посередине, куда просовывается голова. Он сидел на корточках на полу и сосал тонкую серебряную трубку, конец которой был погружен в маленький круглый серебряный горшочек, наполненный темной жидкостью, в которой плавала какая-то мелконарезанная трава.

— Привет, Джерри, ты уже встал? — удивленно спросил он и принялся энергично сосать трубку. Послышалось мелодичное бульканье, похожее на звук вытекающей из ванны воды.

— Что ты делаешь? — сурово спросил я.

— Пью утреннее мате, — ответил он и снова забулькал трубкой. — Хочешь попробовать?

— Это парагвайский чай?

— Да. Здесь это такой же обычный напиток, как чай в Англии. Попробуй, может быть, понравится, — предложил Ян и протянул мне маленький серебряный горшочек и трубочку.

Я недоверчиво понюхал темную коричневую жидкость с плававшей на поверхности зеленью. Запах был терпкий, приятный и напоминал запах скошенной травы в жаркий солнечный день. Взяв трубку губами, я сделал глоток, в трубке забулькало, и струя горячей жидкости обожгла мне рот и язык. Вытерев слезящиеся глаза, я вернул горшочек Яну.

— Благодарю, — сказал я. — Не сомневаюсь, что у вас принято пить чай таким горячим, но боюсь, что это не для меня.

— Можно немного остудить его, — не очень уверенно ответил Ян, — но мне кажется, тогда он утратит свой аромат.

Позднее я пробовал пить мате при более умеренной температуре, и мне даже начал нравиться запах свежескошенной травы и слегка горьковатый, вяжущий привкус этого освежающего напитка. Однако я так и не мог научиться пить его при температуре расплавленного металла, что является, вероятно, основным требованием настоящего ценителя мате.

После превосходного завтрака мы отправились осматривать окрестности. Не успели мы отойти от эвкалиптов, гигантской изгородью окружавших усадьбу, как увидели в высокой траве пень, на котором построил свое гнездо печник. Рассмотрев его внимательно, я поразился тому, что маленькая птичка могла создать такое большое и сложное сооружение. Это был круглый шар раза в два больше футбольного мяча, слепленный из грязи и скрепленный корнями и волокнами, — своего рода железобетонная конструкция мира пернатых. Спереди гнездо имело входное отверстие в виде арки, и все сооружение напоминало уменьшенную модель старинной печи для выпечки хлеба.

Меня очень интересовало внутреннее строение гнезда, и так как Ян заверил меня в том, что оно давно покинуто своими обитателями, я снял его с пня и осторожно срезал острым ножом куполообразную верхушку. Внутри гнездо напоминало раковину улитки. От входного отверстия влево уходил проход длиной около шести дюймов, повторяя изгиб наружной стены. Не доходя до входа с противоположной стороны, он загибался и вел к просторному шарообразному помещению, дно которого было аккуратно выстлано травой и перьями. В отличие от шершавой, неровной наружной поверхности гнезда внутренние стенки прохода и комнатки были гладкими, словно полированными. Чем дальше я рассматривал гнездо, тем больше удивлялся, каким образом при помощи одного только клюва птица могла создать это чудо строительной техники. Вполне понятно, почему жители Аргентины с такой симпатией относятся к этой жизнерадостной птичке, гордо прогуливающейся в парках и садах и оглашающей воздух веселыми, звонкими руладами. Гудсон^[3] рассказывает трогательную историю о паре печников, построивших гнездо на крыше одного дома. Однажды самка попала в мышеловку, и ей перебило лапы. Вырвавшись на свободу, она с трудом долетела до гнезда и там умерла. Самец в течение нескольких дней кружился около гнезда, оплакивая свою подругу, а затем исчез. Через два дня он появился снова в сопровождении другой самки. Они сразу же принялись за работу и замуровали вход в старое гнездо, где лежали останки погибшей птицы. На этом саркофаге они построили новое гнездо, в котором благополучно вывели потомство.

И в самом деле, печники обладают каким-то удивительным обаянием, оказывающим воздействие даже на самых закоренелых циников. Во время нашего пребывания в поместье один пожилой пеон^[4], не отличавшийся особой сентиментальностью и, вероятно, способный без угрызений совести убить кого угодно, от человека до насекомого, торжественно заявил мне, что он никогда не обидит *hornero*^[5]. Однажды, путешествуя верхом по пампе, он увидел на пне гнездо печника. Оно было почти закончено, стенки были еще сырыми. На одной из стенок барахтался создатель этого гнезда, попавший лапкой в петлю, образованную длинным стеблем травы, которую он использовал в качестве арматуры. Птица, вероятно, давно уже пыталась вырваться и была совершенно обессилена. Повинуясь внезапному порыву, пеон подъехал к пню, вытащил нож, осторожно отрезал травинку и бережно посадил выбившуюся из сил птичку на верхушку гнезда. И тогда произошло неожиданное.

— Клянусь вам, что это правда, сеньор, — рассказывал мой собеседник. — Я стоял в двух шагах от птицы, не больше, но она меня не боялась. Хоть она и была слаба, она все же встала на ноги, подняла голову и запела. Минуты две она пела для меня чудесную песню, а я слушал, сидя верхом на лошади. Потом она снялась с места и полетела над травой. Эта птица благодарила меня за то, что я спас ей жизнь. Птица, которая способна таким образом выражать свою благодарность, достойна того, чтобы ее уважали.

Джеки, стоявшая примерно в ста ярдах справа от меня, начала издавать какие-то тихие, нечленораздельные звуки, энергичными жестами подзывая меня к себе. Подойдя ближе, я увидел, что она пристально смотрит на вход в небольшую нору, наполовину закрытый травой. Около входа сидела маленькая сова; она была неподвижна, как часовой, и смотрела на нас круглыми глазами. Неожиданно она два-три раза быстро поклонилась, а затем снова застыла в прежнем положении. Это выглядело так забавно, что мы прыснули со смеху; окинув нас уничтожающим взглядом, сова неслышно поднялась в воздух и медленно заскользила над колыхавшейся на ветру травой.

— Нам нужно поймать несколько таких птичек, — сказала Джеки, — они мне очень нравятся.

Я согласился, так как всегда питал слабость к совам любых видов, и у меня не было коллекции, в которую не входили бы эти симпатичные птицы. Я повернулся в ту сторону, где Ян вышагивал по траве, словно одинокий, загрустивший журавль.

— Ян! — крикнул я. — Подойди сюда. Кажется, мы нашли гнездо земляной совы.

Ян подбежал к нам, и втроем мы принялись осматривать вход в нору, у которого только что сидела сова. Небольшой участок утоптанной земли, вынутой, очевидно, при постройке норы, был густо усеян блестящими панцирями различных жуков и круглыми катышками, состоявшими из крохотных косточек, пуха и перьев. Было совершенно очевидно, что нора использовалась не только для ночевки. Ян смотрел на нору, задумчиво морща нос.

— Как по-твоему, есть там кто-нибудь? — спросил я.

— Трудно сказать. Время, конечно, подходящее — птенцы, должно быть, уже совсем оперились. Беда в том, что эти совы обычно строят несколько нор, а высидывают птенцов только в одной. Пеоны утверждают, что самцы используют остальные гнезда как холостяцкие квартиры, но я в этом не уверен. Боюсь, нам придется раскопать несколько таких нор, прежде чем мы найдем то, что нужно. Если вас не пугает такая перспектива, можно попробовать.

— Я готов к любым разочарованиям, если только в конце концов мы добудем нескольких совят, — ответил я.

— Хорошо. Нам нужны лопаты и палка для того, чтобы определять направление подземных ходов.

Мы вернулись в поместье, где господин Бут, приятно удивленный тем, что мы так скоро приступили к делу, предложил нам превосходный набор садовых инструментов и дал указание одному пеону по первому нашему требованию бросать работу и

оказывать нам необходимую помощь. Когда мы проходили садом, напоминая артель могильщиков, мы наткнулись на "Соню", мирно дремавшую на коврике. При нашем приближении она проснулась и сонным голосом спросила, куда мы идем. Узнав, что мы идем ловить земляных сов, она широко раскрыла голубые глаза и вызвалась отвезти нас на машине к свиному гнезду.

— Но нельзя же ехать на машине по пампе, у вас ведь не джип,-- возразил я.

— А ваш отец только что поставил новые рессоры, — со своей стороны напомнил Ян.

Лицо девушки расплылось в восторженной улыбке.

— Я поеду потихоньку, — сказала она и, видя, что мы еще колеблемся, лукаво добавила: — Подумайте только, сколько гнезд мы сможем объехать на машине.

Итак, мы поехали через пампу к обнаруженной нами норе; рессоры автомобиля мелодично поскрипывали. Все мы, кроме "Сони", терзались угрызениями совести.

Нора была длиной около восьми футов и слегка изогнутой наподобие буквы С, наибольшая глубина ее достигала двух футов. Мы установили это при помощи длинного и тонкого бамбукового шеста. Обозначив на поверхности колышками примерное расположение гнезда, мы приступили к раскопке, палками пробивая свод подземного хода через каждые два фута. Промежутки между пробоинами тщательно обследовались. Убедившись в том, что там никого нет, мы закупоривали обследованный участок туннеля и переходили к следующему. Так мы добрались до места, где, по нашим расчетам, должно было находиться само гнездо. Мы работали в напряженном молчании, мелко кроша затвердевшую почву. Время от времени кто-нибудь из нас прикладывал ухо к земле и прислушивался, но изнутри не доносилось ни малейшего звука, и я уже совсем было решил, что гнездо пустое. Но вот земляная перемычка, отделявшая нас от гнезда, подалась и провалилась вниз, а оттуда, из темноты, на нас уставились две пары больших золотистых глаз на маленьких пепельно-серых физиономиях. Мы издали торжествующий крик, совята быстро-быстро захлопали глазами и, словно кастаньетами, защелкали клювами. Они были такими милыми и пушистыми, что я, совершенно забыв о характере сов, протянул руку и попытался схватить одного. Из испуганных малюток совята немедленно превратились в разъяренных фурий. Они взъерошились, так что стали вдвое больше прежнего, распустили крылья и, держа их по бокам, как щиты, бросились на мою руку. Я отскочил и принялся обсасывать пальцы, разодранные в кровь их острыми клювами и когтями.

— Есть у нас чем обернуть руки? — спросил я. — Что-нибудь поплотнее, носовой платок слишком тонок.

"Соня" сбегала к машине и вернулась со старым, замасленным полотенцем. Обернув его дважды вокруг руки, я предпринял вторую попытку. На этот раз мне удалось схватить одного из птенцов. Полотенце спасало мою руку от ударов клювом, но он все же добрался до меня когтями.

Крепко вцепившись в полотенце, соенок уже не отпускал его, и лишь с большим трудом нам удалось высвободить птенца и затолкать в мешок. Его брат, оставшись в одиночестве, утратил волю к сопротивлению, и мы справились с ним сравнительно легко. Разгоряченные, выпачканные в земле, но очень довольные, мы вернулись к автомобилю. Остаток дня мы колесили по пампе, высматривая, из каких мест в траве вылетают земляные совы. Обнаружив такое место, мы отыскивали нору и начинали ее раскапывать. Предсказания Яна оправдались, чаще всего наши раскопки оканчивались безрезультатно, но все же к концу дня, раскопав, наверное, в общей сложности несколько миль подземных ходов, мы вернулись в поместье с восемью птенцами земляных сов. Наши пленники сразу же принялись истреблять мясо и жуков в таком количестве, что у нас невольно возник вопрос, явилось ли их исчезновение таким уж БОльшим горем для родителей и не восприняли ли взрослые совы похищение своих отпрысков как акт милосердия с нашей стороны.

За первыми нашими трофеями вскоре последовали другие. На следующий день после поимки совят пеон принес в дом коробку, в которой сидели два только что

оперившихся птенца кукушки гуира. Эти птицы широко распространены в Аргентине, а еще больше их в Парагвае. По форме и размерам они напоминают скворцов, но на этом сходство кончается, так как гуира имеют бледное коричневато-кремовое оперение с зеленовато-черными полосами, растрепанный рыжеватый хохолок и длинный, как у сороки, хвост. Эти птицы живут в лесах и кустарниках стайками по десять--двадцать особей и выглядят очень красиво, когда дружно перелетают с куста на куст, паря в воздухе, словно бумажные голуби. Мне нравилось наблюдать гуира в полете, но я не интересовался всерьез этими птицами, пока мне не принесли двух птенцов. Открыв коробку, я сразу обнаружил, что гуира совершенно не похожи на каких-либо других птиц. Я убежден, что с момента поимки птицы потеряли рассудок, и ничто не заставит меня изменить мое мнение. Птенцы сидели на дне коробки, широко расставив лапы, вытянув длинные хвосты и подняв взъерошенные хохолки, и спокойно смотрели на меня бледно-желтыми глазами с таким отсутствующим, мечтательным выражением, как будто прислушивались к какой-то далекой волшебной музыке, недоступной грубому слуху представителя млекопитающих. Затем одновременно, словно хорошо сыгравшийся ансамбль, они еще выше подняли растрепанные хохолки, раскрыли желтые клювики и издали ряд громких истерических криков, похожих на пулеметную очередь. После этого они опустили хохолки и тяжело вылетели из коробки; один из птенцов сел мне на руку, второй на голову. Тот, что сидел на руке, издал радостный, кудахтающий звук, бочком подпрыгнул к пуговицам на рукаве куртки и, снова задрал хохолок, принялся с ожесточением их клевать. Тот, что сидел на голове, захватил клювом изрядный пук моих волос и, поудобнее расставив лапки, попытался выдернуть их.

— Когда этот человек поймал птенцов? — спросил я у Яна, удивленный таким нахальством и доверчивостью птиц.

Последовал короткий разговор на испанском языке, затем Ян повернулся ко мне.

— Он говорит, что поймал их полчаса назад.

— Этого не может быть, — возразил я, — птицы ведь совсем ручные. Вероятно, они у кого-нибудь жили и недавно улетели из клетки.

— Да нет же, гуира всегда так себя ведут.

— Они всегда такие ручные?

— Да, птенцы гуира вообще никого не боятся. С возрастом они умнеют, но ненамного. Птенец, сидевший на моей голове, убедился в невозможности снять с меня скальп, спустился мне на плечо и захотел узнать, насколько глубоко входит его клюв в мое ухо. Я поспешно снял его с плеча и посадил на руку, где сидел его брат. Они встретились так, словно не виделись целую вечность: подняв хохолки и нежно глядя друг другу в глаза, они заверещали со скоростью дрели. Когда я открыл дверцу клетки и поднес к ней руку, обе птички прыгнули внутрь и поднялись на жердочку с таким видом, словно родились в неволе. Удивленный такой беспечностью, я отправился на поиски Джеки.

— Пойди посмотри наше новое приобретение, — сказал я, увидев ее.-- Настоящая мечта коллекционера.

— А что это такое?

— Пара птенцов кукушки гуира.

— А, ты имеешь в виду этих рыжих птичек, — разочарованно ответила Джеки. — Не нахожу в них ничего интересного.

— Да ты походи и посмотри на них, — настаивал я. — Это в самом деле пара самых странных птиц, с которыми я когда-либо имел дело.

Гуира сидели на жердочке и охорашивались. Заметив нас, они на мгновение прервали свое занятие, окинули нас взглядом блестящих глаз, протрещали краткое приветствие и снова занялись туалетом.

— Да, вблизи они действительно более привлекательны, — согласилась Джеки. — Но все равно непонятно, чего ты с ними носишься.

— Ты не замечаешь в их поведении странностей?

— Нет, — ответила она, внимательно рассматривая птиц. — Мне очень нравится, что они ручные. Это избавит нас от кучи хлопот.

— В том-то и дело, что они совсем не ручные, — торжествующе заявил я. — Их поймали всего полчаса тому назад.

— Чепуха! — твердо возразила Джеки. — Ты только посмотри на них, сразу видно, что они привыкли жить в клетке.

— В том-то и дело, что нет. Если верить Яну, в этом возрасте они страшно глупые, их легко ловить, и они совсем как ручные. С возрастом они набираются ума-разума, но тоже не очень-то.

— Да, действительно очень странные птицы, — проговорила Джеки, пристально рассматривая их.

— Они кажутся мне не совсем нормальными, — заметил я. Джеки просунула палец сквозь сетку и поманила ближайшего птенца. Без малейших колебаний тот подскочил к решетке и подставил свою головку, как бы для того, чтобы ее погладили. Его братец, сверкая от возбуждения глазами, немедленно взобрался ему на спину и потребовал свою порцию ласки. Так они сидели один на другом, забыв обо всем и слегка раскачиваясь взад-вперед, а Джеки почесывала им шейки. Птенцы с наслаждением принимали массаж, хохолки их постепенно поднимались, головы запрокидывались клювом вверх, глаза закатывались в экстазе, перья на шее вставали торчком, и сами шейки вытягивались все больше, напоминая уже не шеи птиц, а какие-то покрытые перьями шеи жирафов.

— Нет, они определенно ненормальные, — повторил я, когда верхний птенец слишком далеко вытянул шею и, потеряв равновесие, свалился на дно клетки да так и остался сидеть там, хлопая глазами и недовольно кудахтая.

Позднее у нас появилось много этих забавных птиц, и все они оказались такими же глупышами. Одну пару, когда мы были уже в Парагвае, совершенно невероятным способом поймал один из участников нашей поездки. Он прошел по тропинке на расстоянии ярда мимо двух гуира, искавших корм в траве. Удивившись тому, что птицы не улетели при его приближении, он повернул назад и снова прошел мимо них. Птицы продолжали сидеть на месте, с бессмысленным видом глядя на него. На третий раз он подскочил к ним и торжественно вернулся в лагерь с добычей в руках. Благодаря легкости, с какой даже самый неопытный человек может ловить этих птиц, мы скоро имели в своей коллекции уже несколько пар, и они доставляли нам много веселых минут. В каждой клетке имелся просвет шириной около дюйма, через который производилась уборка. Любимым занятием гуира было, сев на пол и высунув голову наружу, следить за всем, что происходит в лагере, и обсуждать это между собой громкими кудахтающими голосами. Когда они выглядывали так из всех клеток, с поднятыми взъерошенными хохолками и сверкающими от любопытства глазами, обмениваясь пронзительными криками, они напоминали мне компанию неряшливых старых сплетниц, наблюдающих из окна мансарды уличную драку.

Другой страстью гуира, доходившей до исступления, была любовь к солнечным ваннам. Малейший луч света, попадавший к ним в клетку, приводил их в крайнее возбуждение. Издавая радостные трели, птицы рассаживались по жердочкам и готовились греться на солнце — готовились со всей серьезностью, как к очень важному делу. Прежде всего нужно было принять надлежащую позу. Надо было устроиться поудобнее и так расположиться на жердочке, чтобы удержаться на ней даже в том случае, если расслабится хватка. Затем они взъерошивали и энергично встряхивали перья, словно старую пыльную тряпку. После этого гуира распускали перья на груди и на огузке, свешивали вниз длинные хвосты, закрывали глаза и постепенно оседали на жердочке, пока не упирались в нее грудью, так что грудное оперение свешивалось с одной стороны, а хвост с другой. Наконец птицы медленно и осторожно расслабляли хватку лап и застывали, еле заметно покачиваясь из стороны в сторону. Принимая таким образом солнечные ванны, с перьями, встопорченными под самыми неожиданными углами, они казались только что вылупившимися из яйца птенцами, и можно было даже подумать, что их сильно

побила моль. Но, несмотря на все свои странные манеры, гуира были очаровательными птицами, и если мы хотя бы на полчаса оставляли их, они встречали нас такими восторженными приветственными криками, что невозможно было не проникнуться к ним самой глубокой симпатией.

Первые две кукушки гуира, которых мы приобрели в Лос Инглесес, стали нашими постоянными любимцами, и Джеки страшно их баловала. По окончании путешествия мы передали их в Лондонский зоопарк и затем смогли навестить их лишь через два месяца. Решив, что за это время глупые птицы совершенно забыли нас, мы приближались к их клетке в птичьем павильоне несколько опечаленные. Был субботний день, и около клетки с гуира толпилось много посетителей. Но не успели мы присоединиться к ним, как кукушки, чистившие перья, уставились на нас блестящими, сумасшедшими глазами, удивленно задрали хохолки и с громкими радостными криками подлетели к сетке. Глядя им шейки, которые вытягивались, словно резиновые, мы думали о том, что, вероятно, гуира не такие уж глупые, как мы полагали.

Глава вторая

ЭГБЕРТ И СТРАШНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Одной из самых распространенных птиц вокруг Лос Инглесес были большие крикуны. В радиусе мили от поместья можно было увидеть десять--двенадцать пар этих представительных птиц, шагающих бок о бок по траве или кружащих в вышине на широких крыльях, оглашая воздух мелодичными, звонкими криками. Мне требовалось восемь таких птиц, но как их поймать — было для меня загадкой, так как они были не только самыми распространенными, но и самыми осторожными птицами в пампе. Привычка пастись, как гуси, крупными стаями и полностью опустошать в зимние месяцы огромные поля люцерны навлекла на крикунов ненависть аргентинских фермеров, беспощадно уничтожающих этих птиц при любой возможности. В то время как большинство обитающих в пампе птиц подпускают к себе людей на довольно близкое расстояние, к крикунам в лучшем случае можно подобраться не ближе чем на полтора-два ярда. Мы знали, что вокруг было полно их гнезд, но все они были отлично замаскированы; и хотя каждый раз, когда родители начинали с громкими криками летать у нас над головой, мы чувствовали, что гнездо находится где-то рядом, нам так и не удавалось обнаружить его.

Однажды вечером мы ставили сети для поимки уток на небольшом озере, берега которого густо заросли тростником. Закрепив свой конец сети, я выбрался из солоноватой воды и побрел по зарослям. В одном месте я увидел маленькое гнездо, похожее на гнездо камышовой американской славки, искусно подвешенное между двумя листьями. Оно оказалось пустым, но мое внимание неожиданно привлек комок серой глины, который как будто подмигнул мне. Я решил, что это мне почудилось, как вдруг серый комочек снова мигнул. Внимательно всмотревшись, я понял, что передо мной не комок глины, а почти взрослый птенец крикуна. Он притаился в тростнике, словно окаменев, и только моргание его темных глаз позволяло обнаружить его. Я медленно подошел и присел рядом. Птенец не шелохнулся. Я осторожно погладил его по голове, но он словно не замечал моего присутствия и сидел совершенно спокойно. Тогда я поднял птенца и, сунув его под мышку, как курицу, пошел к автомобилю. Птенец не оказывал ни малейшего сопротивления и не проявлял никаких признаков страха. Когда я уже подходил к машине, два взрослых крикуна пролетели у нас над головой и разразились тревожными криками. Услышав их, птенец хлопал крыльями и из спокойного, послушного существа мгновенно превратился в обезумевшего звереныша. С большим трудом мне удалось удержать его и спрятать в коробку.

Дома нас встретил Джон, брат "Сони", и осведомился о наших успехах. Я с гордостью показал ему пойманного птенца.

— А, одна из этих проклятых птиц, — с отвращением сказал он. — Вот не знал, что они вас интересуют.

— Еще бы не интересуют! — возмущенно ответил я. — Это один из самых привлекательных экспонатов в зоопарках.

— Сколько вам их нужно?

— Восемь штук, но судя по тому, с каким трудом мне удалось добыть этого птенца, вряд ли я смогу набрать столько, — мрачно ответил я.

— О, не беспокойтесь, я поймаю вам восемь штук, — небрежно сказал Джон. — Когда они вам нужны? Завтра?

— Я не хочу особенно жадничать, — язвительно ответил я. — Меня вполне устроит, если вы принесете четырех завтра, а остальных послезавтра.

— Хорошо, — коротко ответил Джон и отошел.

Подумав, что Джон обладает довольно странным чувством юмора, если позволяет себе шутить над тем, что так дорого для меня, я тут же позабыл об этом разговоре. На следующее утро я увидел, как Джон садится на коня. Его ожидал уже готовый к отъезду пеон, тоже верхом на лошади.

--Привет, Джерри!--крикнул Джон, сдерживая нетерпеливо перебиравшего ногами коня. — Вы просили восемь или двенадцать?

--Чего?

— Chajas, разумеется, — удивленно ответил Джон.

Я с ненавистью посмотрел на него.

— На сегодня хватит восьми, а завтра еще с дюжину.

— Хорошо, — ответил Джон, повернул коня и ускакал.

Около полудня я мастерил клетку в маленькой хижине, отведенной для животных. Я загубил три планки, дважды угодил молотком по руке и чуть не отхватил пилой кончик большого пальца. Понятно, настроение у меня оставляло желать лучшего, да к тому же Джеки и Ян давно бросили меня на произвол судьбы. Я предпринял новую яростную атаку на клетку, когда послышался конский топот и меня окликнул жизнерадостный голос Джона.

— Алло, Джерри, заberi своих chajas.

Это переполнило чашу моего терпения. С видом убийцы сжав в руке молоток, я выскочил из хижины, собираясь недвусмысленно объяснить Джону, что мне сейчас не до шуток. Прислонившись к потному боку коня, Джон с улыбкой смотрел на меня. Но я сразу растерял весь свой пыл, когда увидел у его ног два больших мешка, которые подрагивали, вздувались, шевелились. Пеон тоже спешил и опустил на землю пару таких же мешков, тяжелых с виду и издававших какие-то шелестящие звуки.

— Вы это серьезно? — робко спросил я. — Там у вас действительно крикуны?

— Ну да, — удивленно сказал Джон. — А вы что думали?

— Я думал, вы просто шутили. Сколько же вы поймали?

— Восемь, как вы и просили.

— Восемь? — хрипло выдавил я из себя.

— Да, только восемь. К сожалению, дюжину мы сегодня не набрали, но я постараюсь завтра добыть для вас еще восемь.

— Нет, нет, не нужно... Надо сперва разместить этих.

— Но ведь вы сказали... — удивленно начал Джон.

— Забудьте о том, что я сказал, — поспешно перебил я его, — и не ловите их больше, пока я вас не попрошу.

— Ну что ж, вам виднее, — весело сказал он. — Да, кстати: в одном мешке есть совсем маленький птенец. Его больше некуда было посадить. Надеюсь, с ним ничего не случилось, но лучше посмотреть его поскорее.

Убедившись, что чудеса возможны и в наше время, я с трудом втащил в хижину тяжелые колыхавшиеся мешки, а потом побежал за Джеки и Яном, чтобы сообщить им радостную новость и попросить их помочь устроить птиц. Когда мы вытащили крикунов из мешков, у них был взъерошенный, негодующий вид; большинство их

было примерно того же возраста, что и пойманный мною накануне птенец. На дне последнего мешка мы обнаружили малютку, о котором говорил Джон. Это был самый трогательный, самый забавный и самый очаровательный птенец, которого я когда-либо видел.

Ему вряд ли было больше недели от роду. Тело его было совершенно круглым, величиной не больше кокосового ореха. На длинной шее сидела высокая, куполообразная голова с крошечным клювом и парой приветливых коричневых глаз. Серовато-розовые ноги были непомерно большими по сравнению с размерами тела и, казалось, совершенно не повиновались ему. Из верхней части туловища росли два маленьких, дряблых кусочка кожи, похожие на два пальца изношенных кожаных перчаток; они были приставлены к телу словно случайно и исполняли роль крыльев. Одет он был в нечто вроде ярко-желтого костюма из свалывшегося неочищенного хлопка. Птенчик выкатился из мешка, упал на спину, с трудом поднялся на свои огромные плоские лапы и, слегка приподняв забавные крылья, с любопытством уставился на нас. Затем он открыл клюв и застенчиво произнес: "Уип". Это привело нас в такой восторг, что мы забыли ответить на его приветствие. Он медленно и осторожно приподнял одну ногу, вытянул ее вперед и поставил на землю, а затем проделал то же самое с другой ногой. Он смотрел на нас с сияющим видом, явно гордясь тем, что успешно выполнил такой сложный маневр. Немного отдохнув, он снова произнес "уип" и вознамерился повторить все сначала, очевидно желая доказать нам, что его успех не был случайным. Но вот беда: сделав первый шаг, он по недосмотру поставил левую лапу на пальцы правой. Результат оказался катастрофическим. Птенец сделал несколько отчаянных попыток вытащить одну ногу из-под другой, с трудом удерживая равновесие, затем невероятным усилием оторвал обе ноги от земли и упал вниз головой. Услышав наш хохот, он посмотрел на нас снизу вверх и, теперь уже с явным неодобрением, повторил знакомое "уип".

Вначале из-за формы и цвета его туловища мы называли птенца Эг^[6], но позднее, когда он подрос, дали ему более солидное имя — Эгберт. Мне не раз приходилось встречать забавных птиц; как правило, они были смешными благодаря своей нелепой внешности, отчего и самые обычные их движения казались смешными. Но еще ни разу мне не приходилось встречать такой птицы, которая, подобно Эгберту, не только смешна сама по себе, но и беспредельно комична во всех своих действиях. Ни одна птица, которую я когда-либо видел, не могла заставить меня смеяться до упаду. Впрочем, это не часто удавалось и комическим актерам. Но Эгберту стоило только встать на свои длинные ноги, склонить голову набок и лукаво-вопросительно протянуть "уип", как меня начинал трясти неудержимый смех. Мы ежедневно вытаскивали Эгберта из клетки и разрешали ему с часик погулять по лужайке. Этих прогулок мы ожидали с таким же нетерпением, как он сам, но часа оказывалось вполне достаточным. По истечении этого срока мы были вынуждены водворять его в клетку, чтобы не умереть со смеху.

Ноги Эгберта были проклятием его жизни. Они были слишком длинны и постоянно путались при ходьбе. Ему все время грозила опасность наступить на собственную ногу и сделаться всеобщим посмешищем, как это случилось в первый же день его появления в Лос Инглесес. Поэтому Эгберт очень внимательно следил за своими ногами, ловя малейшие признаки неповиновения с их стороны. Иногда он по десять минут стоял на одном месте, опустив голову и внимательно вглядываясь в свои пальцы, которые слегка шевелились в траве, растопыренные, словно лучи морской звезды. Наверное, ему больше всего хотелось избавиться от этих огромных ног. Они страшно раздражали его. Он был уверен, что без них он смог бы с легкостью пушинки носиться по лужайке. Порою, понаблюдав некоторое время за ногами, он решал, что наконец-то усыпил их бдительность. В тот момент, когда они меньше всего этого ожидали, Эгберт стремительно бросался вперед, надеясь быстро пробежать по лужайке, оставив на ней ненавистные конечности. Он проделывал этот трюк много раз, но все напрасно. Ноги никогда не отставали от него. Как только он начинал

двигаться, ноги со злобной решимостью заплетались в узел, и Эгберт валился вниз головой в заросли маргариток.

Ноги постоянно и самыми различными способами бросали его на землю. Эгберту страшно нравилось ловить бабочек. Причину этого мы не знали, так как он не мог нам объяснить. Мы знали, что крикунов считают убежденными вегетарианцами, но как только где-либо в радиусе шести ярдов появлялась бабочка, Эгберт мгновенно преображался, глаза его загорались фанатическим хищным блеском, и он начинал подкрадываться к добыче. Для того чтобы успешно подобраться к бабочке, нужно неотрывно наблюдать за ней. Эгберт это понимал, но вот беда: как только он, дрожа от возбуждения, принимался следить за бабочкой, ноги, оставленные без присмотра, начинали выделять всякие выкрутасы, наступать друг на друга, переплетаться и даже двигаться в обратном направлении. Как только Эгберт отводил глаза от своей жертвы, ноги начинали вести себя прилично, но когда его взгляд обращался на прежнее место, бабочки там уже не было. И вот настал незабываемый день. Эгберт, широко расставив ноги, мирно дремал, греясь на солнце, как вдруг большая, плохо воспитанная бабочка, пролетая над лужайкой, снизилась, села Эгберту на клюв, вызываясь помахала усиками и снова поднялась в воздух. Эгберт, охваченный справедливым гневом, ткнул в нее клювом, когда она взвилась над его головой. На свою беду, он слишком далеко откинулся назад, потерял равновесие и упал на спину, беспомощно болтая ногами. Пока он так лежал, совершенно растерявшись, нахальная бабочка воспользовалась случаем и села на его выпуклое, покрытое пухом брюшко, наскоро привела себя в порядок и улетела. Этот позорный эпизод еще больше настроил Эгберта против чешуекрылых, но, как он ни старался, ему так и не удалось поймать ни одной бабочки.

На первых порах предметом нашего беспокойства было питание Эгберта. Он с презрением отвергал такую обычную растительную пищу, как капуста, салат, клевер, люцерна. Мы предлагали ему печенье с крутым яйцом, но он с ужасом отклонил эту попытку сделать из него каннибала. Он едва достаивал взглядом приносимые ему фрукты, отруби, кукурузу и другие продукты и от всего отказывался. Я вконец отчаялся и в качестве последней меры предложил выпустить Эгберта в огород, возлагая слабую надежду на то, что, несмотря на свою молодость, он как-нибудь даст нам знать, какое меню он предпочитает. К тому времени проблема кормления Эгберта заинтересовала всех обитателей Лос Инглесес, и когда мы вынесли его в огород, там нас уже ждала целая толпа. Эгберт приветствовал общество дружеским "уип", встал на ноги, упал, с большим трудом поднялся и отправился на прогулку. Мы следовали за ним затаив дыхание. С безразличным видом он прошел мимо капустных грядок, основное внимание уделяя контролю за своими ногами. Помидоры заинтересовали его, он начал внимательно их рассматривать, но как раз в тот момент, когда он, казалось, был готов принять решение, его вниманием завладел крупный кузнечик. На картофельном участке он почувствовал усталость и немного вздремнул, а мы стояли неподалеку и терпеливо ждали. Сон явно освежил его, он удивленно повторил свое приветствие, зевнул и, пошатываясь, словно пьяный, заковылял дальше. Мимо моркови он прошел с нескрываемым презрением, на участке с горохом решил немного развлечься и стал приглашать нас поиграть в прятки. Убедившись в том, что мы не даем отвлечь себя от решения основной задачи, он с сожалением отказался от своей затеи и направился к бобам. Цветы бобов очаровали Эгберта, но его интерес к ним носил эстетический, а не гастрономический характер. Среди петрушки и мяты у него вдруг зачесалась левая пятка, и при попытке встать на одну ногу, чтобы установить причину раздражения, он тяжело плюхнулся задом в дождевую лужу. Когда его подняли, обтерли и утешили, он заковылял дальше, пока не уткнулся в аккуратные грядки шпината. Здесь он стал как вкопанный и начал придирчиво и подозрительно рассматривать растения. Подступив к ним вплотную, он в упор уставился на них, склонив голову набок. У нас перехватило дыхание. Подавшись вперед, чтобы схватить лист, он оступился и упал головой в большую розетку шпината. Потом с трудом поднялся на ноги и предпринял новую

попытку. На этот раз ему удалось захватить клювом кончик листа. Он дернул его, но лист был прочным и не поддавался. Широко расставив ноги и откинувшись назад, он изо всех сил снова дернул лист. Кончик листа оторвался, и Эгберт опять очутился на спине. На этот раз он явно торжествовал победу, держа в клюве крошечный кусочек шпинатного листа. Под аплодисменты присутствующих Эгберт был водворен в клетку, и перед ним поставили большое блюдо нарубленного шпината. Но тут возникло новое затруднение. Даже мелко нарубленный, шпинат был для него слишком грубой пищей, так как непосредственно после еды у Эгберта появлялись признаки недомогания.

— Это слишком грубая пища для него, как бы мелко мы ни рубили шпинат, — сказал я. — Боюсь, нам придется готовить его примерно таким же способом, каким мать готовит пищу для птенца.

— Каким именно? — поинтересовалась Джеки.

— Понимаешь, они отрыгивают полупереварившиеся листья в виде жидкой кашицы.

— И ты предлагаешь нам тоже заняться этим? — настороженно спросила Джеки.

— Нет, нет, но если кормить его разжеванными шпинатными листьями, то, я думаю, это будет почти то же самое.

— Да, разумеется, но лучше, если это будешь делать ты, — оживилась моя супруга.

— В том-то и дело, что я курю, — сказал я, — и Эгберту вряд ли понравится смесь шпината с никотином.

— Другими словами, раз я не курю, значит, мне и пережевывать шпинат?

— В общем так.

— Если бы кто-нибудь сказал мне, — жалобно проговорила Джеки, — что, выйдя за тебя замуж, я должна буду в свободное время пережевывать шпинат для птиц, я бы ни за что этому не поверила.

— Но ведь это же для пользы дела, — робко вставил я.

— Нет, в самом деле, — мрачно продолжала Джеки, пропустив мимо ушей мое замечание, — если бы кто-нибудь сказал мне об этом и я бы этому поверила, я бы, наверное, ни за что не пошла за тебя замуж.

Она взяла блюдо со шпинатом, окинула меня уничтожающим взглядом и отправилась в укромное место жевать листья. Все то время, пока Эгберт находился у нас, он поглощал уйму шпината, и Джеки исполняла свою роль поистине с терпением жвачного животного. По ее подсчетам, она обработала таким образом около центнера листьев шпината, и с тех пор шпинат не значится в числе ее любимых блюд.

Вскоре после прибытия Эгберта и его сородичей мы получили двух зверьков, которые стали известны у нас под именем Страшных близнецов. Это была пара больших, очень толстых волосатых броненосцев. Они были почти одинаковых размеров и, как мы скоро обнаружили, обладали почти одинаковыми привычками. Поскольку оба зверька были самками, напрашивалось предположение, что они одного помета, если бы одного из них не поймали рядом с Лос Инглесес, а второго — в нескольких милях от поместья. Близнецов поселили в клетке с особым спальным отделением. Первоначально клетка предназначалась для одного большого броненосца, но из-за недостатка жилой площади пришлось поместить в нее двоих. Так как они были еще подростками, они устроились очень удобно. Единственными радостями в жизни для них были еда и сон, и они никак не могли насладиться ими в полной мере. Спали они обычно на спине, свернувшись в клубок, громко сопя и раздувая при этом большие морщинистые розовые животы; лапы их дрожали и подергивались. Сон у них был крепкий, казалось, ничто на свете не в состоянии их разбудить. Можно было барабанить по клетке, кричать через решетку, открывать дверцу в спальню и, задержав дыхание (так как близнецы издавали специфический резкий запах), гладить их толстые животы, щипать за лапы, трясти хвосты — они все равно продолжали спать, словно находились в глубоком гипнотическом трансе. Наконец, в полной уверенности, что только мировой катаклизм может вывести их из этого состояния, я наполнял жестяную миску той отвратительной мешаниной,

которую они любили, и ставил ее в переднюю часть клетки. Как бы осторожно я ни производил эту операцию, стараясь проделать ее без малейшего шороха, едва только рука с миской появлялась в дверце клетки, как из спальни доносился такой шум, словно гигантский дракон крушил клетку своим хвостом. Это метались близнецы, стараясь перевернуться на ноги и, так сказать, принять боевое положение. Тут нужно было бросать миску и поскорее отдергивать руку, так как буквально через долю секунды броненосцы пулей выскакивали из спальни и, тяжело сопя от напряжения, плечом к плечу пронеслись через клетку, словно два игрока в регби, борющиеся за мяч. Они с разбегу ударяли по миске (и по руке, если я не успевал ее убрать) и вместе с миской кувырком отлетали в дальний угол клетки. Смесь из нарезанных бананов, молока, сырых яиц и нарубленного мяса фонтаном ударяла в стенку и рикошетом попадала на спины близнецов, обволакивая их серые панцири густой вязкой массой. А они стояли среди всего этого хаоса, удовлетворенно хрюкая и урча, слизывая стекавшее у них с боков месиво, или затевали ссору из-за куса банана или мяса, который прилип к потолку, но, не выдержав неравной борьбы с силами тяготения, вдруг падал на дно клетки. Видя их по колено в этом обилии пищи, трудно было поверить, что два небольших зверька в состоянии поглотить такое количество витаминов и белков. Но уже через полчаса клетка была совершенно чиста, даже потолок был тщательно вылизан, для чего броненосцам приходилось вставать на задние лапы. А сами близнецы, шумно сопя, уже спали глубоким сном в своей благоухающей спальне, свернувшись в клубок. Со временем благодаря обильному питанию близнецы так растолстели, что с трудом пролезали через дверь спальни. Однажды, раздумывая над тем, как расширить клетку, я обнаружил, что один из близнецов с выгодой использует это обстоятельство. Вместо того чтобы укладываться спать вдоль спальни, как он это делал раньше, он ложился поперек, головой к двери. Как только запах пищи достигал его, броненосец мгновенно, прежде чем его компаньон успевал повернуться в нужном направлении, подскакивал к двери, наполовину высовывался из нее, а затем приподымал зад и закупоривал отверстие, как пробка бутылку. После этого он пододвигал к себе миску с едой и начинал неторопливо копаться в ней, а его разъяренный сородич, визжа и фыркая, безуспешно царапал его неуязвимый бронированный зад.

Волосатый броненосец — стервятник аргентинской пампы. Приземистый, с броней, надежно защищающей его от большинства хищников, он, подобно миниатюрному танку, движется по освещенной луною траве и перемалывает своими челюстями почти все, что попадает ему на пути. Броненосец ест фрукты и овощи, а при отсутствии их разоряет птичьи гнезда, пожирая яйца или птенцов; на закуску охотно поедает мышей и даже змей, если наталкивается на них. Но больше всего броненосец любит сочную, пахучую, полусгнившую падаль, она притягивает его, как магнит притягивает железо. В Аргентине, где расстояния огромны, а стада неисчислимы, часто бывает так, что старая или больная корова умирает и туша ее остается лежать незамеченной в траве; на солнце она быстро разлагается, запах разносится далеко вокруг, и к падали быстро слетаются мухи, жужжащие словно рой пчел. Запах разлагающейся туши броненосец воспринимает как приглашение на банкет. Покинув нору, он отправляется на поиски и быстро находит лакомство: огромную, кишашую личинками грудку мяса, лежащую в траве. Наевшись до отвала, броненосец не в силах уйти от туши, на которой еще остается столько еды, и он роет под нею нору. Там он спит до тех пор, пока не переварит свой обед и снова не почувствует голод. Тогда ему достаточно подняться вверх, высунуть голову из норы — и, так сказать, стол для него накрыт. Как правило, броненосец не покидает падаль, пока не снимет последний клочок мяса с уже побелевших костей. Лишь тогда со счастливым вздохом насытившегося животного он возвращается домой ожидать очередной гибели коровы или овцы. Несмотря на свои извращенные вкусы, броненосец считается отличной едой, мясо его напоминает нечто среднее между телятиной и мясом молочного поросенка. Пеоны часто ловят их, сажают в бочки с грязью и откармливают для собственного стола. На первый взгляд противно есть

животное, проявляющее такие низменные вкусы и предпочитающее падаль, но ведь и свиньи не особенно разборчивы в еде, а то, что ест камбала, вызовет тошноту даже у вурдалаков.

В пампе есть животное, чьи привычки настолько же очаровательны, насколько они отвратительны у броненосцев, но мне не пришлось с ним столкнуться. Это вискача, грызун величиной с обычного терьера, с таким же, как у него, низко посаженным туловищем и мордочкой, очень похожей на кроличью. От носа к глазам у нее тянется черная полоска, под ней светло-серая, а потом опять черная. Можно подумать, что вискача начала раскрашивать себя под зебру, но вскоре ей это надоело и она бросила работу, едва начав ее. Вискачи живут обычно колониями до сорока особей в больших подземных норах, называемых *vizcacheras*.

Вискачи — это богема пампы. Они ведут самый непринужденный образ жизни, и в их обширных коммунальных норах всегда можно застать друзей, проживающих у них. Земляные совы строят себе квартирки в боковых стенках нор, в заброшенных уголках иногда поселяются змеи, выступающие здесь в роли обитателей мансард. Когда грызуны расширяют свое подземное жилище и покидают часть прежних нор, в них немедленно вселяются ласточки. Во многих *vizeacheras* обитает не менее разношерстная публика, чем в пансионатах Блумсбери. Пока постояльцы ведут себя прилично, хозяйева несколько не беспокоятся о том, кем и как заселено их подземелье. Художественные вкусы вискачи, на мой взгляд, формировались под значительным влиянием сюрреализма. Земля у входа в нору лишена всяких признаков растительности и так плотно утрамбована множеством маленьких ног, что парадный подъезд колонии представляет собой танцевальную площадку. Эти плешины среди пампы являются своеобразными студиями, где вискачи устраивают свои художественные выставки. Они методично складывают в кучи длинные сухие стебли чертополоха, перемежая их камнями, ветками и корнями. Чтобы сделать эти натюрморты еще более привлекательными, вискачи используют все, что только попадает им на глаза. Около одной *vizcacheras* я нашел сооружение из веток, камней и стеблей чертополоха, между которыми со вкусом были вставлены несколько консервных банок, три серебряные бумажки, восемь красных пачек из-под сигарет и коровий рог. Эта необычная выставка, так любовно и заботливо устроенная посреди бескрайней пустынной пампы, пробудила во мне страстное желание увидеть ее создателя. Я пытался представить себе толстого маленького зверька с грустной полосатой мордой, сидящего при лунном свете у входа в свой дом и поглощенного созданием художественного произведения из сухих растений и различных предметов. Одно время вискачи были наиболее распространенными обитателями пампы, но их вегетарианские вкусы и упорство, с каким они выводили траву на больших участках для занятий художественным творчеством, навлекли на них гнев земледельцев. Фермеры объявили им войну, и грызуны были уничтожены или изгнаны из старых мест обитания.

Мы не поймали ни одной вискачи, и, как я уже говорил, мне даже не довелось ее увидеть. Я и теперь очень сожалею о том, что мне так и не удалось встретиться с этим любопытным представителем аргентинской фауны.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Авиационная компания заверила нас, что как только мы доставим наших животных в Буэнос-Айрес, можно будет отправить их самолетом в Лондон в течение суток. Поэтому, когда наш грузовик добрался до окраины столицы, я позвонил в отдел грузовых перевозок и, сообщив о своем прибытии, поинтересовался, где я могу разместить животных на ночь. С изысканной любезностью мне ответили, что в течение ближайшей недели отправить животных не удастся и что на территории аэродрома держать их негде. Таким образом, я оказался в чужом городе с полным грузовиком животных, которых негде было пристроить, — положение, мягко говоря, не из легких.

Видя наше затруднение, шофер любезно разрешил нам оставить животных на ночь в грузовике, но утром машина понадобится ему для работы. Мы с благодарностью приняли его предложение и, поставив грузовик во дворе его дома, начали кормить животных. Во время кормежки Джеки пришла в голову счастливая мысль.

— Я знаю, что делать! -- радостно воскликнула она. — Давай позвоним в посольство.

— Мы не можем звонить в посольство и просить устроить на неделю наших животных, — возразил я. — Посольства не занимаются такими делами.

— Если ты позвонишь мистеру Джибсу, он, возможно, сумеет нам помочь. Во всяком случае, попытаться стоит.

Нехотя, сознавая бесполезность этой затеи, я все же позвонил в посольство.

— Алло, вы уже вернулись? — послышался веселый голос мистера Джибса. — Вы удачно съездили?

— Да, спасибо, отлично.

— Очень рад за вас. И много вам удалось поймать животных?

— Да, порядочно. Дело в том, что из-за этого я вас и беспокою. Я хотел спросить, не сможете ли вы нам помочь.

— Конечно. А в чем дело? — спросил мистер Джибс, ничего не подозревая.

— Нам нужно где-то разместить на недельку животных.

Последовала непродолжительная пауза, во время которой мистер Джибс, как я предполагаю, боролся с искушением немедленно повесить трубку. Но я недооценил его самообладание; когда он мне ответил, его голос был таким же ровным и любезным, как обычно, без каких-либо признаков истерии.

— Да, это, пожалуй, нелегкая задача. Вам, вероятно, нужен сад или что-либо в этом роде?

— Да, и желательно с гаражом. У вас нет ничего на примете?

— Пока нет, мне не часто приходится подыскивать... э-э... помещения для живого инвентаря, так что мой опыт в этом отношении невелик. Если вы зайдете ко мне завтра утром — может быть, к тому времени я что-нибудь найду.

— Большое спасибо, — благодарно ответил я. — Когда вы приходите в посольство?

— О нет, так рано не надо, — поспешно ответил мистер Джибс. — Зайдите что-нибудь около половины одиннадцатого, я постараюсь к этому времени кое с кем поговорить.

Вернувшись во двор, я передал Джеки и Яну содержание нашего разговора.

— Пол-одиннадцатого нас не устраивает, — сказала Джеки. — Шофер только что предупредил, что грузовик ему понадобится к шести часам.

Некоторое время мы сидели в мрачном молчании, усиленно работая мозгами.

— Знаю! — неожиданно воскликнула Джеки.

— Нет! — твердо ответил я. — Я не буду звонить послу.

— Да я не об этом — позвоним лучше Бебите.

— Черт побери, ну разумеется! И как это мы раньше не сообразили.

— Я не сомневаюсь, что она нас устроит, — продолжала Джеки таким тоном, как будто была искренне убеждена в том, что каждый житель Буэнос-Айреса с удовольствием примет участие в размещении небольшого зверинца, стоит его об этом попросить. В третий раз я пошел к телефону. Последовавший разговор показал, на что способна Бебита.

— Алло, Бебита, добрый вечер.

— Джерри? Здравствуй, мальчик, я только что говорила о вас. Где вы сейчас находитесь?

— В каком-то пригороде Буэнос-Айреса — вот все, что я могу сказать.

— Выясни скорее, где вы, и приезжайте ужинать.

— Мы бы с удовольствием, если б можно было.

— Конечно, можно.

— Бебита, я звоню тебе в надежде, что ты сумеешь нам помочь.

— Ну конечно, мальчик. В чем дело?

— Понимаешь, мы здесь со своими животными. Ты не сможешь пристроить их куда-нибудь на недельку?

Бебита весело засмеялась.

— Ах! — произнесла она с напускным смирением. — Ну что ты за человек! В такой час ты звонишь мне только для того, чтобы попросить устроить своих животных. Ты всегда думаешь только о своих животных!

— Я знаю, что сейчас уже поздно, — сказал я с раскаянием, — но если мы до утра ничего не найдем, нам придется чертовски трудно.

— Не отчаивайся, мальчик, я найду что-нибудь для тебя. Позвони мне через полчаса.

— Чудесно! — сказал я, приободрившись. — Я очень сожалею, что пришлось беспокоить тебя такими делами, но нам больше не к кому обратиться.

— Глупости, — ответила Бебита. — Разумеется, вы должны были обратиться ко мне. Всего хорошего.

Прошло мучительных полчаса, и я снова подошел к телефону.

— Джерри? Все в порядке, я нашла для вас место. Один мой приятель согласился пустить твоих зверюшек в свой сад. У него там есть что-то вроде гаража.

— Бебита, ты просто чудо! — воскликнул я, вне себя от восторга.

— Ну разумеется, — весело подтвердила она. — А теперь записывай адрес, отвези свой зверинец и приезжай ужинать.

Воспрянув духом, мы помчались по указанному адресу. Через десять минут машина остановилась, и, выглянув из кузова, я увидел массивные металлические ворота высотой около двадцати футов; широкая аллея, усыпанная гравием, вела к дому, напоминавшему несколько уменьшенную копию Виндзорского замка. Я уже хотел сказать шоферу, что он ошибся и привез нас не по тому адресу, как ворота неожиданно раскрылись и приветливо улыбающийся привратник поклонился нам с таким видом, будто перед ним не обшарпанный грузовик, а роскошный роллс-ройс. С одной стороны дома проходила крытая веранда; она-то и была отведена для наших животных, как сообщил привратник. Еще не вполне оправившись от изумления, мы начали разгружать машину. Опасаясь, что произошло какое-то недоразумение, мы поспешили расставить клетки и удрать, прежде чем хозяин дома поднимет шум.

Бебита, спокойная и красивая, приветствовала нас в своей квартире; как видно, вся эта история ее насмешила.

— Ну, что, дети, благополучно разместили своих животных?

— Да, спасибо, все в порядке, там им будет просто чудесно. Твой друг поступил очень великодушно, Бебита.

— Ах, — вздохнула она. — Разумеется, он чудесный человек... великодушный... очень обаятельный... Вы представить себе не можете, какой он обаятельный человек.

— И долго тебе пришлось уговаривать его? — недоверчиво спросил я.

— Что ты, наоборот, он сам мне это предложил. Я только позвонила ему и сказала, что мы хотим поместить несколько маленьких зверюшек в его саду, и он немедленно согласился. Он мой друг, и, разумеется, он не мог мне отказать.

Бебита улыбнулась нам ослепительной улыбкой.

— Да, конечно, я тоже себе не представляю, как он мог тебе отказать, но мы в самом деле бесконечно признательны тебе, ты просто наша мать-спасительница.

— Глупости, — сказала Бебита. — Пошли скорее ужинать.

Только на следующее утро, зайдя к мистеру Джибсу, мы сумели в полной мере оценить, какую трудную задачу пришлось решить накануне Бебите.

— Я очень сожалею, — извиняющимся тоном произнес мистер Джибс. — Я звонил в несколько мест — и все безрезультатно.

— Не беспокойтесь об этом, один наш друг нашел подходящее место, — сказал я.

— Очень рад. Наверно, вся эта история доставила вам немало хлопот. Где же вы разместились?

— В одном доме на проспекте Альвеар.

— Где-где?

— На проспекте Альвеар.
— На проспекте Альвеар? — еле слышно переспросил мистер Джибс.
— Ну да, а что тут особенного?
— Ничего... ничего особенного, — ответил он, с изумлением глядя на нас. — Просто проспект Альвеар для Буэнос-Айреса примерно то же самое, что Парк Лейн^[7] для Лондона.
Спустя несколько дней, когда все животные были переправлены самолетами в Англию, выяснилось, что на юг страны нам так и не удастся попасть. Встал вопрос, куда направиться теперь. И тут нам позвонила Бебита.
— Слушайте, дети, хотите совершить поездку в Парагвай?
— Мне бы очень хотелось попасть в Парагвай, — с горячностью ответил я.
— Мне кажется, я смогу вам это устроить. Вы долетите самолетом до Асунсьона, а там один мой друг возьмет вас в свой самолет и доставит в это самое... как оно называется... Пуэрто-Касадо.
— Вероятно, ты договорилась об этом с одним из твоих друзей?
— Ну разумеется. С кем еще я могу об этом договориться, глупыш?
— Единственным препятствием может быть наше слабое знание испанского языка.
— Я тоже об этом подумала. Ты помнишь Рафаэля?
— Ну как же.
— У него сейчас в школе каникулы, и он бы с удовольствием поехал с вами в качестве переводчика. Его мать считает, что такое путешествие пойдет ему на пользу, при условии, что вы не заставите его охотиться за змеями.
— Исключительно разумная у него мама! Ты подала блестящую идею, я просто обожаю тебя и всех твоих друзей.
— Глупости, — ответила Бебита и повесила трубку.
Так и получилось, что мы с Джеки полетели в столицу Парагвая Асунсьон. С нами летел Рафаэль де Сото Асебал; всю дорогу в нем клокотала такая жизнерадостность, что к концу полета я казался себе охладевшим к жизни старым циником.

Глава третья

ПОЛЯ ЛЕТАЮЩИХ ЦВЕТОВ

Когда грузовик, подпрыгивая на ухабах, подъехал к небольшому аэродрому невдалеке от Асунсьона, было уже совсем светло, небо голубело. Еще не совсем очнувшись от сна, мы неловко выбрались из машины и выгрузили свое имущество. После этого мы немного походили, зевая и потягиваясь. Летчик и шофер грузовика скрылись в полуразвалившемся ангаре, стоявшем на краю летного поля. Вскоре, шумно пытая от напряжения, они показались снова, толкая небольшой четырехместный моноплан, красиво разрисованный серебристой и красной краской. Когда они выводили самолет из ангара на солнце, они были очень похожи на пару крупных коричневых муравьев, волокущих в муравейник маленькую бабочку. Рафаэль сидел на чемодане, сонно опустив голову и полузакрыв глаза.
— Смотри, Рафаэль, — весело сказал я. — Вот наш самолет.
Рафаэль вздрогнул, вскочил и посмотрел на крошечный самолет, который подталкивали к нам двое людей. Его глаза удивленно расширились за стеклами очков.
— Не может быть! — воскликнул он недоверчиво. — Неужели это наш самолет?
— Похоже, что так.
— О господи!
-- А в чем дело? — спросила Джеки. — Это очень милый маленький самолетик.
— В том-то и дело, что маленький, — ответил Рафаэль.
— Ничего, он выглядит достаточно прочным, — успокоил я его, но в этот момент одно из колес перекаатилось через небольшую кочку и все сооружение закачалось из стороны в сторону с мелодичным звоном.

— Черт возьми! — в ужасе закричал Рафаэль, — Джерри, *ce n'est pas possible*^[8], мы не долетим на этой штуке... она слишком мала.

— Не волнуйся, Рафаэль, все в порядке, — сказала Джеки с оптимизмом человека, никогда не летавшего на маленьких самолетах. — Это очень хороший самолет.

— Правда? — спросил наш друг, беспокойно поблескивая очками.

— Ну конечно, в Америке очень много таких самолетов.

— Но ведь мы не в Америке, а в Чако... Посмотри, у него только одно крыло, *n'est ce pas?*^[9] Если оно отломится, мы... брр! свалимся в лес. — Он откинулся назад и посмотрел на нас с жалким видом.

Тем временем самолет был подготовлен к отлету, и пилот подошел к нам, открывая в улыбке золотые зубы.

— *Bueno, vamos*^[10], — сказал он и начал собирать багаж. Рафаэль поднялся и взял свой чемодан.

— Джерри, мне это не нравится, — жалобно проговорил он, направляясь к самолету. Когда имущество было уложено, для нас самих почти не осталось места, но мы все же ухитрились втиснуться в самолет, я с пилотом на переднее сиденье, Джеки с Рафаэлем на заднее. Я сел последним и захлопнул невероятно хрупкую на вид дверцу, которая тут же открылась. Пилот нагнулся и посмотрел на дверцу.

--*No bueno*^[11],--произнес он, схватился мощной рукой за дверцу и захлопнул ее с такой силой, что самолет заходил ходуном.

— О господи! — послышался жалобный стон Рафаэля.

Летчик, весело насвистывая сквозь зубы, задержал ручки управления, мотор взревел, и машина начала дрожать и трястись. Самолет тронулся с места, подпрыгивая на неровностях почвы, трава слилась в сплошное зеленое пятно, и мы оторвались от земли. Набирая высоту, мы любовались открывшейся под нами местностью — сочной тропической зеленью, пронизанной красноватыми прожилками дорог. Мы пролетели над Асунсьоном, розовые дома которого ярко сверкали на солнце, и вскоре прямо по курсу самолета, в мерцающем круге пропеллера, показалась река Парагвай.

Летя на большой высоте, мы видели, что река огненной, искрящейся границей разделяла местность на два типа: под нами были плодородный краснозем, зеленые леса и обработанные поля, окружавшие Асунсьон и занимавшие восточную часть Парагвая, а далее, за лентой реки, начиналось Чако, необозримая плоская равнина, тянувшаяся до самого горизонта. Подернутая дымкой утреннего тумана, равнина казалась поросшей серебристо-бронзовой травой, кое-где перемежавшейся сочной зеленью маленьких рощиц. Казалось, будто кто-то прошелся по этой равнине гигантскими ножницами и подстриг ее, словно огромного пуделя, оставив на шкуре в качестве украшения зеленые островки шерсти. Под нами проплывал безжизненный ландшафт, единственным движущимся предметом была река, искрившаяся и сверкавшая по мере своего движения по равнине. Река делилась то на три-четыре русла, то растекалась по пятидесяти или шестидесяти рукавам, которые извивались и переплетались в затейливом узоре, словно блестящие внутренности какого-то огромного серебряного дракона, вываленные на равнину.

Пролетев над рекой, самолет опустился ниже, и я увидел, что равнина, которая показалась мне поросшей сухой травой, в действительности была заболочена — вода то и дело выдавала свое присутствие ярким блеском. Зеленые рощицы оказались густыми зарослями колючих кустарников, над которыми изредка поднимались пальмы. Местами пальмы росли сомкнутыми рядами, как будто были посажены людьми. Вода искрилась повсюду мгновенными яркими вспышками белого света, но, несмотря на обилие влаги, кустарники выглядели иссушенными и запыленными, корни растений находились в воде, листья были сожжены солнцем. Это была мрачная, безлюдная равнина, не лишенная, однако, своеобразного очарования. Все же через некоторое время пейзаж нам наскучил; лишь встрепанные кроны пальм давали тут какую-то тень.

Пилот достал из-под сиденья бутылку, откупорил ее зубами и протянул мне. В ней был холодный кофе — горький, но освежающий напиток. Я сделал несколько глотков, затем бутылка перешла к Джеки, а от нее к Рафаэлю и вернулась к летчику. Когда он сунул горлышко бутылки в рот и запрокинул голову, самолет нырнул носом к серебряной излучине реки в двух тысячах футах под нами, так что у нас засосало под ложечкой. Осушив бутылку, пилот отер губы тыльной стороной ладони, повернулся ко мне и прокричал в самое ухо:

— Пуэрто-Касадо! — И указал куда-то вперед.

Сквозь дымчатое марево я различил впереди очертания какого-то темного холма, неожиданно выросшего на плоской равнине.

— Una hora, mas o menos! — кричал пилот, показывая мне один палец.-- Una hora... Puerto Casado... comprende?^[12]

Весь этот час я дремал урывками, между тем как темная громада холма надвигалась все ближе. Самолет нырнул носом, и мы начали быстро снижаться. Вертикальные токи теплого воздуха подхватили крохотную машину и начали трясти и швырять ее; самолет плясал в воздухе, словно искра над костром. Затем он круто накренился, и на мгновение равнина приняла наклонное положение, река повисла над крылом, а горизонт оказался прямо над нами. Выровнявшись, мы уверенно направились к небольшому полю, которое можно было отличить от окружающей местности только потому, что на его краю с длинного шеста вяло свисал желтый ветровой конус. Самолет коснулся земли, прокатился немного по траве и остановился. Пилот с улыбкой посмотрел на меня, выключил мотор и сделал широкий всеохватывающий жест.

— Чако! — сказал он.

Когда мы вышли из самолета, жара навалилась на нас с почти ощутимой силой, и сразу стало нечем дышать. Пожухлая трава под ногами была жесткой и сухой, как стружки, кое-где виднелись островки огненно-желтых цветов. Не успели мы выгрузить из самолета багаж, как вдали показался грузовик; подскакивая на кочках, он направлялся к нам прямо по полю. За рулем сидел невысокий, толстый парагваец; на его губах блуждала улыбка, словно наше прибытие немало его забавляло. Он помог нам погрузить вещи, после чего мы покинули посадочную площадку и поехали по пыльной и тряской дороге через лес. Машина поднимала тучи пыли, и мы были настолько поглощены тем, чтобы хоть как-то удерживаться за борта грузовика, подпрыгивавшего на ухабах, что я не имел возможности рассмотреть местность, по которой мы проезжали. Через десять минут мы с грохотом въехали в Касадо. Поселок представлял собой обычное для Южной Америки скопление полуразвалившихся лачуг, разделенных разъезженными улицами без всякого покрытия. Мы проехали мимо огромного мангового дерева, стоявшего в центре поселка; в тени его укрывалось множество людей: некоторые спали, другие беседовали, оживленно шла торговля тыквами, сахарным тростником, яйцами, бананами и другими товарами, разложенными прямо в пыли.

Отведенный нам домик находился в конце поселка и был едва виден за стеной апельсиновых деревьев и грейпфрутов, между которыми росли кусты гибискуса, покрытые крупными красными цветами. Дом и его зеленая завеса были окружены сетью узких, мелких оросительных каналов, заросших травой и водорослями. Воздух оглашался мелодичным жужжаньем москитов, ночью к нему присоединялись многочисленные древесные лягушки, жабы и цикады. Древесные лягушки кричали возбужденными, пронзительными голосами, жабы квакали тяжело и задумчиво, а цикады время от времени издавали звуки, напоминавшие сопрано электрической пилы, разрезающей лист кровельного железа. Дом был удобен, хотя и без излишеств. Он состоял из трех комнат, смежных, как это принято в Испании, причем потолки всех трех комнат протекали. Несколько поодаль находились кухня и ванная, соединявшиеся с домом крытой галереей. Десять минут спустя после приезда я обнаружил, что ванную нам придется делить со многими представителями местной

фауны: там проживало несколько сот moskitov, множество крупных, блестящих, проворных тараканов и несколько угрюмых с виду пауков, занимавших пол. На бачке унитаза сидели несколько худосочных древесных лягушек с выпученными глазами и висела маленькая летучая мышь; она злобно пищала и, как все летучие мыши, очень напоминала потрепанный зонтик.

К несчастью, я ни с кем не поделился своими зоологическими открытиями, и Джеки, войдя в ванную после меня, выскочила оттуда как ошпаренная, оставив там мыло, полотенце и зубную щетку. Дело было в том, что летучая мышь, очевидно возмущенная постоянным хождением, слетела с бачка и, хлопая крыльями, повисла в воздухе перед лицом Джеки. Довольно язвительно Джеки заметила мне, что до сих пор она не считала летучих мышей необходимым условием опрятной жизни. В конце концов мне удалось убедить ее в том, что, несмотря на свою антиобщественную выходку, летучая мышь совершенно безвредна. Однако и впоследствии, заходя в ванную, Джеки опасно косилась на летучую мышь, которая висела на бачке и с неприязнью смотрела на нее.

Не успели мы разобрать вещи, как нас приветствовал другой представитель местной фауны в образе нашей хозяйки, смуглой черноглазой женщины, которую, как она нам сообщила, звали Паула. Лицо ее еще сохраняло следы былой красоты. Телеса ее так и выпирали из платья, но, несмотря на это, движения отличались исключительной легкостью и изяществом. Она плавала по дому, словно кучевое облако, разрастающееся в грозовую тучу, напевала лирические песенки, глядя перед собой затуманенным взором и с упоением занимаясь уборкой, которая состояла в том, что она сметала на пол все предметы, лежавшие на столах и стульях, а потом с тяжелым кряхтеньем подбирала то, что не разбилось. Вскоре мы убедились, что Паула занимает в местном обществе высокое и почетное положение: она была владелицей дома свиданий, и молодые, незамужние девицы находились на ее попечении. Паула относилась к своим обязанностям со всей ответственностью. Раз в две недели она выводила девочек встречать прибывающий пароход и "по-матерински" внимательно следила за тем, как они торговались с членами экипажа и пассажирами. Примерно на расстоянии мили от пристани пароход всегда давал гудок, предупреждая о своем прибытии. По этому сигналу Паула мчалась в свою хижину переодеваться. Она втискивала огромные груди в крохотный бюстгальтер, оставляя открытым то, что туда не входило, надевала платье какого-то невообразимого фасона и цвета, совала ноги в туфли с каблуками высотой в шесть дюймов, выливая на себя чашку какого-то удушающего зелья и мчалась к пристани со своим отборным товаром, торопя болтающих и смеющихся девиц. В эти минуты она напоминала пожилую, добродушную учительницу, сопровождающую на прогулке своих воспитанниц. Занимая столь важное положение, Паула держала в своих руках весь поселок, включая и местную полицию. Для нее не существовало неразрешимых проблем. Она могла достать все что угодно, от контрабандных бразильских сигарет до восхитительного dulce de leche^[13], и по первой просьбе немедленно отправляла своих девочек на поиски. Горе тому жителю поселка, который отказывался помочь Пауле. Жизнь его (в биологическом аспекте) становилась невыносимой. Вскоре мы убедились в том, что Паулу стоило иметь своим союзником.

Хотя мне очень хотелось поскорее ознакомиться с окрестностями, пришлось обуздать свое нетерпение. Остаток дня ушел на то, чтобы распаковать и разобрать снаряжение и навести элементарный порядок в доме. Рафаэль, по моему наущению, расспросил Паулу, какие существуют местные способы передвижения. Паула перечислила три способа — верхом на лошадах, на повозке, запряженной быками, и на autovia. В результате дальнейших расспросов выяснилось, что autovia была своего рода железной дорогой Чако, хотя термин "железная дорога" был тут чистым эвфемизмом. Autovia представляла собой узкоколейку, на которую были взгромождены ветхие автомобили марки "Форд-8". Дорога имела протяженность около двухсот километров и была для нас истинным даром богов. Паула заверила

нас, что, если мы пройдем по поселку к тому месту, где начинается линия, мы увидим там *autovia*, а где-нибудь поблизости найдем и водителя, который скажет, на какой час назначен ближайший рейс. Мы с Рафаэлем немедленно отправились выяснять возможности железной дороги Чако.

Действительно, на противоположном конце поселка мы разыскивали железнодорожную колею, правда, не без труда, так как рельсы до того заросли травой, что их почти невозможно было разглядеть. Сама колея была настолько фантастического свойства, что я онемел от страха, увидев ее. Она была около двух с половиной футов шириной, рельсы были изношены и стертые до блеска; выгибаясь то вверх, то вниз, они были похожи на двух серебристых змей, которые, извиваясь, уползают в траву. Я представить себе не мог, чтобы какой бы то ни было экипаж мог удержаться на них. Впоследствии, когда я увидел, с какой скоростью *autovias* мчатся по этим рельсам, мне казалось просто чудом, что мы возвращались живыми из наших поездок.

Чуть подальше мы обнаружили запасной путь, на котором стояло несколько невероятно потрепанных *autovias*, а невдалеке под деревом увидели столь же потрепанного водителя, мирно спавшего в высокой траве. Когда мы его разбудили, он сообщил, что на следующее утро *autovia* совершит рейс километров на двадцать и, если мы захотим, он возьмет нас с собой. Стараясь не вспоминать об извивающихся рельсах, я заявил, что как раз этого мы и хотим; я рассчитывал, что такая поездка позволит нам познакомиться с окрестностями и определить, какие виды птиц наиболее распространены здесь. Мы поблагодарили водителя, который пробормотал в ответ: "Nada, nada..." (Ничего, ничего), — снова лег в траву и тут же погрузился в глубокий сон. Мы с Рафаэлем вернулись домой и сообщили Джеки приятную новость, ни словом не упомянув о состоянии железной дороги.

На следующее утро Паула разбудила нас перед рассветом; плавно покачиваясь, она вошла в комнату с чайным подносом в руках, находясь в том неестественно приподнятом настроении, какое бывает у некоторых людей в самые ранние утренние часы. Она прошла в комнату Рафаэля, и мы услышали, как она бодро спрашивает его о чем-то, а он отвечает ей невнятным бормотанием. Было еще темно, но трели цикад уже перекрывались сонными криками петухов. Появился Рафаэль, в очках и нижнем белье.

— Эта женщина... — начал жаловаться он. — Она так рада будить меня, мне не нравится.

— Рано вставать очень полезно, — возразил я. — Ты проводишь в спячке полжизни, подобно зимующему медведю.

— Кто рано встает, тот бодр и здоров, — лицемерно поддержала меня Джеки, подавляя зевок.

— Ты собираешься ехать в таком виде или наденешь еще что-нибудь? -- спросил я нашего озадаченного переводчика.

Рафаэль нахмурился, пытаясь осмыслить сказанное.

— Я бы, пожалуй, так и поехал, — продолжал я разыгрывать его. — Костюм очень хорош... А если снять очки, ты не увидишь москитов.

— Не понимаю, Джерри, — проговорил наконец Рафаэль. С утра он владел английским языком значительно хуже, чем в остальное время суток.

— Ничего. Одевайся скорее, *autovia* нас ждать не будет.

Полчаса спустя наша *autovia* уже тряслась по рельсам, окруженная густым прибрежным туманом, казавшимся молочно-серым в предрассветных сумерках. Когда мы выехали из поселка и собаки, преследовавшие нас, отстали, из-за деревьев неожиданно показалось солнце, стерев все краски с восточной части неба и залив его морем света. Мы тряслись и качались в своем экипаже, все дальше и дальше углубляясь в лесные дебри Чако.

Лес был низкорослый, но деревья стояли так близко друг к другу, что их ветви переплетались между собой; почва была заболочена и покрыта густой растительностью, среди которой выделялись колючий кустарник и, как ни странно, кактусы. Некоторые кактусы имели вид склеенных краями зеленых тарелок,

усыпанных желтыми колючками и розовато-лиловыми цветами; другие напоминали осьминогов, раскинувших по земле свои длинные щупальца или обвивающих деревья колючими объятьями. Были и такие кактусы, которые походили на большие зеленые гусарские кивера, как бы подернутые черной дымкой колючек. Многие кактусы росли и цвели наполовину в воде. Между рельсами железной дороги росло множество мелких растений высотой всего в несколько дюймов, увенчанных мелкими чашеобразными красными цветками. Местами их было так много, что мне казалось, будто мы едем по какой-то бесконечной клумбе.

Время от времени лес прерывался, и перед нами открывались большие травянистые пространства, на многие акры усеянные огненно-красными цветами на высоких стеблях и аккуратно разделенные рядами пальм, округлые кроны которых напоминали снопы зеленых ракет, разлетающихся в небе. На этих травянистых полях можно было увидеть множество вдовушек бентеви, небольших птичек величиной с воробья, с глянцево-черными спинками и ослепительно белыми грудкой и шейкой. Они сидели на ветках и стволах мертвых деревьев, время от времени взмывали в воздух, хватали на лету насекомых и возвращались на место; их грудки сверкали на фоне травы, словно падающие звезды. Местные жители называли их *flor blanca* — белые цветы, и это прозвище очень подходило к ним. Мы видели целые поля этих летающих цветов; птички вспархивали и устремлялись к земле, и их грудки сверкали ослепительной белизной, которую можно сравнить разве что с блеском солнца на воде.

Самыми удивительными в этой местности были деревья, стволы которых у основания неожиданно расширялись, наподобие кувшина для вина; у них были короткие искривленные ветви, скудно украшенные мелкими бледно-зелеными листьями. Деревья эти росли небольшими группами, казалось, они впитали в себя слишком много влаги и стволы поэтому непомерно раздулись.

— Как называются эти деревья, Рафаэль? — крикнул я, стараясь перекрыть своим голосом стук колес.

--*Palo borracho*^[14],--ответил он. — Видишь, какие они толстые, Джерри? Говорят, что они слишком много пьют. поэтому их здесь называют пьяными деревьями.

— Пьяные деревья... Это действительно подходящее название. И место как раз для них, весь лес здесь кажется пьяным.

В самом деле, вся местность выглядела так, словно природа решила устроить грандиозную попойку и пригласила на нее самых различных представителей растительного мира умеренного, субтропического и тропического поясов. Всюду виднелись высокие пальмы, устало склонившие головы, — это были завсегдатаи баров с длинными нечесаными волосами; колючие кустарники схватились в пьяной ссоре; элегантные, нарядные цветы соседствовали с небритыми кактусами; пьяные деревья с раздувшимися животами любителей пива склонялись к земле под самыми неожиданными углами; и везде над этой оргией растений сновали вдовушки, словно маленькие, юркие официанты в белоснежных манишках.

Вскоре мне пришлось познакомиться и с отрицательными сторонами местности. После одного поворота перед нами открылась живописная, окаймленная пальмами топь, на которой кормились четыре огромных аиста ябиру. Медленно и величественно передвигались они по траве и сверкающим разводьям, очень напоминая виденную мною однажды процессию негритянских проповедников в белых стихарях. У аистов было белоснежное оперение, угольно-черные клювы -- и шеи, втянутые в сутулые плечи. Степенно и задумчиво вышагивали они по воде, время от времени застывая на одной ноге и слегка разводя в стороны крылья. Желая понаблюдать за ними несколько минут, я попросил водителя остановиться. Удивленно посмотрев на меня, он затормозил, и *autovia* со скрипом остановилась футах в пятидесяти от птиц, которые не обратили на нас ни малейшего внимания. Не успел я поудобнее устроиться на деревянном сиденье и поднести к глазам бинокль, как вдруг невероятных размеров полосатый москит влетел в *autovi* и сел на мою руку.

Я небрежно стряхнул его и поднял бинокль к глазам, но тут же опустил и захлопал рукой по ногам, на которых уже сидели четыре других москита. Посмотрев вокруг, я, к своему ужасу, обнаружил, что висевшая над травой легкая дымка в действительности была тучей москитов, которые надвигались на нас с возбужденным жужжанием. Через несколько секунд туча обволокла нас. Москиты облепили наши лица, шеи, руки, и даже одежда не спасала от укусов. Давя на себе москитов и проклиная все на свете, я потребовал от водителя немедленно трогаться, так как при всей моей любви к птицам был не способен наблюдать их в таких условиях. Когда *autovia* тронулась, большинство москитов отстало, но несколько наиболее упрямых продолжали преследовать нас на протяжении примерно полумили. Нападения москитов при каждой остановке отравляли удовольствие от поездки, так как ни на одном месте нельзя было продержаться более десяти минут, не рискуя сойти с ума от укусов. Охота и киносъёмки в этих условиях были трудной, мучительной работой. Пока я возился с аппаратом, определяя выдержку и фокусировку, кто-то должен стоять рядом и обмахивать меня шляпой, чтобы отогнать хотя бы часть насекомых, иначе я не мог сосредоточиться и быстро терял терпение.

В Пуэрто-Касадо мы вернулись после полудня, багровые и распухшие от укусов; за все утро я снял около двадцати футов пленки. Эта поездка хотя и была не из приятных, но все же дала мне возможность ознакомиться с местностью и затруднениями, ожидающими нас. Теперь можно было приступить к основной работе — собиранию представителей фауны кишасящего москитами пьяного леса.

Глава четвертая

ОРАНЖЕВЫЕ БРОНЕНОСЦЫ

Первый экземпляр нашей коллекции, пойманный жителем Пуэрто-Касадо, появился у нас в доме через сорок восемь часов после нашего приезда. В ранний предрассветный час, когда цикады и древесные лягушки боролись с местными петухами за вокальное превосходство, меня разбудил чей-то громкий, возмущенный визг, полностью перекрывавший все другие звуки. Я сел в кровати и изумленно уставился на Джеки, которая с не меньшим изумлением смотрела на меня. Не успели мы рта раскрыть, как снова раздался пронзительный крик, который, как мне казалось, исходил из кухни. Вслед за криком послышался громкий, возбужденный разговор на непонятном для нас языке гуарани^[15].

— Господи боже! — сказала Джеки. — По-моему, это голос Паулы... Что там происходит?

Я вылез из постели и начал искать свои туфли.

— Кричит она так, будто ее пытаются изнасиловать.

— Этого не может быть, — сонно возразила Джеки. — Из-за этого она бы не стала так кричать.

Я с неодобрением посмотрел на нее и направился на кухню, где стал свидетелем необыкновенного зрелища. Дверь была широко раскрыта; на пороге, озаренная розоватыми отблесками огня, подбоченившись, стояла наша хозяйка; ее роскошная грудь тяжело вздымалась после длинной тирады на языке гуарани. Перед ней стоял маленький худощавый индеец в оборванной одежде, держа в одной руке помятую соломенную шляпу, а в другой какой-то круглый предмет, очень похожий на футбольный мяч. Он говорил что-то Пауле мягким, успокаивающим тоном, а потом протянул ей этот футбольный мяч. Паула отскочила и издала такой пронзительный, негодующий крик, что большая жаба, сидевшая около порога кухни, испуганно прыгнула в ближайший куст гибискуса. Но индеец, видно, был не из пугливых, он положил шляпу на землю, опустил в нее футбольный мяч и начал что-то говорить, оживленно жестикулируя. Паула перевела дух и обрушила на него поток ругательств. Скандал на кухне в пять часов утра, когда двое стараются перекричать друг друга на языке гуарани, сплошь состоящем из гортанных звуков, — это было для меня слишком.

— Алло! — громко крикнул я. — Buenos dias!^[16]

Это немедленно возымело свое действие. Индеец подхватил шляпу вместе с мячом, прижал ее к распахнутой рубашке, поклонился и отошел в темноту. Паула привела в порядок свой бюст, грациозно поклонилась и направилась ко мне, вся трясаясь от возмущения.

— Ah, señor, — сказала она, задыхаясь и лихорадочно сжимая кулаки.-- Ah, señor, que hombre... buenos dias, señor... yo lo siento...^[17]

Я хмуро посмотрел на нее и начал припоминать весь свой запас испанских слов.

— Hombre^[18], — сказал я, показывая пальцем в ту сторону, где стоял индеец, совершенно исчезнувший на фоне деревьев и кустов.-- Hombre... ¿por que usted argumentos?^[19]

Паула бросилась в темноту и вытащила оттуда упирившегося индейца. Она подтолкнула его ко мне и, отойдя в сторону, величественно ткнула в него толстым коричневым пальцем.

— Hombre, — сказала она срывающимся от волнения голосом, — mal hombre^[20].

— Почему? — спросил я. Мне было искренне жаль индейца.

Паула посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— ¿Por que? — переспросила она. — ¿Por que?^[21]

— ¿Por que? — повторил я, чувствуя, что все это очень напоминает дуэт из какой-нибудь оперетки.

— Mire, señor^[22], — ответила Паула. — Смотрите.

Она схватила шляпу, которую индеец крепко прижимал к груди, и показала мне лежавший в ней футбольный мяч. При ближайшем рассмотрении — хотя все происходило в темноте — оказалось, что вызвавший негодование Паулы предмет был меньше футбольного мяча, но почти такой же формы. С минуту все мы молча смотрели на него, затем Паула набрала в легкие воздух и оглушила меня пулеметной очередью испанских слов, из которых я мог разобрать только регулярно повторявшееся слово "hombre". Я понял, что без посторонней помощи не обойтись.

— Momento!^[23] — произнес я, подняв руку, затем повернулся и вошел в дом.

— Что случилось? — спросила Джеки, увидев меня.

— Понятия не имею. Похоже, Паула страшно оскорблена тем, что какой-то индеец пытается всучить ей рождественский пудинг.

— Рождественский пудинг?

— Ну да, не то рождественский пудинг, не то футбольный мяч, не разбери-поймешь. Хочу разбудить Рафаэля, пусть выяснит в конце концов, что здесь происходит.

— Едва ли это может быть рождественский пудинг.

— Мы в Чако, — ответил я. — А в Чако все может быть.

Рафаэль, как и следовало ожидать, спал; он свернулся в клубок под кучей одеял и равномерно посапывал. Я стащил с него все одеяла и пошлепал его по спине. В ответ раздался громкий стон. Я снова пошлепал его, и Рафаэль поднялся, глядя на меня бессмысленным взглядом и разинув рот.

— Рафаэль, проснись, я хочу, чтобы ты пошел со мной и перевел кое-что.

— Нет, Джерри, не сейчас, — жалобно простонал он, близоруко щурясь на часы. — Посмотри, только половина шестого, я не могу так рано.

— Идем, — неумолимо настаивал я, — вылезай из постели. Мы, кажется, договорились, что ты будешь у нас переводчиком.

Рафаэль надел очки и посмотрел на меня с искренним возмущением.

— Да, конечно, я обещал быть переводчиком, только не в пять утра.

— Ну, хватит разговаривать, одевайся. К Пауле пришел индеец, они спорят о чем-то — какой-то футбольный мяч... Я ничего не могу понять, и ты должен мне помочь.

— Нет, я просто обожаю это Чако, — с горечью сказал Рафаэль, надевая туфли. Охая и зевая, он пошел за мной на кухню. Паула и индеец стояли на том же месте, футбольный мяч по-прежнему лежал в шляпе индейца.

— Buenos días, — сказал Рафаэль, сонно моргая глазами, — que pasa?^[24]

Паула вся затряслась и принялась рассказывать что-то Рафаэлю, подкрепляя свои слова мимикой и волнообразно колыхая телесами; время от времени она прерывала свою речь и указывала пальцем на преступника, молча стоявшего со своим пудингом в руках. В конце концов она выдохлась и в изнеможении прислонилась к стене, тяжело переводя дыхание.

— Ну, так что же случилось? — спросил я Рафаэля, который, казалось, был совершенно сбит с толку.

— Знаешь, Джерри, я сам не очень-то понял, в чем дело, — ответил он, почесывая затылок. — Она говорит, что этот человек принес что-то нехорошее... э-э... как это говорится? пакость, так, что ли? Он ей ответил, что она лжет и что ты охотно купишь эту вещь.

— Так о чем же в конце концов идет речь?

Рафаэль повернулся к владельцу пудинга, индеец посмотрел на него и застенчиво улыбнулся.

— Vicho, — проговорил индеец, протягивая шляпу с мячом. "Vicho" было первым и, на мой взгляд, самым важным словом, которое я выучил по прибытии в Южную Америку. В переводе оно означает "животное". Этим всеобъемлющим словом здесь называют любое живое существо, и, естественно, я постарался сразу же запомнить его. Теперь, когда индеец произнес магическое слово, до меня вдруг дошло, что я принял за рождественский пудинг какое-то живое существо. С радостным возгласом я подскочил к индейцу, вырвал у него шляпу и помчался на кухню, чтобы при свете лампы разглядеть ее содержимое. В шляпе, свернувшись в плотный клубок, лежал зверек, о встрече с которым я давно мечтал. Это был трехпоясный броненосец.

— Рафаэль! — крикнул я вне себя от возбуждения. — Посмотри, что здесь есть!

Он вошел в кухню и посмотрел на броненосца, которого я держал в руках.

— Кто это, Джерри? — с любопытством спросил он.

--Это броненосец... Понимаешь, *reludo*^[25], из тех, что свертываются клубком, маленькие. Я показывал тебе рисунки.

— А, помню, — лицо Рафаэля просветлело, — здесь его называют *tatu naranja*.

— А что такое *naranja*? — поинтересовался я.

— *Naranja* значит апельсин.

— Понятно. Он действительно очень похож на апельсин.

— Они тебе нужны? — спросил Рафаэль, осторожно тыча в зверька пальцем.

— О господи, конечно! Чем больше, тем лучше. Рафаэль, спроси этого человека, где он поймал броненосца, сколько за него хочет и не может ли поймать еще.

Рафаэль повернулся к индейцу, который, улыбаясь, стоял в дверях, и перевел ему мои вопросы. Тот энергично закивал и, то и дело запинаясь, начал объяснять что-то на испанском языке. Выслушав его, Рафаэль повернулся ко мне.

— Он говорит, что может наловить их сколько угодно, Джерри. Здесь их сколько угодно в лесу. Он хочет знать, сколько тебе нужно.

— По меньшей мере шесть штук... Сколько он просит?

Торг между Рафаэлем и индейцем продолжался около десяти минут, затем Рафаэль спросил меня:

— Пять гуарани^[26]. Не дорого будет?

— Нет, это вполне разумная цена, столько я ему заплачу. Спроси его, возьмется ли он показать мне место, где живут броненосцы?

Рафаэль и индеец снова посоветовались.

— Да, он говорит, что покажет тебе то место... Только это в лесу, Джерри... туда можно проехать только на лошадях.

— Чудесно, — обрадовался я. — Скажи ему, чтобы он снова зашел к нам после полудня, и мы отправимся на охоту вместе с ним.

Рафаэль перевел мое предложение, индеец кивнул и улыбнулся мне широкой, дружеской улыбкой.

— Bueno... muy bueno^[27], — сказал я, тоже улыбаясь ему.-- Сейчас принесу деньги. Когда я направился в комнату, бережно неся в руках маленького броненосца, Паула издала отчаянный вопль, но у меня не было ни малейшего желания считаться с ее оскорбленными чувствами. Джеки все еще сидела в постели, хмуро разглядывая следы укусов москитов на руке.

— Посмотри, что я принес, — весело сказал я и бросил свернувшегося в клубок зверька на кровать.

Очень довольный своим приобретением, я совершенно упустил из виду, что моя жена к тому времени, как, впрочем, и до сих пор, еще не научилась полностью разделять мою страсть к собиранию животных. Отбросив в сторону одеяла, она отскочила в противоположный конец комнаты таким прыжком, которому могла бы позавидовать любая балерина. Сочтя себя в безопасности, она посмотрела на зверька.

— Кто это? — спросила она.

— Что с тобой, дорогая, почему ты испугалась? Это броненосец, он совершенно безобиден.

-- Откуда мне знать? — ответила Джеки. — Ты ворвался в комнату и, ничего не сказав, швырнул мне этого зверя. Может, ты все-таки снимешь его с кровати?

— Он не тронет тебя, — убеждал я ее. — Честное слово, он совершенно безобиден.

— Я верю тебе, дорогой, но я не собираюсь играть с ним в постели в пять часов утра. Почему бы тебе не положить его на свою кровать?

Я осторожно перенес броненосца на свою кровать и пошел рассчитывать с индейцем. Когда мы с Рафаэлем вернулись, Джеки сидела на кровати со страдальческим видом. Посмотрев на свою кровать, я, к своему ужасу, обнаружил, что броненосец исчез.

— Не волнуйся, — подчеркнуто мягко сказала Джеки, — этот чудный маленький зверек просто зарылся в постель.

Я разворошил постель и нащупал броненосца, отчаянно барахтавшегося в куче простынь. Как только я его вытащил, он снова свернулся плотным клубком. Присев на кровать, я внимательно рассмотрел его. Свернувшись, он напоминал своими очертаниями и размерами небольшую дыню. С одной стороны шара проходили три "пояса", от которых зверек и получил свое название, — три ряда роговых пластинок, разделенных тонкими прослойками розовато-серой кожи, выполнявшей роль шарниров. На другой половине шара голова и хвост зверька сходились вместе. Они были покрыты бугристыми бронированными плитками и напоминали по форме равнобедренные остроугольные треугольники. Когда броненосец сворачивался, оба треугольника плотно прилегали друг к другу, закрывая доступ к мягким уязвимым частям тела животного. Вся бронированная поверхность броненосца была светло-янтарного цвета и казалась искусно сделанной мозаикой. Подробно объяснив своим слушателям особенности наружного строения броненосца, я положил его на пол, и мы сидели некоторое время молча, дожидаясь, когда он развернется. Несколько минут он оставался неподвижным, затем начал подергиваться и вздрагивать. Между треугольниками хвоста и головы появилась небольшая щелка, затем она расширилась, и показалась маленькая мордочка, похожая на поросычье рыльце. После этого броненосец быстро и ловко развернулся; он как бы лопнул, словно какая-то огромная почка, и на мгновение мы увидели розовое морщинистое брюшко, покрытое грязновато-белыми волосами, маленькие розовые лапы и грустную поросычью мордочку с круглыми выгнутыми черными глазами. Затем он перевернулся, и теперь из-под брони виднелись только кончики лап и несколько пучков волос. Хвост, торчавший сзади из-под его горбообразного панциря, напоминал шишковатую, утыканную шипами боевую палицу древних. С другого конца высывалась голова зверька, украшенная треугольной шапочкой брони и двумя крохотными ослиными ушами. Под роговой шапочкой я разглядел лишенные растительности щеки, розовый нос и черные бусинки подозрительных глаз. Круглые

задние лапы броненосца, оканчивавшиеся короткими тупыми коготками, очень походили на уменьшенные во много раз ноги носорога. Передние лапы так резко отличались от задних, что можно было подумать, будто они принадлежат совсем другому животному. Они были вооружены тремя изогнутыми когтями, из которых средний был самый большой, и напоминали скрюченную лапу хищной птицы. Вес задней части тела приходился на плоские задние лапы, передние лапы опирались на средний коготь, поэтому их подошвы были приподняты над полом и создавалось впечатление, будто зверек стоит на цыпочках.

Мгновение броненосец стоял неподвижно, нервно подергивая носом и ушами, потом решил отправиться в путь. Его маленькие лапы пришли в движение, он перебирал ими так быстро, что они слились в одно неясное пятно под панцирем, когти звонко стучали по цементному полу. Туловище оставалось совершенно неподвижным. Все это делало броненосца похожим не на живое существо, а на какую-то необыкновенную заводную игрушку. Это сходство стало еще более явным, когда броненосец с разбегу врезался в стену, по всей видимости не заметив ее. Мы расхохотались, и он настороженно застыл на месте, выгнув горбом спину и каждую секунду готовый свернуться в клубок. Затем, когда в комнате снова стало тихо, он минут пять обнюхивал стену и царапал ее когтями, тщетно пытаясь проделать в ней проход. Убедившись, что это невозможно, зверек повернулся, пробежал через всю комнату и скрылся под моей кроватью.

— Он похож на гигантскую мокрицу, — прошептала Джеки.

— Мне нравится этот *bicho*, Джерри, — сценическим шепотом проговорил Рафаэль, радостно улыбаясь. — Он движется совсем как танк, правда?

Броненосец, постучав когтями под моей кроватью, неожиданно выскочил оттуда и направился к двери. Как назло, Паула выбрала именно эту минуту для того, чтобы войти к нам с чайным подносом в руках. Босая, она вошла почти бесшумно, и броненосец, очевидно не отличавшийся остротой зрения, не заметил ее появления. Поднос закрывал от Паулы пол. Остановившись на пороге, она с сияющей улыбкой посмотрела на нас.

--Buenos días,--сказала Паула.--El te, senora^[28].

Броненосец подкатился к ногам Паулы, остановился, обнюхал препятствие и, найдя его достаточно мягким, решил, что именно здесь ему удастся прокопать выход. Не успели мы слова сказать, как он всадил свой большой коготь в палец ноги Паулы.

— Madre de Dios!^[29] — взвизгнула Паула, превзойдя этим коротким восклицанием все вершины вокала, которые достигла за утро.

Она отскочила назад, каким-то чудом удержав поднос в руках, но когда она уже была в соседней комнате, поднос наклонился и кувшин полетел на пол; под носом у броненосца разлилась большая лужа молока. Зверек осторожно обнюхал ее, чихнул, снова обнюхал и принялся жадно лакать молоко. Мы с Рафаэлем, давясь от смеха, тут же поспешили в другую комнату, чтобы успокоить трепещущую от страха хозяйку и забрать у нее поднос. Когда я вернулся с подносом обратно, оказалось, что броненосец, обеспокоенный шумом, дал тягу и скрылся за грудой чемоданов. Насколько силен был зверек, можно судить по тому, что чемоданы были битком набиты фотопленкой, батареями и другим снаряжением и мне стоило немалых усилий поднять любой из них, между тем как броненосец, решив искать убежище, втиснулся между стеной и чемоданами и начал расталкивать их с такой легкостью, словно это были пустые картонные коробки. Он исчез из виду, еще некоторое время отчаянно шебуршился между стеной и чемоданами и наконец затих. Я решил оставить его там до тех пор, пока мы не попьем чай. Вошел Рафаэль, протирая очки и хихикая.

— Эта женщина, — сказал он, — подняла большой шум.

— Она принесет нам еще молока?

— Да, я попросил ее. Знаешь, Джерри, она не понимает, зачем тебе нужны *bichos*. Ей никто не сказал, что мы приехали сюда за *bichos*.

— Ну хорошо, но теперь ты ей объяснил?

— Конечно, я сказал ей, что мы приехали в Чако специально для того, чтобы ловить bichos для zoologicos^[30].

— И что она тебе ответила?

— Она сказала, что все гринго сумасшедшие, но она надеется, что бог защитит ее, — с усмешкой ответил Рафаэль.

После завтрака, который нам подали еще не оправившаяся от страха Паула, мы соорудили клетку для броненосца. Мы сделали ее с запасом, чтобы в ней можно было поместить еще несколько зверьков, если нам удастся их поймать. Затем я начал вытаскивать броненосца из его укрытия за чемоданами, и это было нелегко — он засел между стеной и чемоданами, как гвоздь в стене. Как только я извлек его оттуда, он наполовину свернулся и издал несколько еле слышных свистящих звуков; каждый раз, когда я дотрагивался до его носа или хвоста, он начинал свертываться, тихо и раздраженно фыркая. Я позвал Джеки и попросил ее принести звукозаписывающий аппарат; после того как мы включили его и поставили микрофон в нескольких дюймах от зверька, я осторожно погладил ему нос. Броненосец проворно, без единого звука свернулся в клубок и замер. Мы всячески обхаживали, шлепали и щекотали его, но не могли больше вытянуть из него ни звука. В конце концов, раздосадованные неудачей, мы посадили его в клетку и оставили в покое. Лишь на следующий день нам удалось записать его тихое фырканье, которым он выражал свое раздражение.

В тот же день, после полудня, появился индеец, ведя в поводу трех страшно заезженных лошадей. Мы вооружились сумками, веревками и другим снаряжением для ловли зверей и отправились на поиски оранжевых броненосцев. Проехав по улицам поселка, мы около двух миль двигались по дороге, тянувшейся вдоль железнодорожной колеи; потом наш проводник спустился с насыпи и поехал по узкой, извилистой тропе, проходившей между густым колючим кустарником и раскидистыми кактусами. Футах в трех над головой я увидел повисшего над белым цветком вьюнка маленького колибри, его тельце так и сверкало золотисто-зелеными красками сквозь расплывчатое пятно трепыхавшихся с удивительной быстротой крыльев. Я потянулся к нему рукой, раздался мгновенный шелестящий звук — и птичка исчезла, только колоколообразный цветок раскачивался от ветерка, поднятого ее крыльями. Жара была невероятная, сухой, колючий зной словно высасывал из человека всю влагу, и, хотя мои глаза были защищены широкими полями шляпы, я все время жмурился от слепящего блеска солнца. Повсюду вокруг цикады воспевали солнце такими резкими пронзительными голосами, что казалось, будто эти звуки приходят не извне, а возникают в твоём собственном черепе.

Густая колючая растительность внезапно кончилась, и мы выехали на обширную поляну, на которой рядами высились огромные пальмы; их кроны, напоминая нечесанные копны волос, свободно пропускали солнечный свет, и тени, падавшие от стволов, тянулись по золотистой траве, как полосы на шкуре тигра. Пара чернолицых ибисов с аккуратными черными усиками и коричнево-серо-черным оперением расхаживала по траве, время от времени тыча в насыщенную влагой почву своими длинными серповидными клювами. Заметив нас, ибисы поднялись в воздух и полетели между пальмами с низкими, резкими криками: "Кронк... кронк... аркронк..." Пересекая поляну, мы обнаружили, что она делится на две части широкой извилистой лентой чудесных молочно-голубых цветов, уходящей вдаль подобно небольшой речке. Когда мы подъехали ближе, я понял, что перед нами действительно речушка, но она настолько заросла водяными растениями, что увидеть воду было почти невозможно. Сверху ее прикрывал ковер голубых цветов, а под ним виднелись переплетающиеся глянцево-зеленые листья. Цветы были такой нежной, чистой голубизны, что казалось, будто кусочек неба упал на землю между рядами коричневых стволов пальм. Мы вошли в речку, копыта лошадей мяли листья и цветы, и позади оставалась узкая полоска воды. Черно-красные стрекозы плавно

кружили над нами, сверкая на солнце прозрачными крыльями. Когда мы выбрались на противоположный берег и снова вошли в тень пальм, я повернулся в седле и еще раз полюбовался великолепной улицей голубых цветов; наш след в виде сверкающей полосы воды перерезал ее, как молния летний небосвод.

Покидая сень пальм и снова въезжая в колючий кустарник, мы спугнули одинокого тукана. С огромным светло-желтым клювом, голубыми пестринами вокруг глаз, опрятным черным оперением и белой грудкой, он напоминал клоуна, который переоделся в вечерний костюм, но забыл стереть с лица грим. Тукан внимательно следил за нашим приближением, вертя головой из стороны в сторону и издавая хриплые свистящие звуки — так хрипят старые несмазанные часы, перед тем как начинают бить. Одна из лошадей громко всхрапнула, тукан испугался и, щелкая большим клювом, со странным лающим криком нырнул в заросли.

Постепенно колючий кустарник стал редеть, теперь он рос отдельными островками на светлой песчаной почве, поросшей пучками травы и кактусами. Трава была почти добела выжжена солнцем, на поверхности почвы выросла твердая корка, сквозь которую с хрустом проваливались копыта лошадей. Одни лишь кактусы стояли зеленые в этом царстве блеклой травы и песка, так как благодаря особенностям своего строения умели улавливать влагу, попадающую к ним в виде росы и редких дождей и запасать ее впрок в своих мясистых колючих отростках, расходуя по мере надобности, подобно тому как медведь во время зимней спячки живет за счет отложенных осенью запасов жира. В отличие от окрестностей, тут не было болот, так как это место возвышалось на несколько дюймов над окружающей равниной. Подъем был совсем незаметен, но все же достаточен для того, чтобы посреди болотистой равнины образовался сухой островок. Любой участок земли, приподнятый хотя бы на шесть дюймов над окрестностью, может считаться чуть ли не горой в условиях огромных равнинных просторов Чако. Наш проводник и Рафаэль обменялись несколькими короткими фразами, затем Рафаэль подъехал ко мне.

— Здесь мы должны найти tatu, Джерри, — объяснил он, возбужденно сверкая глазами. — Теперь нам лучше разделиться, правда? Лучше рассыпаться в цепь, верно? Как только ты увидишь tatu, пускай лошадь галопом, и tatu сразу свернется клубком.

— Ты хочешь сказать, он не убежит?

— Да, индеец говорит, что броненосец сворачивается и не убегает.

— Что-то сомнительно, — недоверчиво возразил я.

— Нет, это в самом деле так, Джерри.

— В таком случае броненосец страшно глупое животное.

— Вот и индеец говорит, что это очень глупый зверь.

Мы ехали молча, на расстоянии пятидесяти ярдов друг от друга, лавируя между островками колючего кустарника. Слышны были только пронзительное стрекотание цикад, хруст твердой корки под лошадиными копытами, поскрипывание кожаной сбруи и звяканье металлических частей. До боли в глазах я вглядывался в заросли, в знойном мареве маячившие впереди. Из кустарника, резко крича, выпорхнули десять кукушек гуира и полетели прочь; длинные красивые хвосты делали их похожими на маленьких желтовато-коричневых сорок.

Вдруг ярдах в пятидесяти справа от себя я увидел выгнутую спину броненосца, который, как заводной, сновал между пучками травы. Радостно гикнув, я ударил пятками моего рысака, и на это последовала столь бурная реакция, что я спасся от падения в кактусы, лишь самым постыдным образом вцепившись в седло. Лошадь пошла тяжелым галопом, взметая фонтаны белого песка. Когда мы приблизились к броненосцу футов на пятьдесят, он услышал нас; быстро обернувшись, он понюхал воздух, с поразительной быстротой свернулся и замер на месте. Я был разочарован тем, что он оправдал свою репутацию глупого животного; будь он немного поумнее, он догадался бы скрыться в кустарнике. Остановившись футах в двадцати пяти от того места, где лежал броненосец, я спешил, привязал лошадь к пучку травы и пошел за своим трофеем. К своему удивлению, я обнаружил, что трава, казавшаяся

мне очень низкой, когда я сидел верхом, в действительности достаточно высока и полностью скрывает от меня броненосца. Тем не менее, зная, в какой стороне он находится, я пошел вперед. Через некоторое время я остановился и оглянулся: лошадь стояла от меня довольно далеко — во всяком случае, нас разделяло больше чем двадцать футов. Я решил, что потерял направление, и, проклиная себя за беспечность, повернул назад; двигаясь зигзагами через кустарник, я вернулся к лошади, так и не увидев броненосца. Это раздосадовало и расстроило меня — неужели зверек убежал, когда я проходил мимо? Ругая себя, я вскочил в седло, и каково же было мое удивление, когда я увидел броненосца на прежнем месте, футах в двадцати пяти от меня. Я снова спешился и пошел вперед, останавливаясь на каждом шагу и внимательно осматриваясь по сторонам. Дойдя до места, где, по моим расчетам, лежал броненосец, я стал ходить взад-вперед, и лишь с третьего захода мне удалось его обнаружить. Взяв броненосца в руки — он был тяжелый и разогрелся на солнце, — я мысленно извинился перед ним за то, что считал его тактику глупой. Я вернулся к своим спутникам, и в течение двух часов, тщательно обследуя островок сухой земли, мы поймали еще трех броненосцев. Так как близился вечер, мы решили вернуться домой. Теперь деревья и пальмы отбрасывали густую тень. Когда мы пересекали реку с голубыми цветами, оттуда с гудением поднялась туча moskitov, они набросились на нас и лошадей и так насосались крови, что их прозрачные вздутые животы стали похожи на красные японские фонарики. В поселок мы въезжали уже в темноте, лошади устало плелись по грязным улицам, окаймлявшие дорогу кусты светились зелеными огоньками светлячков, а летучие мыши то и дело пролетали перед нами с тихим довольным писком.

Джеки сидела за столом и писала, а наш первый броненосец с важным видом бегал по комнате. Оказалось, он весь день развлекался тем, что рвал проволочную сетку, которой была затянута клетка, и уже выбрался в кусты гибискуса, где Джеки и поймала его. Вернув его в дом, она решила до нашего возвращения оставить зверька в комнате. На время ужина мы пустили броненосцев бегать по полу, и они стучали и гремели своими коготками, как кастаньетами. Остаток вечера мы с Рафаэлем посвятили ремонту клетки; сняв проволочную сетку, мы прибили вместо нее деревянные планки. На ночь мы оставили клетку в доме, чтобы убедиться в ее полной надежности. Наутро оказалось, что планки немного обглоданы, но держатся крепко, а все пленники, свернувшись в клубок, мирно спят в своей спальне.

Решив вопрос с клеткой, я считал, что трехпоясные броненосцы не причинят мне больше хлопот, так как обычно броненосцы хорошо переносят неволю. Они питаются мясом и фруктами, причем не обязательно, чтобы предлагаемая им пища была очень свежей — в естественных условиях они довольствуются и загнившим, червивым мясом. Во всех учебниках говорится, что трехпоясный броненосец питается насекомыми и гусеницами; поэтому я решил на первых порах давать пойманным зверькам их излюбленную пищу, а затем постепенно приучать их к заменителям. Не жалея времени, мы собрали тошнотворную коллекцию насекомых и предложили их броненосцам. Но вместо того чтобы с жадностью наброситься на червей, гусениц и жуков, которых мы с таким трудом набрали, броненосцы испугались и стали шархаться от них с явным отвращением. После этой неудачи я попытался перевести броненосцев на обычную их диету в неволе — рубленое мясо с молоком; они полакали немного молока, но к мясу не притронулись. Это было возмутительно. Они вели себя так в течение трех дней, и я всерьез начал опасаться, что они ослабнут от голодания и мне придется их отпустить. Броненосцы стали несчастьем нашей жизни, нас то и дело осеяли все новые идеи, и мы мчались к клетке с очередным приношением, для того только, чтобы в который раз увидеть, как зверьки с отвращением отворачиваются от принесенной пищи. В конце концов благодаря чистой случайности мне удалось состряпать мешанину, которая снискала их расположение. Она состояла из растертых бананов, молока, рубленого мяса, сырых яиц и сырых мозгов. Все вместе это выглядело тошнотворно, но броненосцам месиво

очень понравилось. В часы кормежки они сломя голову мчались к миске, обступали ее со всех сторон, отталкивая друг друга, и утыкались носами в пойло; при этом они фыркали и сопели, а иной раз кто-нибудь громко чихал, обдавая соседей фонтаном брызг.

Наладив питание зверьков, я решил, что теперь-то все трудности позади и, согласно всем законам сбора животных, нашим хлопотам с броненосцами пришел конец. И действительно, вначале все было как будто в порядке. Днем зверьки мирно спали в клетке, свернувшись в клубок или лежа на боку, полураскрывшись и тесно прижавшись друг к другу. В половине четвертого они просыпались, выходили из своей спаленки и начинали, словно балерины, прохаживаться на цыпочках по клетке; время от времени они подбегали к решетке, высовывали головы наружу и нюхали воздух розоватыми носами, пытаясь определить, не несут ли им пищу. Иногда, в очень редких случаях, самцы затевали драку. Это выглядело так: один из зверьков загонял другого в угол и старался поддеть его головой за край панциря, чтобы перевернуть; положив противника на бок, победитель тоже ложился на бок и, отчаянно работая когтями, пытался выпотрошить его. После первых таких поединков я стал внимательно следить за броненосцами. Хотя они и не причиняли друг другу особого вреда, крупные броненосцы использовали преимущества роста и силы во время кормежки и отгоняли от миски более слабых своих сородичей. Тогда я решил разместить зверьков парами, состоящими из самца и самки примерно одинакового размера. Для этого пришлось построить клетку, которую Джеки назвала Синг-Синг^[31]. Новая клетка представляла собой несколько отдельных "квартир", расположенных одна над другой, каждая со своей спальней. К тому времени у нас было уже десять броненосцев, из них составилось четыре пары, два самца остались холостяками. По какой-то непонятной причине самки попадались охотникам реже, чем самцы: нам приносили много самцов и лишь изредка самку. Женатые пары жили очень дружно в апартаментах Синг-Синга, и поединков во время кормежки больше не было.

Как-то раз, кончив кормить броненосцев, Джеки пришла показать мне крупного самца. К тому времени зверьки стали совсем ручными и уже не сворачивались, когда мы брали их в руки. Джеки была чем-то озабочена, а броненосец, лежа на спине в ее раскрытой ладони, блаженствовал, пока она гладила его розовое мохнатое брюшко.

— Посмотри на его лапы, — сказала Джеки, протягивая мне зверька.

— А что с ними такое? — спросил я, взяв наполовину загипнотизированного зверька и рассматривая его.

— Вот смотри... Он совсем стер себе подошвы задних лап.

— Черт возьми, действительно. Отчего бы это?

— Мне кажется, — сказала Джеки, — что эти зверьки обойдутся нам слишком дорого. Они уже и так причинили нам больше хлопот, чем все остальные животные, вместе взятые.

— А как у других броненосцев?

— Я не смотрела. Я бы и у этого ничего не заметила, если бы он не упал в тот момент, когда я поставила в клетку еду; я подняла его и тогда только заметила рану на ноге.

Мы осмотрели остальных броненосцев и, к своему ужасу, у всех обнаружили на задних лапах круглые потертости величиной с шестипенсовую монету. Единственное объяснение, на мой взгляд, состояло в том, что деревянный пол клетки был для зверьков слишком тверд, и, имея привычку бегать по клетке, они стерли себе мягкую кожицу на подошвах задних лап. Теперь мы ежедневно выносили всех заключенных из Синг-Синга, клали на землю рядом, словно тыквы, и натирали задние лапы пенициллиновой мазью. Надо было что-то сделать и с полом в клетке. Сначала я попробовал покрывать его толстым слоем мягкой земли, но из этого ничего не вышло — во время кормежки броненосцы самым ужасающим образом расплескивали свою похлебку по клетке, а затем плотно утапывали получившуюся массу, и она затвердевала в цемент не только на полу клетки, но и на лапах зверьков. После

нескольких экспериментов я решил, что лучшим покрытием служит толстый слой опилок, на который кладется слой сухих листьев и травы. Пол клетки был застлан таким образом, и через две-три недели лапы у броненосцев поджили и больше не болели.

Многим может показаться, что мы напрасно затратили столько сил и энергии ради каких-то маленьких, малоинтересных зверьков, но для нас это был настоящий триумф. Отыскание и поимка редких животных, их устройство в неволе, перевод на рацион, заменяющий им питание, которое они получали в естественных условиях, борьба с болезнями и многие другие проблемы — такова трудная, утомительная, временами скучная работа зверолова, но успешное разрешение всех этих проблем доставляет огромное удовольствие и моральное удовлетворение. Животное, которое хорошо чувствует себя в неволе, никогда не болеет и ест все, что ему дают, пользуется любовью у зверолова. А если зверек хитрый, упрямый и нежный, то разрешение всех этих задач — дело чести для зверолова, и как бы трудно ему ни пришлось, успех в этом случае гораздо больше радует его.

Глава пятая

ЗВЕРИНАЯ КОЛОНИЯ

Собственными нашими усилиями и стараниями мужского населения поселка (под руководством Паулы) мы вскоре собрали кучу представителей местной фауны. Джеки, Рафаэль и я целыми днями работали не покладая рук. Мы делали и чистили клетки, кормили и поили животных, записывали их на пленку и фотографировали. Даже втроем мы с трудом справлялись со всей работой. Волей-неволей пришлось подумать о том, чтобы нанять плотника для изготовления клеток. Я говорю "волей-неволей", ибо у меня уже был богатый опыт сотрудничества с этими мастеровыми в различных частях света, и я убедился в том, что все они очень односторонни: поручите им сколотить стол или дверь, и худо или хорошо они с этой задачей справятся; но попросите плотника сделать несколько клеток для животных, и он немедленно утратит все свое умение и искусство. С большим трудом удастся научить его делать что-то, хотя бы отдаленно напоминающее нужную вещь, но как раз к этому времени обычно приходится переезжать в другое место. Вот почему я долго колебался, прежде чем попросил Рафаэля поручить Пауле найти для нас плотника. Он появился на следующее же утро. Это был низенький полный человек с таким непроницаемым выражением лица, что я невольно сравнил его с карасем. Хриплым голосом он сообщил, что его зовут Анастасий. Около полудня я втолковывал Анастасию, что нам нужно, затем дал ему деревянный ящик и попросил сделать из него клетку для птиц. Очень быстро обнаружилось, что Анастасий обладает двумя в высшей степени неприятными привычками. Во-первых, он громко и бездарно насвистывал во время работы; во-вторых, он был явно убежден в том, что гвозди — одушевленные существа, одержимые бесом. Вогнав гвоздь в дерево, он продолжал оглушительно колотить молотком и после того, как шляпка гвоздя поравнялась с поверхностью доски. Затем он делал паузу и подозрительно присматривался к гвоздю, словно ожидая, что тот попытается выскочить обратно и убежать. Гвоздь оставался на месте, но иногда Анастасию казалось, что он начинает шевелиться; тогда плотник подскакивал к доске и начинал бить молотком со страшной силой до тех пор, пока не убеждался в том, что гвоздь прекратил сопротивление. После каждого убитого гвоздя раздавался громкий бездарный свист, оповещавший всех нас о победе. Так он трудился над первой своей клеткой, и через два часа, наградив нас жестокой головной болью, представил на мой суд свое произведение.

На мой взгляд, нет ничего легче, чем смастерить клетку для птиц. Впереди натягивается проволочная сетка, между ней и дном оставляется зазор в полдюйма для удаления отбросов и нечистот. Внутри прибавляются две жердочки, и наконец делается дверца, с таким расчетом, чтобы в нее проходила рука человека. Анастасий создал настоящий шедевр. Его клетка была покойницей, полной трупов гвоздей, по

большей части искривленных или поломанных, проволочная сетка в нескольких местах была помята в результате слишком усердного преследования гвоздей. Дверь была устроена таким образом, что, закрыв, ее почти невозможно было снова открыть, а открыв, я не мог просунуть в нее руку. Зазор, оставленный для чистки клетки, был так велик, что через него смогла бы вылететь любая птица, за исключением разве что очень откормленного грифа. В угрюмом молчании созерцали мы это сооружение.

— Джерри, может, нам лучше делать их самим? — первым нарушил молчание Рафаэль.

— Нет, Рафаэль, у нас и так слишком много работы, придется терпеть этого палача, будем надеяться, он исправится.

— Ну, после такой клетки исправиться нетрудно, — заметила Джеки.— Только кого мы посадим в эту клетку? Ее обитатель должен быть совсем ручным, чтобы его легко можно было снова поймать, если он убежит.

В течение недели Палач, как мы его прозвали, делал клетки одну хуже другой. Он достиг своего апогея, когда мне понадобилась клетка, обитая изнутри жостью. Он закреплял жость по новому способу, загоня огромные гвозди в стенку не изнутри, а снаружи. В результате внутренняя поверхность клетки представляла собой частокол гвоздей, окруженных острыми заусеницами. Все сооружение напоминало какое-то средневековое орудие пыток.

— Ничего не выходит, Рафаэль, придется его отпустить. Я больше не выдержу — этот человек явно не в своем уме, — сказал я Рафаэлю. — Ты только посмотри, что он сделал. Можно подумать, наша задача — убивать животных, а не содержать их. Скажи ему, что он уволен, и передай Пауле, чтобы она нашла нам другого плотника, хоть мало-мальски сообразительного.

Палач вернулся к разрушительной деятельности, какой он занимался до прихода к нам, а на следующее утро Паула привела худого застенчивого юношу в кепке. Она представила нам нового плотника и долго распространялась о его удали, сообразительности и личных качествах. Рафаэль показал ему сделанные нами клетки, он тщательно осмотрел их и заявил, что, как ему кажется, он сможет сделать такие же.

— Хорошо, — сказал я, когда Рафаэль перевел мне весь разговор. — А как его зовут, Рафаэль?

— Como se llama? ^[32] — обратился к нему Рафаэль.

— Юлий Цезарь Центуриан, — ответил плотник, нервно хихикнув.

Итак, Юлий Цезарь Центуриан был принят в нашу компанию; он действительно оказался очень милым, находчивым и симпатичным человеком. Более того — он на самом деле был превосходным плотником. Как только он взял на себя сооружение клеток, мы почувствовали, что сможем посвящать животным гораздо больше времени.

В любой коллекции животных всегда есть два-три любимца, которые пользуются особыми симпатиями собирателя. Это не обязательно редкие или экзотические животные и не обязательно самые умные. Но в первый же момент, когда с ними сталкиваешься, словно чувствуешь, что они обладают какими-то редкими, не поддающимися точному определению качествами, каким-то очарованием и обаянием, что они наделены индивидуальностью. В Чако у нас было три таких любимца; позднее к ним присоединился четвертый, затмивший их всех, — но об этом после. Все три наших любимца были совершенно непохожи друг на друга, но каждый обладал той индивидуальностью, которая выделяла его из общей массы животных.

Первым из них был Кай, маленькая обезьянка дурукули. Ее принес нам однажды безобразный индеец в изрядно помятой соломенной шляпе, на которой болталась голубая лента. Я купил обезьянку с огромным удовольствием: кроме того, что я вообще люблю обезьян, я очень интересовался именно дурукули, так как это единственный род обезьян, ведущих ночной образ жизни. Кай был величиной с

небольшую кошку, шерсть у него была серая, на груди она переходила в светло-оранжевую, а на животе — в бледно-кремовую. Маленькие ушки почти полностью прятались в густой шерсти, покрывавшей его голову. Огромные, словно у совы, светло-янтарные глаза были обведены белыми кругами, окаймленными по краям черной полоской. Такая расцветка мордочки в сочетании с огромными глазами и кажущимся отсутствием ушей придавала обезьянке удивительное сходство с совой. Обезьяна была страшно худой, грязной и запущенной. В первые три дня она очень нервничала, и с ней ничего нельзя было поделать. Мы привязали ее к столбу, рядом с которым стоял большой ящик, и на первых порах обезьянка почти все время проводила в нем. Когда мы пытались установить с ней дружеские отношения, она забивалась в дальний угол ящика и с ужасом смотрела на нас широко раскрытыми глазами; ее маленькие лапки тряслись от страха. Она очень изголодалась и жадно ела то, что ей предлагали, но, какие бы муки голода она ни испытывала, она не выходила из ящика к еде до тех пор, пока мы не удалялись на некоторое расстояние. Но вот как-то раз мне удалось поймать для нее ящерицу; приблизившись к ящику, где сидел Кай, я присел на корточки и протянул руку с извивавшимся в предсмертных судорогах пресмыкающимся. Кай взглянул на лакомство, и соблазн оказался сильнее осторожности. Выскочив из ящика, Кай с тихим писком сел передо мной и крепко схватил добычу. Вдруг сообразив, что он еще ни разу не подпускал меня к себе так близко, Кай уже хотел юркнуть обратно в укрытие, но в это время хвост ящерицы слегка пошевелился. Забыв обо мне, Кай с сосредоточенным видом откусил хвост ящерицы и, помогая себе рукой, начал смачно хрумкать, словно это был корень сельдерея. Я сидел совершенно неподвижно, а Кай, наслаждаясь лакомством, время от времени настороженно посматривал на меня огромными светлыми глазами. Взяв в рот последний кусок ящерицы, Кай пожевал его, вынул изо рта, оглядел, снова пожевал и наконец проглотил. После этого он внимательно осмотрел свои руки и огляделся вокруг себя, чтобы убедиться в том, что больше ничего не осталось. Вытянув заднюю ногу, он энергично почесал бедро, поднялся и не спеша удалился в укрытие. С того дня он стал больше доверять нам.

Вскоре мы обнаружили, что Кай не любит, когда его привязывают на открытом воздухе. Вероятно, он испытывал при этом ощущение полной своей незащитности. Я принялся за работу и сделал ему клетку. Это было высокое и узкое сооружение с небольшой спальней наверху, куда Кай мог удаляться в любой момент. Кай обожал свою спальню и проводил в ней весь день, высывая в дверцу только голову и передние лапы. В таком положении он обычно и спал, полузакрыв глаза и изредка неожиданно открывая их; через несколько секунд веки снова смыкались, он начинал клевать носом, и в конце концов, после многочисленных вздрагиваний и внезапных пробуждений, его голова ложилась на передние лапки: он мирно спал. Но как только поблизости случалось что-либо интересное или необычное, его огромные глаза широко раскрывались и он высывался из спальни, чтобы получше рассмотреть, что происходит. Иной раз, не помня себя от возбуждения, он так вывертывал шею, что его голова поворачивалась затылком вниз, и мы уже начинали бояться, что еще немного -- и она отвалится. Кай мог поворачивать голову и на пол-оборота назад, совсем как сова. Он был очень любопытен и не мог оторваться даже от такого зрелища, которое внушало ему страх. Иногда он наблюдал за появлением в лагере новой змеи; с тихим писклявым криком спускался он вниз и смотрел на змею через решетку широко раскрытыми от ужаса глазами, время от времени оглядываясь через плечо, как бы для того, чтобы убедиться, что путь отступления не отрезан. Когда ему казалось, что змея слишком близко, он вскакивал на жердочку рядом с входом в спальню и, сидя лицом к сетке, поворачивал голову, продолжая следить за змеей через плечо. Таким образом, Кай мог при первой же опасности спрятаться в укрытие и в то же время наблюдать за пресмыкающимся. Для животного, ведущего ночной образ жизни, Кай удивительно много бодрствовал днем, и едва ли какие-либо события в нашем лагере ускользали от взгляда его огромных глаз и не отмечались его слабым писком.

Однажды я крошил для дятла полусгнившее бревно и обнаружил под корой несколько больших жирных тараканов. Желая угостить Кая, я поймал их и принес ему. Закрыв глаза и полуоткрыв рот, Кай лежал с блаженным видом на полу, принимая солнечную ванну. Когда я позвал его, он вскочил, растерянно глядя на меня. Открыв дверь клетки, я бросил туда самого большого и проворного таракана, считая, что Каю доставит удовольствие поймать его самому. Однако обезьяна, увидев спросонок, что в клетке появилось какое-то живое существо, не стала выяснять подробностей и мгновенно скрылась в спальне. Таракан медленно передвигался по клетке, неуверенно поводя усиками. Немного спустя Кай осторожно высунулся из двери и начал разглядывать, кого я ему принес. Он подозрительно осматривал таракана, и на его мордочке, как всегда в моменты нервного возбуждения, видны были только два огромных глаза. После долгих размышлений Кай решил, что насекомое безвредно и, быть может, даже съедобно. Спустившись на пол, он сел рядом с тараканом и начал рассматривать его вблизи. Таракан к этому времени закончил прогулку и решил привести себя немного в порядок. Сложив на животе руки, Кай сосредоточенно следил за тем, как насекомое умывается и отряхивается. Затем он вытянул осторожно лапу и легонько, одним пальцем, ударил таракана по спине. Таракан немедленно задал стрекача, а Кай испуганно отпрянул назад и обтер руку о грудь. Таракан, лихорадочно работая ногами и усиками, добрался до передней стенки клетки и начал пролезать через проволочную сетку. С пронзительным верещанием Кай бросился вдогонку и попытался схватить его, но было уже поздно. Я поймал таракана и снова посадил его в клетку. На этот раз Кай неотступно следовал за ним, время от времени притрагиваясь к его спине и обнюхивая после этого свои пальцы. Решив наконец, что, несмотря на отталкивающую внешность, таракан должен быть съедобным, Кай схватил его обеими лапами и, крепко зажмурив глаза, с выражением отчаянной решимости и отвращения, сунул в рот так, что дрыгающие ноги насекомого торчали оттуда, словно усы у моржа. С тех пор я стал угощать Кая только предварительно умерщвленными тараканами, иначе он слишком долго набирался духу для того, чтобы схватить насекомое, и оно успевало пролезть через сетку.

Обзаведясь собственной спальней, куда всегда можно было спрятаться в трудную минуту, Кай стал гораздо более доверчивым и ручным и даже позволял нам гладить его. Зажав в кулаке кусок банана или несколько виноградин, Джеки протягивала кулак Каю. Обезьянка спускалась вниз и с серьезным видом начинала отгибать палец за пальцем, добираясь до лакомства. Поглощая ежедневно множество фруктов и насекомых, а также пару кружек молока, смешанного с витаминами и сырыми яйцами, обезьяна начала быстро прибавлять в весе, а ее мех стал густым и блестящим. В ней уже нельзя было узнать то жалкое, облезлое, запуганное существо, каким мы ее впервые увидели. Основная заслуга тут принадлежит Джеки: Кай любил ее больше, чем меня, и Джеки приходилось чистить и кормить его, возбуждать его аппетит различными лакомствами и играть с ним, чтобы ему не было скучно. Я твердо убежден (говорю это без всякого тщеславия, так как в этом нет моей заслуги), что вряд ли в каком-либо зоологическом парке есть обезьяна дурукули, которая выглядит лучше, чем выглядел Кай, когда его привезли в Англию.

В течение некоторого времени Кай безраздельно царствовал в нашем лагере, но вскоре ему пришлось потесниться и поделить свой трон с новым пришельцем. Когда его вытряхнули из корзины, перед нами предстал очень маленький и очень пушистый зверек, похожий на щенка чау-чау, с черно-белыми кольцами на хвосте; его мордочка, непонятно зачем, была покрыта маской черной шерсти, из-под которой задумчиво и даже несколько грустно смотрели карие глаза. Он стоял на непропорционально длинных ногах с очень плоскими ступнями, напоминая приунывшего разбойника с большой дороги, обнаружившего, что у него нет при себе пистолета. Ступни его лап были розоватые, а пальцы тонкие и длинные, что называется артистические. Это был детеныш енота-крабоеда, которого мы вскоре прозвали Пу по двум причинам: во-первых, он очень напоминал знаменитого медведя с тем же именем, а во-вторых, это

был первый звук, который мы обычно произносили, когда приходили утром чистить его клетку.

Я поместил Пу в удобную просторную клетку с деревянной решеткой и небольшой дверцей, закрывающейся на крючок, насыпал туда пару ведер опилок и предоставил ему устраиваться по собственному усмотрению. Он вел себя вполне прилично; сидя на полу, Пу смотрел на нас через решетку, словно Дик Тэрпин^[33] в ожидании суда. Однако, вернувшись после полудня в лагерь, мы застали Пуза работой: с видом полнейшей невинности он восседал около дневного запаса яиц для нашего зверинца, точнее говоря, в окружении пустых яичных скорлуп, между тем как его лапы, морда и шерсть были измазаны в желтке и белке. Когда мы принялись ругать Пу, он смотрел на нас с таким выражением, словно давно уже убедился в том, что жизнь жестока к нему и ему не от кого ждать ни понимания, ни сочувствия. Я решил выяснить, каким способом этот взломщик выбрался из своей клетки, поскольку мне не приходило в голову ни одного мало-мальски правдоподобного объяснения. Я посадил его обратно в клетку, запер дверцу на крючок и издали стал наблюдать за ним. Прошло немало времени, прежде чем я увидел, как Пу высунул свой черный нос наружу и повел им в воздухе. Не обнаружив ничего подозрительного, Пу убрал нос обратно, а вместо него высунулась лапа с розовой ладонью и длинными тонкими пальцами; совсем по-человечьи эта лапа потянулась к крючку. Нащупав крючок, Пу одним из своих артистических пальцев поддел и ловко откинул его. Затем он с виноватым видом толкнул дверь, и на пороге медленно показалась его задумчивая морда.

В течение четверти часа я устанавливал на двери второй запор и укреплял крючок, но через три дня, изучив все хитрости этих механизмов, Пу снова удрал. К концу недели дверца его клетки оцетинилась всевозможными задвижками, защелками и крючками, которые поставили бы в тупик даже Гудини^[34], но это привело лишь к тому, что нам самим приходилось тратить больше времени на открывание дверцы, чем еноту. В конце концов я навесил на дверцу висячий замок, и это решило дело. Но Пу и после этого часами сидел около двери клетки, просунув лапы за решетку и ощупывая замок своими чувствительными пальцами, а иногда даже не без надежды на успех вставлял палец в замочную скважину.

Сентиментальные люди могут сказать, что Пу так упорно стремился вырваться из своей деревянной тюрьмы потому, что его манила свободная, привольная жизнь в лесу. Это мнение, однако, было бы ошибочным. Когда Пу удавалось покинуть клетку, он интересовался только двумя вещами: во-первых, пищей, и, во-вторых, клетками с птицами. Если он находил пищу, он сидел в ней до нашего прихода. Если пищи не было, он поднимал страшный переполох у птиц, пристально глядя на них через решетку и облизываясь. Можно также предположить, что если Пу не стремился обрести утраченную свободу, то он вырывался из клетки ради добывания приличной пищи — иными словами, что мы недостаточно хорошо его кормили. В связи с этим я должен заметить, что Пу ел больше, чем любое другое животное его размеров, с которым я когда-либо сталкивался. Этот обжора получал в день два сырых яйца, витамины, полпинты молока с рыбьим жиром, четверть фунта мясного фарша и фрукты в виде бананов, гуайявы и папайи. Все это Пу уничтожал примерно в течение часа и после короткого отдыха был готов продолжать дальше.

Обнаружив, что замок не выдает ему свои секреты, Пу все же не отказался от своих попыток и ежедневно посвящал замку полчаса. Остальное время Пу посвящал другим занятиям, среди которых видное место занимали приступы лихорадочной деятельности по уборке помещения.

Ежедневно, заканчивая титаническую работу по очистке его клетки, мы посыпали пол толстым слоем свежих опилок. Зверька немедленно охватывала мания наводить порядок, как это бывает с домашними хозяйками. Опилки, рассыпанные по всему полу, явно действовали ему на нервы. Пу начинал всегда с угла, выгребая опилки передними лапами и выбрасывая их между задними. Постепенно он отползал от угла, словно бульдозер двигая перед собой кучу опилок своим обширным задом. Эта

работа продолжалась в торжественном молчании до тех пор, пока на полу не оставалось ни одной соринки, а в каком-либо углу не выростала огромная конусообразная куча опилок; излишне говорить, что этот угол не использовался енотом для отправления естественных надобностей, хотя именно для этого мы насыпали ему опилки. Он предпочитал отдыхать на опилках в часы полуденного зноя, полулежа, как в своего рода шезлонге, и задумчиво перебирая длинными пальцами волосы на своем огромном животе. Когда Пу погружался в такие философские размышления, он очень любил играть куском сала; зажав его с одной стороны зубами, а с другой между задними лапами, он поочередно тянул сало то зубами, то лапами, легонько покачиваясь, словно в кресле-качалке; очевидно, это навевало на него дремоту.

Чтобы дать еноту возможность больше двигаться, я решил каждый день на несколько часов выводить его из клетки и привязывать к столбу. Я надел на зверька ошейник из тесьмы и привязал к ошейнику веревочный поводок. В первые полчаса Пу перегрыз поводок, забрался в продовольственный склад и сожрал двадцать четыре банана. Я перепробовал самые различные материалы, и больше всего работы задал еноту сыромятный ремень, но и он не выдержал неравной борьбы. В конце концов я достал металлическую цепочку, предназначавшуюся для других целей; она была коротковата, но по крайней мере енот ничего не мог с ней поделать. Несмотря на свою плоскостопую, медлительную, шаркающую походку и тучную комплекцию, Пу был очень подвижен и энергичен, ни минуты не сидел на месте и все время искал, куда бы запустить свои лапы. При таком избытке энергии еноту быстро все надоедало, и иной раз нам приходилось проявлять исключительную изобретательность, чтобы чем-либо занять зверька. Только старыми киноплёнками Пу мог забавляться до бесконечности; зажав в зубах длинную, в несколько ярдов, целлулоидную ленту, он слонялся по клетке из угла в угол или ложился на спину, держа ленту лапами и близоруко вглядываясь в нее, словно какой-нибудь толстый меланхолик-режиссер, просматривающий свой последний фильм.

Тот день, когда я нашел старый, пустой кокосовый орех, стал для Пу настоящим праздником. Вначале орех внушал ему подозрения, и он приближался к нему бочком, готовый обратиться в бегство при первой же попытке ореха напасть на него. Тронув орех лапой, Пу с удовольствием убедился, что он может катиться. Полчаса енот гонял орех взад-вперед; иной раз, увлекшись, он закатывал его так далеко, что цепочка не позволяла ему достать орех, и он издавал громкие, прерывистые крики, пока Джеки или я не возвращали ему игрушку. По совету Джеки я проделал в скорлупе ореха отверстие. После этого орех из временного увлечения превратился в самую любимую игрушку. Теперь Пу часами сидел на месте, зажав орех между задними ногами, и, шаря внутри лапой, время от времени доставал оттуда маленькие кусочки скорлупы. В первый раз он так увлекся, что лапа застряла, и чтобы вызволить его из беды, пришлось расширить отверстие. Пу целыми днями не расставался с орехом, то гоняя его, как футбольный мяч, то надевая на лапу, а устав, ложился спать с ним в обнимку.

Третьей выдающейся личностью нашего лагеря был зверек с неприятным именем Фокси^[35]. Это был маленький, изящный серый лисенок с тонкими лапами, огромным хвостом и быстрыми карими глазами. Когда его поймали, он был еще совсем маленьким, а нам его принесли в трех- или четырехмесячном возрасте. Размером он был с жесткошерстного терьера и, по-видимому, полностью отказался от всех лисьих повадок. Я даже думаю, что в глубине души Фокси считал себя не лисой, а собакой, и он действительно усвоил многие собачьи манеры. Мы надели на него ошейник с цепочкой, конец которой был привязан к кольцу. Кольцо могло свободно передвигаться по проволоке, протянутой между двумя столбами. Это обеспечивало лисенку простор для передвижения, и в то же время цепь была достаточно коротка, чтобы он не запутался в ней. Ночью Фокси спал в большой, застланной травой клетке. Каждое утро, когда мы выходили во двор, он

приветствовал нас громким и протяжным радостным воем. Как только мы открывали клетку, он начинал неистово вилять своим большим хвостом и приподнимал верхнюю губу, обнажая в восхитительной восторженной улыбке свои маленькие детские зубы. Его восторг достигал предела в тот момент, когда его вытаскивали из клетки, и в эту минуту приходилось быть начеку: радость встречи настолько захватывала его, что он совершенно забывался и мог обмочить нас.

Вскоре после того как он появился в лагере, мы обнаружили, что в жизни Фокси были две страсти — цыплята и сигаретные окурки. Цыплята или за их отсутствием любые другие птицы производили на лисенка завораживающее впечатление. Иногда одна или две курицы из курятника Паулы появлялись в расположении зверинца и подходили к тому месту, где был привязан Фокси. Лисенок прикивал к земле, положив морду на передние лапы и наострив уши, его хвост при этом чуть заметно дрожал. Куры медленно приближались, поклевывая рассыпанные зерна и громко кудахтая; чем ближе они подходили, тем ярче разгорались глаза у лисенка. Куры двигались очень медленно, и терпение у Фокси иссякало. Он бросался на кур задолго до того, как они оказывались в пределах досягаемости; с возбужденным тьяканьем метался он на цепи, а куры с истерическим кудахтаньем разбегались: Фокси приседал и, сияя улыбкой, оглядывался на нас, взбивая пыль ударами хвоста.

Его интерес к окуркам граничил с одержимостью. Заметив окурочек, он набрасывался на него и пожирал с выражением глубочайшего отвращения. После этого он с полчаса мучительно кашлял, пил без конца воду, после чего был готов схватить следующий окурочек. Но однажды Фокси получил урок на всю жизнь. По рассеянности я оставил неподалеку от его клетки почти полную пачку сигарет, и прежде чем я спохватился, Фокси успел изрядно наглотаться их. Что было дальше — страшно сказать. Его непрерывно рвало до тех пор, пока из него не вышли последние кусочки табака и бумаги вместе с остатками утреннего завтрака. Фокси был так измучен, что лежал пластом, и даже ухом не повел, когда мимо него прошел цыпленок. К вечеру он немного отдышался и съел два фунта мяса и пару сырых яиц, но когда я протянул ему сигарету, он отскочил и возмущенно фыркнул. С тех пор Фокси ни в каком виде не употреблял табака.

Глава шестая

ОЛЕНИ, ЛЯГУШКИ И КУФИЯ

Однажды мы узнали, что на следующее утро *autovia* совершит рейс километров на двадцать пять до поселка Вао. Меня привлекало не только звучное название поселка, но и рассказы о том, что в его окрестностях водятся ягуары. Я хотел попросить местных охотников поставить там несколько капканов. Кроме того, в Вао было крупное скотоводческое хозяйство и его население составляло по меньшей мере пятьдесят человек — весьма значительная по масштабам Чако цифра. Я рассчитывал найти там уже прирученных животных и, если возможно, купить их.

Нам сказали, что *autovia* отправится в четыре часа утра и что, если мы опоздаем, нас не будут ждать. С большим трудом мы добудились Рафаэля и вытащили его из постели, а затем, спотыкаясь, побрели к железнодорожной линии. Лягушки и жабы продолжали в придорожных канавах свой ночной концерт, темная, словно вымершая, деревня была окутана поднявшимся с реки туманом. Добравшись до стоявшей на рельсах *autovia*, мы сели на жесткие скамейки и задремали в ожидании водителя.

Через полчаса он наконец появился и, широко зевая, сообщил, что раньше пяти мы не выедем, так как ему забыли передать почту для Вао и он послал за ней. Раздраженные и раздосадованные, мы сидели молча, слушая пение деревенских петухов. Через некоторое время из тумана вынырнул мальчуган, тащивший мешок с почтой.

Бросив мешок на задние сиденья, водитель включил двигатель с таким утробным звуком, которому мог бы позавидовать любой петух, и колеса дробно застучали по извилистой колее, унося нас в туман.

По мере того как мы удалялись от реки, туман редел и вскоре почти совсем исчез, сохраняясь небольшими пухлыми шапками над водоемами и речками, мимо которых мы проезжали. Небо перед нами приобретало серо-стальной цвет, неровные очертания леса вырисовывались на этом фоне с микроскопической четкостью. Постепенно серый цвет перешел в пурпурно-красный, тот в свою очередь быстро сменился бледно-розовым, а затем синим — солнце поднялось над краем леса. При его первых же косых лучах вся местность ожила и приобрела объемность. Лес казался уже не плоским темным силуэтом, а густым переплетением ветвей, вьющихся растений, кустарников. Глянцевито блестели влажные от росы листья. Стайки кукушек гуира стряхивали с перьев воду, а некоторые уже сидели, распутив крылья, и наслаждались первым теплом наступившего дня. Мы проехали мимо небольшого озера, берега которого кишели представителями мира пернатых. Группами прохаживались ибисы, энергично опуская в грязь свои изогнутые клювы; высокий черный аист, раскрыв клюв, сосредоточенно рассматривал в воде собственное изображение; две ясаны купались, обдавая себя сверкающей водяной пылью, с нижней стороны крылья у них были желтые, цвета лютика. Маленькая серая лиса, возвращаясь ночной охоты, выскочила на линию и бежала перед нами около пятидесяти ярдов, прежде чем догадалась свернуть в сторону и скрыться в кустах. Вскоре мы увидели небольшую лужайку, на которой нашим глазам открылось необыкновенное зрелище. Площадь лужайки не превышала и двух акров, она была окружена высокими пальмами, и на ней усердно трудились большие пауки. Туловище паука, покрытое розовыми и белыми пятнами, было величиной с обыкновенный орех и сидело на длинных тонких ногах, покрывавших площадь размером с блюдо. Пауки плели свои сети из толстых, эластичных, отливавших позолотой нитей. Все кусты и пучки травы на лужайке были затянuty их паутиной, причем каждое гнездо было величиной с автомобильное колесо. В центре гнезда сидел паук, продольные и поперечные нити были унизаны каплями росы, словно золотая парча бриллиантами. Все это сверкало на солнце и было удивительно красиво.

В Вао мы приехали в половине восьмого. Колея вышла из леса на огромное поле, на котором там и сям проблескивала вода. В траве вдоль полотна кормились стаи черноголовых коньуров. Эти маленькие клинохвостые попугайчики имели ярко-зеленое оперение и угольно-черные шейки и головки. Когда мы проезжали мимо, они поднимались в воздух и кружили над нами с пронзительными криками. Линия заканчивалась на небольшой грязной площадке. Мы оказались в типичном для Чако поселке с длинным и низким белым зданием, в котором жил управляющий фермой, и скоплением полуразвалившихся хижин из пальмовых стволов, в которых ютились рабочие. Когда мы с грохотом и скрежетом остановились, показался Фернандес, управляющий фермой; через море грязи он зашагал к нам навстречу. Это был высокий, сильный человек с приятным, монгольского типа лицом и очень красивыми зубами. Он отличался изысканными манерами и приветствовал нас, словно царственных особ. Пригласив нас в дом, он велел своей маленькой смуглой жене угостить нас мате с молоком. Пока мы потягивали этот густой, сладкий до тошноты напиток, я разложил на столе книги и рисунки и с помощью Рафаэля, выступавшего в качестве переводчика, завел с Фернандесом разговор о представителях местной фауны. Фернандес узнал по рисункам всех тех животных, которые меня особенно интересовали, и обещал сделать все что возможно для их поимки. Он рассказал, что ягуары и оцелоты действительно водятся в этом районе, всего лишь неделю назад ягуар задрал нескольких коров, но оба этих хищника чрезвычайно осторожны и поймать их нелегко. Фернандес обещал поставить ловушки в подходящих местах и в случае удачи немедленно известить меня. Когда я начал спрашивать его о более мелких животных — лягушках, жабах, змеях и ящерицах, он улыбнулся обезоруживающей улыбкой и посоветовал пройти на окраину поселка, где производилась расчистка леса; там, сказал он, можно найти сколько угодно мелких *bichos*. Пока мы поспешно глотали мате, Фернандес позвал двух индейцев, и вместе с ними мы отправились ловить мелюзгу.

Мы двигались гуськом по узкой, заплывшей грязью тропинке, извивавшейся в высокой траве, из которой тучами поднимались москиты, прошли большой загон для забоя скота площадью около семидесяти квадратных футов, обнесенный изгородью из пальмовых стволов. На ней, нахохлившись, в угрожающих позах сидели черные грифы, терпеливо ожидая очередного забоя. Они настолько обнаглели, что, когда мы проходили мимо них на расстоянии не более шести футов, они даже не сдвинулись с места и только мерили нас оценивающими взглядами; вся их компания чем-то напоминала собравшихся для обсуждения деловых вопросов пожилых, степенных предпринимателей. Мы шли за Фернандесом по тропинке около полумили, потом заросшее травой поле кончилось и начался лес. Здесь мы увидели группу индейцев, вырубавших колючие заросли ножами мачете. Они громко переговаривались и смеялись, их огромные соломенные шляпы выныривали из кустарника то там, то тут, словно живые грибы. Фернандес созвал индейцев и рассказал, что меня интересует; они робко взглянули на нас и начали о чем-то переговариваться, затем один из них обратился к Фернандесу и показал на большое бревно, наполовину скрытое кустарником. Фернандес передал слова индейца Рафаэлю, а тот в свою очередь перевел их мне.

— Индеец сказал, что они видели змею, но она очень быстро уползла и спряталась под то дерево.

— Хорошо, спроси сеньора Фернандеса, помогут ли нам индейцы сдвинуть бревно, тогда я попытаюсь поймать змею.

После того как Рафаэль перевел мои слова, Фернандес отдал распоряжение, и группа индейцев, толкаясь и хихикая, словно школьники, побежала к бревну и начала вырубать кустарник вокруг. Когда подходы к бревну были расчищены, я вырезал себе подходящую палку и приготовился к боевым действиям. Рафаэль был страшно разочарован, когда я категорически отказался от его помощи, объяснив ему, что я торжественно обещал его матери не подпускать его близко к змеям. После непродолжительной дискуссии, в ходе которой Рафаэль едва не взбунтовался, я уговорил его отойти на безопасное расстояние. Затем я кивнул индейцам, они поддели своими мачете бревно, откатили его в сторону и бросились кто куда.

Из углубления, в котором лежало бревно, грациозно выползла толстая коричневая змея фута в четыре длиной. Она проползла около шести футов, заметила меня и остановилась. Когда я подошел ближе и наклонился, чтобы прижать ее палкой к земле, она сделала нечто поразительное: подняла дюймов на шесть над землей тяжелую плоскую голову и начала раздувать шею, так что вскоре передо мной была змея, напоминающая кобру с развернутым капюшоном. На свете есть много видов змей, обладающих способностью раздувать шею наподобие кобры, но у них все ограничивается небольшим вздутием, которое и в сравнение не идет с красиво распущенным капюшоном кобры. И вот теперь, в сердце Чако, на континенте, где кобры не водятся, я столкнулся со змеей, до того похожей на кобру, что даже профессиональный заклинатель змей вполне мог ошибиться и вытащить свою флейту. Я осторожно опустил палку, пытаюсь прижать змею к земле, но она, очевидно, отлично понимала мои намерения. Опустив капюшон, она довольно быстро и ловко поползла к ближайшим зарослям. После нескольких безуспешных попыток прижать змею к земле я в отчаянии сунул палку под ее извивающееся тело, когда она уже вползала в кустарник, и отбросил ее на расчищенное место. Это явно не понравилось змее, ибо она замерла на мгновение, глядя на меня с разинутой пастью, а затем снова решительно поползла к ближайшим кустам. Я снова догнал ее, поддел палкой и приподнял от земли, собираясь отшвырнуть на прежнее место, однако на сей раз у нее были собственные соображения на этот счет. Она сделала неожиданный рывок, полностью развернула капюшон и боком бросилась на меня с разинутой пастью. К счастью, я вовремя разгадал ее маневр и отпрянул назад, едва увернувшись от нее. Змея упала на землю и теперь лежала неподвижно, исчерпав все свои уловки и, вероятно, решив отказаться от дальнейшей борьбы. Я взял ее

сзади за шею и посадил в мешок без дальнейших осложнений. Джеки подошла и посмотрела на меня уничтожающим взглядом.

— Если ты жить не можешь без этих фокусов, — сказала она, — старайся по крайней мере проделывать их не на моих глазах.

— Она чуть не укусила тебя, — поддержал Рафаэль, глядя на меня расширившимися глазами.

— Кстати, что это за змея? — спросила Джеки.

— Не знаю. Меня смущает капюшон, хотя мне кажется, я где-то читал об этом. Я осмотрю ее внимательнее, когда мы вернемся домой.

— А она ядовитая? — спросил Рафаэль, присаживаясь на бревно.

— Нет, не думаю, чтобы она была ядовитая... Во всяком случае, не очень...

— Помнится, однажды в Африке змея, которую ты считал не ядовитой, оказалась очень ядовитой, после того как она тебя укусила, — сказала Джеки.

— Там было совсем по-другому, — ответил я. — Та змея выглядела абсолютно безвредной, поэтому я ее и поднял.

— Ну да, а эта похожа всего лишь на кобру, поэтому ты ее и поднял, — в тон мне ответила Джеки.

— Не сиди на этом бревне, Рафаэль, — сменил я тему разговора. — Под корой могут быть скорпионы.

Рафаэль вскочил, а я взял у индейца мачете, подошел к бревну и начал с силой бить по прогнившей коре. После первого удара посыпался град личинок жуков и появилась крупная сороконожка. После второго удара, кроме личинок, показались два жука и унылого вида древесная лягушка. Я не спеша двигался вдоль бревна, подцепляя концом ножа кору и отделяя ее от древесины. Казалось, кроме этой удивительной коллекции насекомых, под корой ничего нет. Но когда я снял кусок коры около того места, где только что сидел Рафаэль, я обнаружил там змею длиной около шести дюймов и толщиной с сигарету. Она была испещрена черными, кремовыми, серыми и ярко-красными полосами и выглядела очень живописно.

— О боже, — воскликнул Рафаэль, когда я схватил змею, — и я сидел на ней, да?!

— Да, — сурово ответил я, — и в дальнейшем, когда будешь садиться, будь поосторожнее. Ты мог раздавить ее.

— А что это за змея? — спросила Джеки.

— Детеныш кораллового асида. Сегодня нам, кажется, очень везет на змей.

— Но они ведь очень ядовиты, правда?

— Да, но не настолько, чтобы убить Рафаэля сквозь полудюймовый слой коры.

Спрятав змею в мешок, я обследовал бревно до конца, но не нашел больше ничего интересного. Фернандес, зачарованно следивший за нами с безопасного расстояния, предложил вернуться в поселок и проверить, нет ли в домах у местных жителей прирученных животных. Когда мы возвращались по той же тропинке, я увидел между деревьями воду и уговорил всех пойти посмотреть, что там такое. Мы обнаружили большой пруд, вода в нем была ржаво-красного цвета от прелых листьев и одуряюще пахла гнилью. Вне себя от радости, я начал бродить по берегу пруда, разыскивая лягушек. Минут через десять я спустился с облаков на землю, услышав на другом конце пруда громкие нестройные крики. Оглянувшись, я увидел, как Фернандес, Рафаэль и два индейца вертятся вокруг Джеки, что-то выкрикивая, а она в свою очередь громко зовет меня. Сквозь этот нестройный хор до меня доносился какой-то странный звук, как будто кто-то с редкими паузами дул в детскую дудку. Я побежал к месту происшествия и увидел, что Джеки держит в руке какое-то существо, которое и издавало эти трубные звуки, а Фернандес и индейцы отчаянно кричат хором:

— Venenosa, tuу venenosa, senora!^[36]

Ко мне подбежал испуганный Рафаэль.

— Джерри, Джеки поймала какого-то дурного bicho, они говорят, что это очень дурной bicho, — объяснил Рафаэль.

— Дай посмотреть.

Джеки раскрыла ладонь, и я увидел совершенно необычного представителя земноводных. Это было черное, круглое существо с желтовато-белым брюшком; на макушке его широкой, плоской головы, напоминавшей голову миниатюрного гиппопотама, сидели золотистые глаза. Но больше всего поразил меня рот животного с толстыми желтыми губами, словно в ухмылке растянувшимися от одного края морды до другого

— точь-в-точь иллюстрация Тенниэля^[37], изображающая Шалтая-Болтая. Пока я рассматривал лягушку, она внезапно раздулась, словно резиновый шар, приподнялась на своих коротких неуклюжих лапах, широко раскрыла рот, внутренняя полость которого имела сочную желтую окраску, и снова издала ряд пронзительных трубных звуков. Когда я взял лягушку в руку, она стала отчаянно вырываться, и я положил ее на землю. Она постояла немного на коротеньких лапах, широко разинула рот и мелкими прыжками начала двигаться ко мне, свирепо раскрывая и закрывая рот и издавая раздраженные трубные звуки. Это было очень забавное существо.

— Где ты поймала ее? — спросил я Джеки.

— Вот тут. Она сидела в воде, на поверхности видны были только одни глаза, как у гиппопотама. Я сразу же схватила ее. А что это такое?

— Понятия не имею. Что-то вроде рогатой жабы, только не совсем обычной. Во всяком случае, очень интересная тварь... Может быть, даже новый вид.

Мы начали энергично обследовать маленький пруд и поймали еще трех этих необычных лягушек, что меня очень обрадовало. В то время я действительно думал, что открыл новый вид, близкий к рогатым жабам, и только по прибытии в Англию выяснилось, что это лягушка Баджита, уже известная зоологам. Название это, на мой взгляд, вполне подходило к представительной осанке и солидному поведению этих лягушек^[38]. Все же, хотя они уже известны науке, их считают очень редкими животными, и даже в Музее истории естествознания был всего один экземпляр.

Когда мы подошли к поселку, мы застали там скотоводов, вернувшихся домой на обед и полуденный отдых. Кони были привязаны около хижин, тут же были свалены в кучу тяжелые, обтянутые овечьей кожей седла. Мужчины в сдвинутых на затылок соломенных шляпах сидели, прислонившись к стене дома, и потягивали из маленьких кружек мате. На них были ободранные, пропитанные потом рубахи, толстые кожаные наколенники на шароварах были исцарапаны колючками, сквозь которые им приходилось продирааться. В пристроенных к хижинам кухнях над очагами колдовали женщины, разогревавшие обед, а вокруг копошилось множество грязных черноглазых ребятишек и еще более грязных собак. Когда мы приблизились к первой хижине, Джеки решила предостеречь меня.

— Если у них есть прирученные животные, ради бога не показывай своей радости, а то с тебя сразу же запросят в два раза дороже.

— Хорошо, хорошо, не буду, — пообещал я.

— Как раз так ты покупал на днях птицу. Если бы ты так шумно ею не восхищался, мы купили бы ее вдвое дешевле. Лучше всего делать вид, будто ты совершенно не заинтересован в том, что тебе предлагают.

— Я думаю, что мы здесь вообще не много найдем, — сказал я, окинув взглядом кучку жалких лачуг.

Мы медленно переходили от дома к дому, и Фернандес объяснял мужчинам, что нам надо. Они смеялись, о чем-то переговаривались и обещали поймать для нас каких-нибудь животных, но в данный момент ничего интересного у них не было. Остановившись возле одной из хижин, мы разговорились с хозяином, небритым, отталкивающей наружности мужчиной. Он подробно рассказывал нам о повадках ягуара, как вдруг из двери хижины выскочило какое-то животное, которое я с первого взгляда принял за собаку. В ту же минуту Джеки издала пронзительный крик, я повернулся и увидел, что она держит маленького пятнистого олененка, который настороженно смотрит на нее большими темными глазами.

— Ты только взгляни... ну разве не прелесть! — кричала Джеки, забыв о том, что хозяин зверька стоит в двух футах от нее. — Он чудесный, не правда ли? Взгляни, какие у него глаза. Мы должны купить его, если только хозяин согласится продать.

Я посмотрел на хозяина животного, увидел, как заблестели его глаза, и вздохнул.

— После того как ты проявила такое безразличие к зверьку, он будет прямо-таки рад его продать, — раздраженно ответил я. — Рафаэль, спроси его, сколько он хочет за зверька?

Минут десять хозяин рассказывал нам о том, как он привязан к олененку и как трудно ему с ним расстаться, а потом назвал цену, которая ошеломила нас всех. Еще через полчаса цена была значительно снижена, но все еще намного превышала действительную стоимость животного. Джеки молча смотрела на меня.

— Вот что ты наделала, — с отчаянием сказал я. — Он запросил вдвое больше того, что стоит зверек. Мы купили бы его за четверть цены, если бы ты не бросилась ласкать олененка, как только его увидела.

— Я его и не ласкала, — с искренним возмущением возразила Джеки, — я только хотела обратить на него твое внимание.

Это чудовищное утверждение лишило меня дара речи; я молча вручил владельцу олененка деньги, и мы направились к железной дороге. Джеки держала зверька на руках и ласково нашептывала ему что-то в шелковистые уши. Когда мы сели в *autovia*, водитель нагнулся и, улыбаясь, погладил олененка по голове.

— *Lindo*, — сказал он, — *muy lindo bicho*.

— *Lindo*, кажется, значит красивый? — спросила Джеки.

— Верно, — подтвердил Рафаэль.

— По-моему, это очень хорошее имя для зверька.

Итак, мы назвали олененка Линдо — красивый. Вел он себя очень прилично, с интересом обнюхивал скамьи, затем подошел к Джеки и приткнулся к ней черным влажным носом. Но при первом же толчке *autovia* он, очевидно, решил, что такой способ передвижения его не устраивает, и стремительно бросился к стенке нашего экипажа. Он вскочил на борт и был готов прыгнуть вниз, но в последнюю секунду я поймал его за задние ноги и втащил обратно, Линдо отчаянно сопротивлялся, нанося удары своими маленькими острыми копытцами и издавая пронзительные протяжные крики. С испуганным олененком очень трудно справиться; надо крепко держать его задние ноги, иначе он может нанести серьезные ранения; с другой стороны, ноги у него очень хрупкие, и, если держать слишком сильно, можно сломать их. Через пять минут мы сладили с Линдо, я снял с себя рубашку и завернул в нее зверька так, чтобы он не мог повредить ни себе, ни нам, если бы вздумал брыкаться. Водитель был до того увлечен видом оленя в рубашке, что едва не перевернул нас на крутом повороте.

Подходя к нашему домику, мы с удивлением увидели у ворот толпу человек в тридцать, окружившую какого-то мужчину с большим деревянным ящиком. И человек с ящиком, и окружавшие его люди кричали и оживленно размахивали руками. На веранде нашего дома высилась мощная фигура Паулы, которая угрожающе размахивала ржавым ружьем. Мы пробились сквозь толпу и подошли к веранде, чтобы выяснить, что происходит. Паула встретила нас с явным облегчением и начала горячо говорить что-то по-испански, закатывая глаза, хмуря брови и поочередно наводя ружье на каждого из нас. Я взял у нее ружье, не без сопротивления с ее стороны, а Рафаэль внимательно слушал ее рассказ. Утром сеньор попросил ее достать ружье, чтобы застрелить несколько маленьких птичек для *lechuchita*, маленькой совы. Она пошла в деревню и раздобыла сеньору великолепное ружье. Вернувшись, она увидела на веранде этого человека (дрожащим пальцем Паула показала в сторону человека с ящиком). Гость сказал, что принес для сеньора *bicho*. Она любопытствовала, что это за *bicho*, он откинул крышку ящика, и Паула с ужасом увидела большую и явно рассерженную *yaqaga*. Из всех опасных животных, обитающих в Чако, *yaqaga*, или копьеголовая куфия, внушает наибольший ужас, так как относится к числу самых ядовитых и агрессивных южноамериканских змей. Не

колеблясь ни минуты, Паула приказала гостю расположиться со своим товаром на безопасном расстоянии от дома. Так как было очень жарко, мужчина отказался покинуть затененную веранду, тогда Паула зарядила ружье и заставила пришельца удалиться. Продавец, который показался нам не совсем нормальным, был искренне возмущен таким приемом. Проявив мужество при поимке змеи, он ожидал куда более торжественного и радостного приема, а вместо этого разгневанная толстая женщина с ружьем выгоняет его на улицу. Стоя у ворот, он почему зря ругал Паулу, которая с ружьем в руке охраняла вход в дом. Наше прибытие, к счастью, положило конец всей этой истории; мы послали Паулу на кухню готовить для нас чай и пригласили владельца змеи во двор.

После того как ее трясли полдня в душном ящике, куфия была настроена отнюдь не мирно; как только я откинул крышку ящика, чтобы взглянуть на нее, она подскочила к отверстию и сделала попытку напасть на меня. Это был довольно маленький экземпляр, длиной всего около двух с половиной футов, но недостаток роста змея компенсировала ловкостью и драчливостью; с большим трудом мне удалось накинуть на нее петлю и схватить ее сзади за голову. Она была очень красивая, с пепельно-серым туловищем, испещренным от головы до хвоста угольно-черными

ромбовидными

полосками,

окаймленными беловато-кремовой чертой. На плоской стреловидной голове выделялись золотистые свирепые глаза. Я посадил ее в низкий, затянутый металлической сеткой ящик для змей, и она лежала между ветками и сухими листьями, громко шипя и быстро размахивая хвостом, который ударял по листьям и издавал такой шум, словно в ящике находилась гремучая змея. Когда кто-либо приближался к ящику, куфия бросалась на проволочную сетку и вонзала в нее острые ядовитые зубы. Я бы никогда этому не поверил, если бы не видел собственными глазами, так как обычно змеи не могут кусать совершенно ровную поверхность. При нападении куфия широко раскрывала пасть и закидывала голову назад, чтобы с большей силой вонзить в сетку длинные изогнутые зубы. Уже через полчаса на сетке можно было увидеть несколько золотистых капель яда, а змея продолжала наносить укусы за укусом. В конце концов во избежание несчастных случаев пришлось навесить над первой сеткой на расстоянии полудюйма от нее вторую.

В этот вечер, подавая ужин и убирая со стола, Паула прочла нам длинную лекцию о уагага и их привычках. Оказалось, что почти все родственники Паулы в разные периоды жизни едва не погибали от укусов этих змей. Можно было подумать, что все куфии Чако только и делали, что выслеживали родственников Паулы. Но поскольку родственники, как правило, оставались в живых, этим змеям, должно быть, пришлось испытать немало разочарований за свою жизнь. После ужина Паула зашла сказать нам спокойной ночи. Окинув мрачным взглядом стоявший в углу ящик с куфией, она заявила, что ни за какие сокровища на свете не останется ночевать в одном доме с уагага. Произнеся краткую молитву и выразив надежду застать нас всех утром живыми, Паула отбыла по направлению к своему дому в поселке. Этот вечер действительно доставил нам много волнений, но змеи тут были ни при чем.

Рафаэль тихо брэнчал на гитаре, напевая песенку гаучо, в которой аллитерация особенно выразительно подчеркивала ее вульгарный смысл. Джеки легла в постель с номером "Буэнос-Айрес геральд" месячной давности, который она где-то откопала. Я рассматривал ружье, принесенное Паулой. Оно было совершенно неизвестной мне испанской марки, но как будто в удовлетворительном состоянии. Я обнаружил в нем только один недостаток.

— Смотри, Рафаэль, — сказал я, — у этого ружья нет предохранителя.

Рафаэль подошел и внимательно осмотрел ружье.

— Нет, Джерри, все в порядке, вот предохранитель.

— Как, этот маленький рычажок?

— Ну да, это и есть предохранитель.

— Нет, не может быть, я переставлял его в оба положения, а курок все равно действует.

— Нет, нет, Джерри... щелчок слышен, это правда, но выстрела не произойдет.

Я с сомнением посмотрел на Рафаэля.

— Во всяком случае, это кажется мне очень странным. Предохранитель есть предохранитель, и когда он установлен, спусковой крючок не может приводить в движение курок.

— Нет, Джерри, ты не понимаешь... это испанское ружье... сейчас я покажу, как оно действует.

Он зарядил ружье, опустил рычажок вниз, выставил дуло в окно и нажал спусковой крючок. Раздался оглушительный грохот, на который отозвались все собаки в поселке, а из двери спальни выскочила Джеки, решив, что куфия вырвалась из ящика. Рафаэль поправил очки и внимательно осмотрел ружье.

— Хорошо, — сказал он с философским спокойствием, — значит, предохранитель действует в таком положении.

Он поднял рычажок, перезарядил ружье, направил ствол в окно и снова нажал крючок. И на этот раз ружье с грохотом выстрелило, а собаки залились истерическим лаем.

— Это так называемое испанское ружье, — объяснил я Джеки, — из него можно застрелиться независимо от того, поставлено оно на предохранитель или нет.

— Нет, Джерри, это очень хорошее ружье, — возмутился Рафаэль, — просто оно сломано внутри.

— Да, оно действительно "сломано внутри", — согласился я.

Минут десять спустя — мы еще продолжали спорить — раздался оглушительный стук в дверь. Теряясь в догадках, кто мог пожаловать к нам в столь поздний час, мы с Рафаэлем пошли открывать. На веранде стояли два перепуганных парагвайца в потрепанной зеленой форме и полицейских фуражках; в руках они держали старинные, ржавые ружья. Они дружно приветствовали нас, и мы узнали двух представителей местной полиции. Пожелав нам доброго вечера, полицейские спросили, стреляли ли мы из ружья и если да, то кого мы убили. Испуганно вздрогнув, Рафаэль сказал, что ружье выстрелило случайно и никаких жертв не было. Полицейские растерянно шаркали босыми ногами по пыли, взглядами пытаясь подбодрить друг друга. Затем они довольно неуверенно объявили, что начальник полиции приказал им арестовать нас и доставить вместе с телом нашей жертвы в участок. Поскольку трупа не оказалось, они не знали, что делать дальше. Они серьезно объяснили нам, что получают нахлобучку от начальства, если вернутся без нас, пусть даже мы никого не убили. Полицейские были так удручены и озадачены, что мы сжалились и согласились пойти вместе к начальнику полиции и все объяснить ему самолично. Они были страшно благодарны за это и, то и дело беря под козырек, улыбались и говорили:

— Gracias, señor, gracias^[39].

Мы прошли по освещенным луной улицам поселка, полицейские шествовали впереди, время от времени останавливаясь, чтобы обратить наше внимание на лужу или грязь. Полицейское управление стояло на другом конце поселка. Это была двухкомнатная беленая хижина, над которой возвышалась большая пальма с густой, растрепанной верхушкой. Нас провели в небольшую комнату, единственным предметом обстановки которой был ветхий стол с внушительной грудой документов на нем. За столом восседал начальник полиции, тощий, хмурый человек, высокое общественное положение которого изобличали до блеска начищенные ботинки и пояс. Он лишь недавно занял свой пост и, очевидно, намеревался доказать обитателям поселка, что ни одно преступление здесь не пройдет безнаказанным. Полицейские отдали честь и, встав по стойке смирно, хором начали докладывать о случившемся. Начальник слушал их, выразительно хмуря брови, а когда рассказ был

окончен, осмотрел нас испытующим взглядом прищуренных глаз. Затем он величественным жестом достал из-за уха окурок сигареты и закурил.

— Так, — произнес он драматическим шепотом, выпуская дым через нос,— это вы нарушали порядок, да?

— Да, сеньор, — тихо, трясущимися губами произнес Рафаэль, — это мы нарушали порядок.

--А, так вы это признаете? — спросил начальник полиции, довольный тем, что так быстро заставил нас сознаться.

— Да, сеньор, — повторил Рафаэль.

— Так, — сказал начальник полиции, заложив большие пальцы за пояс и небрежно откинувшись на спинку стула, — значит, вы в этом сознаетесь? Вы приехали в Чако и думаете, что здесь можно безнаказанно нарушать порядок, да? Вы думаете, что вы в дикой стране, где все сойдет вам с рук?.

— Да, сеньор, — сказал Рафаэль.

Ничто так не раздражает человека, как ответы на чисто риторические вопросы. Начальник полиции свирепо уставился на Рафаэля.

--А вы не думали, что здесь тоже есть законы, как и в любых других местах? Вы, вероятно, не ожидали встретиться здесь с полицией, да?

Тем временем полицейские стали по стойке вольно, предоставив своему начальнику самому разбираться во всем. Один из них основательно ковырялся в зубах, другой засунул палец в ствол винтовки, вытащил его оттуда и начал разглядывать с озабоченным выражением: очевидно, настало время очередной ежегодной чистки оружия.

— Послушайте, сеньор, — терпеливо сказал Рафаэль, — мы не совершили никакого преступления, у нас случайно выстрелило ружье.

— Не в этом дело, — пронизательно заметил начальник полиции. — Вы могли совершить преступление.

Такой убедительный довод сразил Рафаэля, и он ничего не ответил.

— Как бы то ни было, — великодушно продолжал начальник полиции, — я пока вас не арестую. Я хочу обдумать ваше дело. Завтра утром вы придете сюда со всеми вашими документами. Вы меня поняли?

Спорить было бесполезно, и мы лишь молча кивнули. Начальник полиции встал, поклонился и щелкнул каблуками с такой силой, что один из полицейских уронил винтовку и поспешно отдал честь, чтобы сгладить свою неловкость. С трудом сохраняя серьезность, мы отошли на некоторое расстояние от полицейского управления и разразились взрывом безудержного смеха. Дома Рафаэль очень удачно изобразил перед Джеки начальника полиции, и это доставило ему такое удовольствие, что от смеха слезы потекли у него из-под очков.

На следующее утро во время завтрака мы рассказали об этом происшествии Пауле. Вместо того чтобы разделить с нами наше веселье, Паула искренне возмутилась всей этой историей. Она охарактеризовала начальника полиции в выражениях, которые не часто слышишь из женских уст, и заявила, что он слишком много о себе воображает, ей уже приходилось иметь с ним дело, когда он пытался запретить ее девочкам подниматься на борт парохода. Но этот его поступок переполнил чашу ее терпения. На этот раз он зашел слишком далеко, она сама отправится в полицейское управление и скажет ему все, что она о нем думает. После завтрака Паула накинула на плечи яркую пурпурно-зеленую шаль, надела на голову большую соломенную шляпу с алыми маками и, задыхаясь от негодования, отправилась с нами в поселок.

Когда мы подошли к полицейскому управлению, мы увидели во дворе под пальмой огромную двухспальную кровать, на которой спал, сладко похрапывая, сам начальник полиции. Его небритое лицо дышало блаженством, а пара пустых бутылок под кроватью свидетельствовала о том, что он достойно отметил наше знакомство. Увидев его, Паула презрительно фыркнула, быстро подошла к кровати, размахнулась и с силой хлопнула по тому месту, где под грудой одеял должен был находиться зад шефа полиции. Это был превосходный, мощный удар, в который Паула вложила всю

силу своего массивного тела; начальник полиции сел торчмя на кровати, дико озираясь по сторонам, увидел Паулу, пожелал ей доброго утра и стыдливо натянул одеяло до самого подбородка. Но Пауле было не до учтивостей; презрев его приветствие, она перешла в атаку. С вздымающейся от негодования грудью и сверкающими глазами она склонилась над кроватью и звонким, пронзительным голосом, разносившимся по всему поселку, стала излагать ему все, что она о нем думает. Мне было искренне жаль беднягу: не имея возможности встать, он лежал в постели на виду у всех, а Паула, высаясь над ним горой загорелых телес, извергала стремительный поток презрения, насмешек, оскорблений и угроз, такой густой, что он не мог вставить ни единого слова. Его желтоватое лицо побагровело от гнева, затем побелело, а когда Паула перешла к описанию интимных подробностей любовной жизни шефа полиции, приняло зеленоватый оттенок. Все ближайшие соседи, обрадованные неожиданным развлечением, высыпали к порогам своих домов и криками подбадривали Паулу; чувствовалось, что начальник полиции не снискал в поселке особых симпатий. В конце концов несчастный не выдержал: отбросив одеяла, он выскочил из кровати и побежал к дому в одной рубашке и полосатых пижамных брюках, преследуемый восторженными криками и улюлюканьем собравшихся зрителей. Запыхавшаяся и торжествующая Паула присела отдохнуть на освободившуюся кровать, а затем отправилась с нами домой, время от времени останавливаясь у какой-либо хижины, чтобы принять поздравления от своих восхищенных почитателей.

Вся эта история завершилась в тот же вечер; один на вчерашних полицейских в явном замешательстве зашел к нам в дом, держа в одной руке свою верную винтовку, а в другой — большой, неумело подобранный букет лилий. Он объяснил, что начальник полиции посылает этот букет в знак глубокого уважения к сеньоре, и Джеки приняла подарок с приличествующими случаю изъявлениями благодарности. После этого, когда бы мы ни встретили начальника полиции, он замирал по стойке смирно и брал под козырек, а потом снимал фуражку и радостно улыбался нам. До конца нашего пребывания в поселке он так и не проверил у нас документы.

Глава седьмая

СТРАШНЫЕ ЖАБЫ И КУЧА ПТИЦ

После двух месяцев пребывания в Чако наша коллекция достигла таких размеров, что все свое время мы тратили на уход за животными. Мы поднимались до рассвета, и Паула приносила нам в комнату чай. Справедливости ради должен сказать, что мы вставали в такую рань не потому, что любили рано вставать, а для того, чтобы успеть выполнить самую трудную часть работы прежде, чем солнце поднимется высоко и станет жарко.

Первым делом мы принимались за чистку клеток — долгое, утомительное и грязное занятие, отнимавшее обычно не меньше двух часов. Продолжительность чистки всецело зависела от обитателя клетки: если он был настроен воинственно, приходилось внимательно следить за тем, чтобы тебя не укусили или не клюнули, если же он был в игривом настроении, много времени уходило на то, чтобы внушить ему, что чистка клеток является работой, а не развлечением, придуманным специально для него. Большинство животных быстро привыкали к заведенному порядку; они терпеливо ожидали в стороне, пока мы убрали одну половину клетки, а затем переходили на чистую половину, позволяя привести в порядок оставшуюся часть. После того как все клетки были вычищены и устланы свежим слоем сухих листьев или опилок, можно было приступать к приготовлению пищи. Прежде всего необходимо было очистить или нарезать фрукты. На первый взгляд это довольно простое дело, и это действительно было бы так, если бы всем обитателям клеток фрукты можно было нарезать одинаковым образом. К сожалению, все обстояло совсем иначе. Например, некоторые птицы любили, чтобы бананы были нарезаны вдоль и развешаны на крючках на проволочной сетке клетки. Другие любили, чтобы

бананы были нарезаны на мелкие кусочки такой величины, чтобы их можно было сразу проглотить. Некоторые птицы ели плоды манго только в виде кашицы, смешанной с хлебом и молоком, другие обязательно требовали перед завтраком ломоть перезрелого плода папайи вместе с зернами в нем. Стоило только удалить зерна, и птицы отказывались от завтрака, хотя в действительности они не ели зерна, а лишь выклевывали их из оранжевой мякоти и разбрасывали по клетке. Таким образом, приготовление фруктов к завтраку было очень сложным делом, требовавшим знания вкусов и привычек каждого нашего постояльца.

После фруктов мы переходили к приготовлению мяса. Ежедневно наш зверинец потреблял четырнадцать фунтов мяса. Это гигантское ассорти состояло из сердца, мозгов, печени и отдельных кусков мяса. Все это необходимо было нарезать и накрошить соответствующим образом. Обработать четырнадцать фунтов мяса при температуре в тени свыше 100 градусов по Фаренгейту^[40] — нешуточное дело, и для облегчения задачи я приобрел в Асунсьоне огромную мясорубку. На ее корпусе было выдавлено "первый сорт", но, несмотря на хвастливую надпись, эта громоздкая машина стала проклятием нашей жизни. При малейшем ударе от нее отлетали осколки, и какими бы маленькими кусочками мы ни подавали мясо в ее пасть, они обязательно застревали, а это означало разборку мясорубки. Даже когда мясорубка работала нормально, она сотрясалась и стонала, временами издавая громкий скрежет, способный напугать самого храброго человека.

После приготовления мяса приходилось мыть всю посуду, из которой мы кормили и поили животных. Так что жестоко ошибаются люди, которые думают, что, став звероловом, избавляешься от всякой неприятной домашней работы. К концу путешествия у нас было около пятидесяти клеток, и в каждой было по меньшей мере две миски, а в некоторых три и даже четыре. Каждую посудину перед кормежкой нужно было тщательно выскрести и промыть. В условиях тропической жары малейшие кусочки пищи, оставленные в миске, начнут разлагаться, отравят свежую пищу и могут привести к гибели животного.

Читатель, никогда не занимавшийся звероловством, может подумать, что мы сами задавали себе лишнюю работу, потому что слишком баловали животных. Но в том-то и дело, что при другом обращении мы бы не довезли до места значительную часть коллекции. Есть, конечно, такие нетребовательные животные, которые выживают при любом обращении с ними, но на каждый такой экземпляр приходится примерно двадцать других, с которыми надо обходиться очень бережно.

Покончив с такой работой, мы могли заняться другими, иной раз довольно сложными делами — кормлением детенышей из бутылок, лечением больных животных, приемом вновь поступающих. Такие дела возникали в любое время дня и ночи и зачастую были очень хлопотны. Большинство животных очень покладисты и, втянувшись в ритм жизни лагеря, не причиняют особенных хлопот, но иногда попадались и такие, с которыми приходилось повозиться. Во многих случаях это были животные, которых, как принято считать, очень легко содержать в неволе.

В некоторых районах Южной Америки водятся жабы, обладающие, пожалуй, самым причудливым обликом среди батрахид. Их называют рогатыми жабами, и, так как жабы обычно легко переносят неволю, я думал, что и с ними все будет очень просто. Мне очень хотелось заполучить нескольких рогатых жаб, пока мы были в Чако. Я знал, что они здесь водятся, что местные жители называют их *escuerzo*, но этим и ограничивались все мои познания. Надо сказать, что работа собирателя животных отличается той особенностью, что как только вам очень захочется достать то или иное животное, оно немедленно исчезает, как бы широко оно ни было распространено. Именно так произошло и с рогатыми жабами. Я показывал всем рисунки этих жаб, предлагал баснословные суммы за их поимку и почти довел до безумия Джеки и Рафаэля, вытаскивая их из постели в два часа ночи, чтобы идти ловить жаб на болота, но все было напрасно. Если бы я знал заранее, сколько хлопот принесут мне эти жабы, я бы не стал тратить столько сил на их поимку.

В один прекрасный день после полудня я обнаружил на веранде помятую жестяную банку, верх которой был закрыт листьями. Паула сказала мне, что банку недавно принес пожилой индеец и в ней сидит какое-то bicho — вот и все, что она знает. Я осторожно разгреб палкой слой листьев, заглянул в банку и, к своему изумлению, увидел громадную рогатую жабу, спокойно восседавшую на спинах двух других, поменьше.

— Что там такое? — спросила Джеки, стоявшая вместе с Паулой на безопасном расстоянии.

— Рогатые жабы... три красавицы, — восторженно ответил я.

Я перевернул банку, и жабы переплестимся клубком плюхнулись на пол веранды. Паула взвизгнула и скрылась в доме; вскоре она высунулась из окна, дрожа от страха.

— Будьте осторожны, сеньор, — причитала она. — Es un bicho muy malo, senor, muy venenoso^[41].

— Ерунда, — ответил я. — No es venenoso... no es yagara... es escuerzo, bicho muy lindo^[42].

— Святая Мария! — воскликнула Паула, закатывая глаза и возмущаясь тем, что я мог назвать рогатую жабу чудесным животным.

— А они ядовитые? — спросила Джеки.

— Нет, конечно; они просто кажутся такими.

Тем временем жабы разделились, самая крупная сидела, рассматривая нас сердитыми глазами. Она была величиной с блюдце, и казалось, что голова составляет у нее три четверти объема всего тела. У жабы были толстые короткие лапы, вздутый живот и два больших глаза с золотистыми и серебристыми искорками. Над каждым глазом кожа приподнималась равнобедренным треугольником, напоминая рога на голове козленка. Невероятно широкий рот словно делил надвое тело жабы. Ее голова с торчащими рогами, выпяченными губами и мрачно опущенными углами рта как бы сочетала в себе черты жестокого злодея и надменного монарха. Зловещее впечатление, производимое жабой, еще более подчеркивалось бледной горчично-желтой окраской туловища с ржаво-красными и серовато-зелеными пятнами, как если бы кто-то, не знающий географии и не умеющий рисовать, пытался изобразить на этом туловище карту мира.

Пока Паула энергично взывала к помощи всех святых и заверяла Джеки в том, что через полчаса она станет вдовой, я склонился, чтобы рассмотреть жабу более внимательно. Широко вздохнув, жаба раздулась вдвое больше прежнего и начала выпускать воздух, пронзительно и негодуя крича; одновременно она запрыгала мне навстречу мелкими прыжками, угрожающе раскрывая и закрывая рот. Это было поразительное зрелище; внутренняя поверхность ее губ имела яркую желтовато-розовую окраску.

Услышав изданный жабой боевой клич, Паула отчаянно всплеснула руками и начала раскачиваться в окне. Я счел момент подходящим для того, чтобы преподать ей небольшой урок естествознания и в то же время поднять свой престиж в ее глазах. Схватив дрыгавшую ногами, тяжело дышавшую жабу, я подошел к окну, в котором стояла Паула.

— Смотри, Паула, она совсем не ядовита, — обратился я к ней на ломаном испанском языке.

Когда жаба снова широко раскрыла рот, я быстро сунул в него свой большой палец. Это так удивило жабу, что на секунду она застыла с разинутым ртом, а я с ободряющей улыбкой глядел на Паулу, которая, казалось, готова была упасть в обморок,

— Она совсем не ядовита, — повторял я, — она совсем не... В это мгновение жаба оправилась от неожиданности и быстро закрыла рот. У меня было такое ощущение, будто кто-то тупым ножом хватил мне по большому пальцу. Я едва не вскрикнул от боли. Паула молча смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Я криво

усмехнулся, надеясь, что моя усмешка будет принята за жизнерадостную улыбку, а жаба забавлялась тем, что через каждую секунду изо всех сил сдавливала палец своими челюстями; мне казалось, будто мой палец лежит на рельсе, по которому проходит длинный товарный поезд с увеличенным против обычного количеством колес.

— Santa Maria! — воскликнула пораженная Паула. — Que extraordinario... no tiene veneno, señor?^[43]

— No, nada de veneno^[44], — хрипло ответил я, сохраняя на лице все ту же жалкую усмешку.

— Что случилось? — с любопытством спросила Джеки.

— Ради бога, уведи куда-нибудь эту женщину, проклятая жаба чуть не откусила у меня большой палец.

Джеки быстро отвлекла внимание Паулы, спросив ее, не пора ли подавать ленч, и Паула уплыла в кухню, то и дело повторяя "extraordinario". Как только она исчезла, мы занялись спасением моего пальца. Это оказалось нелегкой задачей, так как, несмотря на мощную хватку, челюсти у жабы были очень слабые и при каждой попытке разжать их при помощи палки они начинали гнуться, грозя сломаться. Как только мы вынимали палку, жаба с новой силой впивалась в мой палец. В полном отчаянии я положил руку вместе с жабой на цементный пол, надеясь, что жаба захочет убежать и отпустит палец; но она продолжала сидеть на месте, вцепившись в палец бульдожьей хваткой и вызывающе глядя на меня.

— Наверное, ей не нравится это место, — сказала Джеки.

— А что мне еще делать, по-твоему? — раздраженно спросил я. — Уж не пойти и не сесть ли вместе с ней в болото?

— Нет, конечно, но если ты сунешь руку вон в тот куст гибискуса, она постарается убежать и отпустит палец.

— Если она не убегает здесь, она с таким же успехом может висеть у меня на пальце и тогда, когда я буду ползать по кустам.

— Ладно, поступай как знаешь. Надеюсь, ты не собираешься всю жизнь ходить с рогатой жабой на пальце?

В конце концов я убедился в том, что, если я не хочу сломать жабе челюсти, придется попробовать вариант с кустом гибискуса. Забравшись в кустарник, я сунул руку в самые густые заросли. В ту же секунду жаба с явным отвращением выплюнула мой палец и отскочила назад. Я схватил ее и без особого труда снова посадил в банку, не обращая внимания на ее протестующий писк. От челюстей жабы на пальце осталась багровая полоса, а спустя час под ногтем образовался кровоподтек. Лишь через три дня я снова мог безболезненно шевелить большим пальцем, а кровоподтек сошел еще месяц спустя.

Это была моя первая и последняя попытка убедить жителей Чако в безобидности рогатой жабы.

Поскольку Чако настоящий рай для птиц, пернатых у нас было больше, чем каких-либо других животных, и они составляли примерно две трети нашей коллекции. Самыми большими птицами в лагере были бразильские кариамы. Туловище их, величиной с курицу, было посажено на длинные крепкие ноги; на длинной шее сидела крупная голова, немного напоминавшая голову ястреба, со слегка загнутым на конце клювом и большими бледно-серебристыми глазами. Шея и спина были нежного серовато-коричневого цвета, книзу переходящего в кремовый. На голове, над самыми ноздрями, у кариамы торчат забавные пучки перьев. Когда эти птицы с обычным для них надменным видом бродили по лагерю, изогнув шею и откинув голову, они очень напоминали мне высокомерных верблюдов в перьях. Обе жившие у нас кариамы были совершенно ручными, и мы каждый день пускали их свободно бродить по лагерю.

Выйдя утром из клеток, они прежде всего производили смотр всему нашему зверинцу. Медленно и величественно вышагивали они на длинных ногах, а затем

вдруг застывали на одной ноге, держа другую на весу; в эти минуты у них появлялось выражение аристократического негодования, и они возмущенно трясли своими хохолками. Через несколько секунд они вновь оживали, опускали ногу и размеренным шагом продолжали свой моцион, а через несколько ярдов повторяли все сначала. Можно было подумать, что перед вами две вдовствующие герцогини, к которым во время прогулки по парку пристаёт подвыпивший солдат.

Постепенно, однако, герцогини утрачивали свою чопорную осанку и пускались в буйные, причудливые пляски. Одна из них находила ветку или пучок травы, поднимала его клювом, приближалась к подруге большими, танцующими шагами и бросала свою добычу на землю. С минуту обе птицы пристально разглядывали ее, а затем начинали выделывать пируэты на своих длинных неуклюжих ногах, церемонно раскланиваясь друг с другом и слегка распуская крылья; при этом они время от времени с разнузданно-веселым видом подбрасывали ветку или траву в воздух. Танцы заканчивались так же неожиданно, как и начинались; птицы застывали на месте, с какой-то безмолвной яростью глядели друг на друга и расходились в разные стороны.

Кариамы питали особую слабость к гвоздям и считали их (подобно нашему бывшему плотнику Анастасию) живыми существами. Осторожно вытащив из коробки гвоздь, они долбили его клювом до тех пор, пока не "убивали" его. Тогда они бросали гвоздь и вынимали из коробки следующий. За короткое время они опустошали всю коробку и окружали себя множеством поверженных гвоздей. Хорошо еще, что они не пытались глотать гвозди, но и без того эта их привычка действовала мне на нервы; как только я принимался что-нибудь мастерить, мне приходилось ползать в пыли, собирая умерщвленные гвозди, которые кариамы, развлекаясь, разбросали по всему лагерю.

Наряду с кариамами одной из самых забавных птиц в нашей коллекции была водяная курочка — маленькая болотная птичка с пронзительными ярко-красными глазами, длинным острым клювиком и необыкновенно большими ногами. Эти птичка имела честь быть единственным экземпляром, пойманным для нас собственноручно Паулой за все время нашего пребывания в Чако, и, разумеется, больше всех была удивлена при этом сама Паула. Вот как это случилось.

Однажды утром Джеки проснулась с небольшой температурой и ознобом, свидетельствующим о приступе лихорадки. Она осталась лежать в постели, а я наскоро позавтракал и, предупредив Паулу о том, что сеньора заболела и будет лежать, отправился в лагерь для обычной утренней работы. Вернувшись к полудню домой, я с удивлением обнаружил Джеки на веранде; Джеки по-прежнему лежала в кровати, а из дома доносился невообразимый шум, среди которого выделялся пронзительный, как пароходная сирена, голос Паулы.

— Что случилось? — спросил я у Джеки.

— Слава богу, ты вернулся, — слабым голосом ответила она. — У меня было веселое утро. Первые два часа Паула ходила на цыпочках и предлагала какие-то отвратительные травяные настои и желе, а когда я сказала, что мне ничего не надо и я хочу спать, она взялась за уборку. Похоже, она делает генеральную уборку раз в неделю и как раз сегодня настал срок.

Шум стоял такой, словно отряд казаков носился вокруг дома, а за ним с пронзительными криками гнались краснокожие. Раздался треск, звон разбитого стекла, и в окно высунулась ручка метлы.

— Но какого черта она там вытворяет? — снова спросил я.

— Сейчас все расскажу, — ответила Джеки. — Не успела я снова заснуть, как пришла Паула и заявила, что хочет убрать в спальне. Я ответила, что не собираюсь вставать и что уборку лучше отложить до следующей недели. Это привело ее в ужас, она выбежала на веранду и принялась громко звать своих девочек. Их прибежало человек десять, не успела я опомниться, как они подхватили кровать и вынесли вместе со мной сюда на веранду. После этого они всей оравой принялись убирать

спальню. Из дома снова послышался треск, сопровождаемый пронзительными криками и топотом ног.

— Это они так убираются? Довольно странный способ уборки.

— Нет, нет, они уже давно убрали в спальне и хотели перенести меня обратно, как вдруг Паула издала один из обычных своих воплей, который чуть было не снес у меня полчерепа, дескать, она видит в саду bicho. Я ничего не видела, но все девицы видели, и не успела я спросить, что это за bicho, они бросились в сад и принялись обшаривать кусты под руководством Паулы. Bicho пустилось наутек и почему-то влетело в дом прямо через дверь. Вся компания бросилась за ним, и с тех пор они гоняют его по комнатам. Одному богу известно, что они там бьют и ломают вот уже больше получаса. Я охрипла, кричавши им, но они не отвечают. Удивляюсь, как после такого погрома животное не умерло от разрыва сердца.

— Во всяком случае, ясно одно: bicho совершенно безобидно, а то едва ли они погнались бы за ним. Сейчас пойду посмотрю, в чем дело.

Я осторожно приоткрыл входную дверь. В комнате валялись опрокинутые стулья и разбитые тарелки. Приглушенные крики и грохот свидетельствовали о том, что охота продолжается в соседней комнате. Я приоткрыл дверь в спальню, и меня оглушил доносившийся оттуда шум. Раскрыв дверь пошире, я просунул голову в щель и огляделся. В то же мгновение, неизвестно откуда, на меня грозно спикировала метла, едва не угодив мне в голову. Я отскочил назад и прикрыл дверь.

— Алло, Паула, в чем дело? — крикнул я, пытаюсь перекрыть весь этот шум.

На мгновение воцарилось молчание, затем дверь распахнулась, и на пороге появилась Паула, колыхаясь словно наполовину надутый аэростат воздушного заграждения.

— Señor! — торжественно сказала она, показывая толстым пальцем на кровать. — Un bicho, señor, un pajarito muy lindo^[45].

Я вошел в спальню и закрыл дверь. Собравшиеся в комнате девицы победно улыбались, стоя среди обломков мебели и посуды. Они тяжело дышали, волосы их были растрепаны, одна из девиц разорвала во время охоты платье, и теперь мало что из ее прелестей оставалось доступным только воображению. Это ее, однако, не смущало, и она была более разгорячена, чем все остальные. От запаха одиннадцати видов духов, наполнявшего маленькую комнатку, у меня чуть не закружилась голова. Подойдя к кровати, я встал на четвереньки и заглянул под нее. Пока я рассматривал bicho, Паула и девицы окружили меня плотным кольцом, хихикая и источая удушающие ароматы. Под кроватью, покрытая пухом и пылью, стояла водяная курочка; она тяжело дышала, но все еще была полна воинственного пыла. Следующие пять минут мы ловили птицу; Паула и девушки зашли с противоположной стороны кровати и стали гнать оттуда водяную курочку, а я залез с полотенцем под кровать и пытался схватить ее. Первая попытка оказалась неудачной, так как, когда я хотел набросить на птицу полотенце, обнаружилось, что Паула, ничего не подозревая, стоит на нем. Не увенчалась успехом и вторая попытка, так как в решающий момент одна из девиц наступила мне на руку. На третий раз мне повезло, и я вылез из-под кровати с водяной курочкой, завернутой в полотенце и голосившей что было мочи. Я пошел показывать свой трофей Джеки, а Паула со своей компанией принялась ликвидировать последствия хаоса, вызванного охотой за водяной курочкой.

— Неужели из-за этого жалкого существа был поднят такой тарарам? -- удивилась Джеки, недовольно глядя на торчавшую из полотенца покрытую пылью голову водяной курочки.

— Да, они охотились за ней вдесятером и не могли поймать. Забавно, правда?

— Мне кажется, ее и ловить-то не стоило, — возразила Джеки. — Это какая-то страшно скучная птица.

Но Джеки была не права; несмотря на вспыльчивый и неровный характер, водяная курочка обладала ярко выраженной индивидуальностью и вскоре стала одним из

наших любимцев в лагере.

Водяная курочка передвигалась почти таким же необычным и забавным способом, как и кариамы. Остановившись, она низко наклоняла голову, вытягивала шею и близоруко щурилась, словно долговязая школьная учительница, которая подсматривает в замочную скважину, не расшалились ли ее ученики. Затем, удовлетворившись увиденным, она выпрямлялась, три-четыре раза энергично встряхивала своим коротким заостренным хвостом и семенила к следующей замочной скважине. За привычку постоянно трясти хвостом ее прозвали Трясохвосткой. Она без малейших колебаний пускала в ход свой длинный острый клюв, яростно набрасываясь на руки каждого, кто приходил чистить ее клетку, и эта работа была тяжелой и кровопролитной. Помнится, в день поимки курочки я поставил ей в клетку большую жестяную банку из-под сигарет, наполненную водой. Как только банка оказалась в клетке, Трясохвостка подскочила к ней и ткнула в нее клювом; к нашему изумлению, клюв прошел сквозь жесть, как иголка сквозь материю. Птица забегала по клетке с банкой на клюве, и мне стоило большого труда поймать ее и снять с клюва банку. Мы посадили Трясохвостку в клетку с деревянной решеткой, и она все время с надеждой выглядывала из-за нее, изредка издавая угрожающее "арррк".

В клетке над Трясохвосткой жила любимица Джеки, птица, которую я в первый же день ее поступления назвал Дракула. Это был гололицый ибис величиной с голубя, с короткими, телесного цвета ногами и длинным изогнутым клювом того же цвета. Все тело ибиса было покрыто траурно-черным оперением, лишь вокруг глаз и у основания клюва виднелся голый бледно-желтый кусочек кожи. На этом голом участке выделялись маленькие, круглые, печальные глаза, смотревшие перед собой затуманенным взглядом. Дракула был очень разборчивым едоком и приступал к трапезе только тогда, когда мясо подавалось мелко нарубленным и насыщенным водой. Если к его обычному рациону добавляли немного сырых мозгов, он приходил в восторг, часто и быстро погружал клюв в миску с едой и тихо, довольно попискивал. Это была очень покладистая и милая птица, но в том, с каким упоенным урчанием она поглощала кровянистую смесь из сырого мяса и мозгов, было что-то жуткое — в эти минуты ибис напоминал вампира, с наслаждением впивающегося в очередную жертву.

Другой птицей, любившей мозги, был чернолицый ибис, которого мы сокращенно называли Чли. Долгое время он процветал на мясной диете, пока мне не пришла в голову мысль побаловать его сырыми мозгами. Я убежден, что на воле Чли знать не знал этого лакомства, но здесь набросился на мозги так, как будто это была его излюбленная пища. К сожалению, он сразу же решил, что мясо для него слишком грубая еда, и во все горло требовал мозгов при каждой кормежке. В то время как Дракула отличался хорошими манерами во время еды, Чли меньше всего заботился о приличиях. Он предпочитал стоять как можно ближе к миске с едой (а еще лучше забираться в нее) и забрасывать мозгами себя и всю клетку с необузданностью сорванца, швыряющего на карнавале конфетти направо и налево; при этом Чли громко и торжественно кричал "бррронк!", хотя клюв у него был набит до отказа.

Раз в неделю мы устраивали для Трясохвостки, Дракулы и Чли рыбный день, чтобы они не отвыкали полностью от своей обычной диеты. Организовать это было довольно трудно, так как в Чако рыбу не едят и на базаре она не продается. Рано утром, вооружившись длинными толстыми лесками и страховидными зазубренными крючками, вполне пригодными для ловли акул, мы спустились к реке. Примерно в полумиле от поселка находилась старая пристань, которой давно уже никто не пользовался. Ее изъеденный червями остов был заселен пауками и другими насекомыми и покрыт сплошным ковром глянцевиных листьев вьюнка, разукрашенным розовыми колокольчикообразными цветами. Осторожно переступая по бревнам и стараясь не спугнуть крупных голубых ос, оборудовавших тут множество гнезд, мы постепенно подбирались к остаткам маленького причала, нависавшего над темной водой; его хрупкие сваи были украшены листьями лилий.

Примостившись на краю, мы насаживали на крючки наживку и бросали их в коричневую воду. Наше занятие не заслуживало названия рыбной ловли, так как река буквально кишела пирайями и они немедленно поднимали лихорадочную возню вокруг кусочка окровавленного мяса, наперебой стремясь попасться на крючок. Тут не могло идти речи о спорте, так как в успехе сомневаться не приходилось. Подобные вылазки позволяли нам сидеть на пристани и любоваться чудесным видом на реку, причудливыми изгибами уходящую на запад. Закаты же были так великолепны, что даже москиты, тучами осаждавшие нас, не могли отравить нам удовольствие.

Кончался второй месяц нашего пребывания в Пуэрто-Касадо, Рафаэль должен был оставить нас и вернуться в Буэнос-Айрес. Вечером накануне его отъезда мы отправились на рыбную ловлю и были вознаграждены зрелищем такого изумительного заката, какого мне еще ни разу не приходилось видеть.

Где-то на севере, в огромных бразильских лесах, прошли дожди, и вода в реке заметно прибыла. Безоблачное бледно-голубое небо сияло, словно хорошо отполированная бирюза. По мере того как солнце садилось, оно из желтого становилось темно-красным, почти вишневым; темные воды реки мерцали, словно гладкая шелковая лента, положенная между берегов. Коснувшись горизонта, солнце как будто застыло на месте, и на бескрайнем чистом небе откуда-то появились три маленькие тучки, словно состоящие из черных мыльных пузырей с кроваво-красной каемкой. Они как по команде поднялись над горизонтом и занавесом скрыли от нас солнце. Потом из-за поворота реки показались плавучие островки из водяных лилий, вьюнка и травы, обвившихся вокруг разбухших в воде стволов деревьев из далеких лесов; их несло течением с верховьев реки. В наступивших сумерках река казалась серебристо-белой, и сотни островков стремительно и беззвучно проносились мимо нас к далекому океану; одни из них были не больше шляпы, другие представляли собой прочно сплетенные циновки величиной с комнату, и каждый нес на себе груз семян, побегов, луковиц, пиявок, лягушек, змей и улиток. Мы наблюдали за этой необычной флотилией до тех пор, пока стало совсем темно и на реке ничего уже нельзя было различить: мы догадывались о продолжающемся движении множества островков лишь по мягкому шуршанию листьев и травы, когда один из них задевал за сваи причала. Вскоре, искусанные москитами и окоченевшие, мы молча направились к поселку. Травяные островки, вероятно, всю ночь плыли по реке, но наутро ее гладь была такой же пустынной, как обычно.

Глава восьмая

ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЕ ПТИЦЫ И АНАКОНДА

Однажды утром наша коллекция пополнилась животным, возвестившим о своем прибытии за полмили от лагеря. Я увидел индейца, который бежал по дороге к поселку и одной рукой придерживал на голове большую соломенную шляпу, а другой прикрывал довольно потрепанную плетеную корзину. Сидевшее в корзине существо, негодуя на такое ограничение его свободы, издавало низкие протяжные звуки, как будто кто-то пытался исполнить сложнейшую фугу Баха на старом автомобильном рожке. Индеец подбежал ко мне, поставил корзину к моим ногам, отошел немного назад, снял шляпу и широко улыбнулся.

— Buenos días, señor, es un bicho, señor, un pajarito muy lindo^[46].

Я терялся в догадках, какая птица могла издавать такие необычные органические звуки. Стоявшая на земле корзина покачнулась, и яростные крики раздались вновь.

Заглянув в корзину, я встретился взглядом с парой холодных, как у рыбы, светло-желтых глаз, смотревших на меня сквозь легкую плетеную крышку. Я наклонился, отвязал крышку и слегка приоткрыл ее, чтобы лучше рассмотреть пленника. Я успел лишь мельком увидеть клубок рыжевато-коричневых перьев, как вдруг в щелку между крышкой и корзиной выскочил длинный зеленый кинжалообразный клюв, вонзился на полдюйма в мой большой палец и тут же спрятался обратно. Привлеченная моими

воплями и последовавшим потоком ругательств, на сцене появилась Джеки и спокойно спросила, кто на этот раз меня укусил.

— Выпь, — произнес я невнятно, облизывая рану.

--Я знаю, что тебя укусили^[47] дорогой, но кто?

— Меня укусила выпь, — объяснил я.

Джеки изумленно уставилась на меня.

— Ты шутишь? — спросила она наконец.

— Нет, эта проклятая птица действительно укусила меня... Вернее, не укусила, а клюнула. Это тигровая выпь.

— А может, это ягуаровая выпь? — вкрадчиво спросила Джеки.

— Сейчас не время для глупых шуток, — свирепо отрезал я. — Лучше помоги мне вынуть птицу из корзины, я хочу взглянуть на нее.

Джеки присела и открыла крышку, и снова наружу выскочил зеленый клюв, но на этот раз я был уже подготовлен и быстро зажал клюв большим и указательным пальцами. Птица оглушительно запротестовала, начала отчаянно биться в корзине, но я просунул руку внутрь, крепко схватил ее за крылья и вытащил.

Увидев птицу, Джеки прямо-таки ахнула, так как тигровая выпь, несомненно, одна из наиболее красочных болотных птиц. Представьте себе маленькую, слегка сгорбленную цаплю с серовато-зелеными ногами и клювом; оперение у нее светло-зеленое, испещренное чудесными оранжевыми и черными пятнами и полосами, напоминающими тигровую шкуру; вся птица пламенеет, словно маленький костер.

— Ну разве это не прелесть! — воскликнула Джеки. — Какое роскошное оперение!

— Джеки, придержи ее за ноги, я хочу осмотреть крыло. Оно как-то странно свисает.

Джеки схватила птицу за ноги, а я провел рукой по нижней части левого крыла и примерно посредине главной кости обнаружил зловещую опухоль, которая обычно сопровождается перелом кости. Я ощупал пальцами это место и осторожно покачал крыло: действительно, кость была сломана, но, к своему облегчению, я обнаружил, что перелом был чистый, без осколков.

— Что-нибудь не в порядке? — спросила Джеки.

— Да, перелом крыла, и довольно высоко. Хорошо хоть, перелом чистый.

— Какая жалость! Такая очаровательная птица... Неужели ей ничем нельзя помочь?

— Попробуем вылечить ее, но ты сама знаешь, как относятся эти глупые создания к перевязкам и всему прочему.

— Все равно попробуй спасти ее. Она этого стоит.

— Хорошо. Поди принеси деньги, а я попытаюсь объясниться с этим человеком.

Джеки ушла, а я принялся медленно и сложно объяснять индейцу, что у птицы сломано крыло. В конце концов он понял и в знак согласия печально закивал головой. Затем я попытался втолковать ему, что заплачу сейчас лишь половину цены за птицу, а вторую половину отдам через неделю, если к тому времени птица будет еще жива. Это была очень сложная задача, мне пришлось пустить в ход все свои скудные познания в испанском языке. Обычно, когда я говорю на чужом языке, я широко использую жестикуляцию, восполняя движениями рук недостающие слова. Но сейчас, прижимая к груди разъяренную выпь, я был лишен такой возможности, потому что одной рукой держал птицу, а другой зажимал ее клюв. Мне приходилось повторять каждую фразу по два-три раза, прежде чем индеец схватывал смысл. Наконец он понял меня и энергично закивал головой; мы оба улыбнулись друг другу, слегка поклонились и забормотали: "gracias, gracias"^[48].

Внезапно индейцу пришло в голову спросить, сколько же я собираюсь ему заплатить. Этот простой вопрос погубил меня: недолго думая, я отпустил клюв выпы и поднял руку, чтобы показать на пальцах нужное число. Выпь только и ждала этого и поступила так, как поступают в борьбе все ее сородичи; подняв голову, она нацелилась клювом в мой глаз и нанесла стремительный удар. По чистой случайности я успел вовремя откинуть голову и спасти глаз, но все же клюв ударил меня в левую ноздрю и кончик его дошел почти до переносицы.

Те, кого не клевала в нос тигровая выпь, вряд ли могут себе представить силу удара и боль, которую он вызывает. Мне показалось, будто лошадь ударила меня копытом по лицу, я пошатнулся, ослепленный болью и оглушенный ударом. Все же я сумел уклониться от второго удара; кровь фонтаном брызнула у меня из носа и залила одежду, выпь и бросившегося на выручку индейца. Передав ему птицу, я пошел домой лечиться; Джеки пустила в ход влажные полотенца, вату и борную кислоту, одновременно и ругая и жалея меня.

— А что, если бы она попала тебе в глаз? — спросила Джеки, вытирая у меня с губ и щек запекшуюся кровь.

— Страшно подумать. Клюв у выпы больше шести дюймов длиной, и если бы она с такой силой ударила меня в глаз, он, наверное, прошел бы прямо в мозг.

— Ну что ж, быть может, это послужит тебе уроком на будущее, — сурово ответила Джеки. — На вот, прижми вату к носу, кровь еще идет.

Я снова вышел во двор, выглядя как одна из тех мрачных афиш, призывающих не производить вивисекций над животными, и закончил разговор с индейцем. Потом я посадил выпь в клетку и отправился за медицинскими инструментами и медикаментами, необходимыми для операции крыла. Прежде всего я вырезал из мягкого дерева два лубка, обмотал их ватой и закрепил ее бинтом. Затем мы подготовили операционный стол, приспособив под него большой ящик, и выложили на него бинты, ножницы и бритву. Надев плотные перчатки, я пошел за пациентом. Когда я открыл дверцу клетки, выпь бросилась на меня, но я схватил ее за клюв и вытащил наружу, не обращая внимания на протестующие крики. Мы обмотали ей ноги и клюв бинтами и положили на стол. Джеки на всякий случай придерживала птицу за ноги и клюв, а я приступил к операции. Для начала я выстриг все перья на крыле. чтобы было удобнее накладывать шины, а также для того, чтобы уменьшить вес крыла. Когда крыло было выстрижено догола, я осторожно подвел под него шину так, чтобы место перелома пришлось посередине. Затем началась самая трудная и ответственная часть работы. Нащупав оба конца кости, я подогнал их один к другому, осторожно повертывая и вытягивая. Придерживая их в таком положении большим пальцем, я наложил вторую шину, а затем мы обмотали крыло длинным бинтом и крепко притянули к туловищу перевязью, чтобы шины и бинты своей тяжестью не оттянули крыла вниз и не вызвали расхождения концов сломанной кости. После этого пациент был водворен в свою клетку и получил миску рубленого мяса и банку свежей воды.

Остаток дня выпь вела себя вполне прилично, съела всю пищу и почти все время стояла в одном положении, не пытаясь высвободить крыло — словом, вела себя так, будто уже не первый год жила в неволе. Большинство диких животных весьма нетерпимы по отношению к бинтам, лубкам и прочим медицинским хитростям и, как только чувствуют их на себе, всеми силами стараются от них освободиться. У меня уже был печальный опыт оказания первой помощи птицам и млекопитающим, поэтому спокойное, философское поведение тигровой выпы после операции приятно удивило меня. Наконец-то, думал я, мне попалась разумная птица, понимающая, что мы перевязали ее для ее же собственной пользы. Но как вскоре выяснилось, я слишком поспешил с выводами: на следующее утро, во время обхода лагеря, Джеки заглянула в клетку выпы и испуганно вскрикнула.

— Скорее иди, посмотри на эту глупую птицу, — позвала она меня.

— Что с ней такое?

— Она сорвала с себя все бинты. Кажется, ты вчера вечером слишком рано радовался.

Тигровая выпь мрачно стояла в углу клетки, саркастически глядя на нас бронзово-желтыми глазами. Вчера вечером она, очевидно, много и хорошо поработала, сдирая бинты с крыла. Но она не учла одного: внутренняя поверхность ее клюва была слегка зазубрена, как у пилы, и зазубрины эти своими остриями были направлены к основанию клюва. Такие "зубы" позволяют удерживать скользкое тело рыбы и направить его в нужную сторону. Все это очень хорошо при рыбной ловле, но при

разматывании бинтов такое устройство клюва создает большие неудобства, так как бинты застревают на зазубринах. Выпь стояла перед нами с клювом, на котором было намотано футов двенадцать бинта, свисавшего вниз самыми причудливыми гирляндами, и напоминала измученного, мрачного деда-мороза, борода которого растрепалась и сбилась на сторону после получасовой раздачи подарков. Когда мы расхохотались, она возмущенно взглянула в нашу сторону и глухо прокричала что-то сквозь забитый бинтами клюв.

Пришлось вытаскивать выпь из клетки и в течение получаса извлекать пинцетом застрявшие в клюве бинты. К счастью, птице не удалось сбить шины, и сломанная кость удерживалась в прежнем положении. Мы снова перевязали выпь, и у нее был при этом такой покаянный вид, что мне показалось, будто полученный урок пошел ей впрок. Но на следующее утро бинты были снова сорваны и петлями свисали с клюва, и нам снова пришлось перевязывать ее. Но все было напрасно — каждое утро мы заставляли выпь с длинной белой бородой.

— Мне осточертело перевязывать эту проклятую птицу, — заявил я на восьмое утро, когда мы с Джеки вытаскивали бинт из клюва.

— Мне тоже, но что делать? Мы расходует уйму бинтов. Жаль, что мы не догадались захватить с собой лейкопластырь.

— А еще лучше — пластырную повязку... Она бы обманула ее. Но больше всего меня беспокоит то, что все наши труды пойдут впустую. Скорее всего, кости под шинами сдвинулись, и крыло будет кривым, как крокетные ворота.

— Ничего не поделаешь, — с философским спокойствием ответила Джеки.-- Остается лишь надеяться и ждать, больше мы ничего не можем придумать.

Итак, на протяжении трех нескончаемых недель мы каждое утро распутывали сорванные бинты и заново перевязывали тигровую выпь. Наконец срок, необходимый для сращения кости, истек, и мы в последний раз удалили бинты с клюва птицы. Вооружившись ножницами, я принялся снимать шины.

— Интересно, что получилось, — сказала Джеки.

— Боюсь, что крыло напоминает теперь штопор, — мрачно ответил я.

Но когда шины были сняты, мы увидели здоровое и прямое крыло. Я с трудом верил своим глазам; никаких следов перелома не осталось, только при тщательном обследовании можно было прощупать небольшое утолщение в том месте, где срослись кости. За время вынужденного безделья мышцы крыла утратили свою силу, и теперь, освобожденное от перевязи, оно заметно отвисало вниз. Однако не прошло и недели, как птица обрела свою прежнюю силу и крыло пришло в нормальное состояние. В течение некоторого времени оно оставалось голым, но постепенно обросло перьями, и когда выпь налетала на миску с едой, щелкая клювом и размахивая крыльями, никто бы не мог сказать, что совсем недавно у нее было сломано крыло. Мы очень гордились выпью, так как она служила не только наглядным свидетельством нашего искусства врачевания, но и подтверждением того, что даже в самых безнадежных случаях необходимо проявлять настойчивость и бороться до конца. Разумеется, мы не дождались от птицы благодарности — она по-прежнему нападала на нас при каждой кормежке, но косвенно она отблагодарила нас тем, что помогла встретить четырехглазую птицу и анаконду.

Индеец, принесший тигровую выпь, не явился в назначенное время за второй половиной вознаграждения, что показалось мне очень странным. Однако дней десять спустя он все же пришел и был искренне обрадован тем, что мы выходили птицу. Он сказал, что не мог прийти раньше потому, что пытался поймать для нас очень большую — *тиу, тиу grande*, как он выразился, — и невероятно свирепую змею. Это пресмыкающееся, самое большое из всех, обитающих в Чако, жило в болоте невдалеке от его дома и дважды за последние три месяца наведывалось в его курятник. Каждый раз индеец преследовал ее до болота, но она исчезала. В прошлую ночь змея в третий раз наведывалась к нему, и теперь он точно знает, куда она спряталась, чтобы переварить добычу. Не захочет ли сеньор, неуверенным тоном продолжал индеец, отправиться вместе с ним ловить змею. Сеньор ответил, что это

доставит ему огромное удовольствие, и мы договорились о том, что на следующее утро индеец зайдет за нами и поведет к тому месту, где залегла змея.

Я чувствовал, что предстоящая охота и, как я надеялся, поимка анаконды (ибо речь шла явно о ней) явится превосходным сюжетом для киносъемки, поэтому я заказал на следующее утро повозку, запряженную волами, чтобы посадить в нее Джеки с кинокамерой. Эти повозки снабжены громадными колесами, около семи футов в диаметре, благодаря чему повозка проходит по болотам, где все другие виды транспорта застревают. Количество волов, запрягаемых в повозку, зависит от перевозимого груза; передвигаются такие повозки медленно, ездить на них неудобно, но только с их помощью можно проникнуть в заболоченные районы, недоступные для любых других экипажей. И вот на следующее утро мы спозаранку отправились в путь, я и индеец верхом на лошадях, а Джеки на повозке, запряженной двумя волами с затуманенным взглядом и стоическим характером.

Нам пришлось ехать гораздо дольше, чем я предполагал. Я надеялся добраться до болота раньше, чем солнце поднимется высоко над горизонтом, но и в десять часов утра, когда уже стало жарко, мы все еще пробирались по заросшей колючим кустарником равнине. Скорость движения нашего маленького каравана целиком определялась волами. Они шагали мерной, неторопливой походкой, и, хотя лошади могли идти в два раза быстрее, мы приноравливались к их темпу. Наш путь пролегал по сухой и пыльной местности, и нам приходилось все время ехать бок о бок с повозкой; если бы мы ехали позади, то задохнулись бы в клубах поднимаемой волами пыли, а если бы ушли вперед -- сидевшие в повозке задохнулись бы от поднимаемой нами пыли. Вокруг было множество птиц, особенно оживленно суетившихся в этот ранний утренний час,-- черта, присущая всем птицам в мире. Кукушки гуира стайками кормились в низком кустарнике рядом с тропой, оживленно чирикающая и переговариваясь друг с другом. Они подпускали громыхавшую повозку футов на шесть, а затем дружно срывались с места и с возбужденным щебетом, словно стая бумажных голубей, устремлялись вперед и садились ярдах в двадцати от места взлета. Среди ветвей высоких *palto borracho* прыгали и шныряли пять туканов; с ветвей, серебристо мерцая, словно водяная пыль, свисали плети мха. Туканы испытующе рассматривали нас, выставив вперед большие блестящие клювы и издавая тонкие, пронзительные крики. Почти на каждом пне или любом другом возвышении виднелся маленький белый цветок -- вдовушка бентеви с ослепительно белой грудкой. Время от времени они взлетали, словно снежинки, ловко хватая клювом насекомое и, трепыхая изящными черными крылышками, возвращались на место. В одном месте наш путь пересекла кариама, на мгновение она застыла, приподняв одну ногу и с аристократическим высокомерием разглядывая нас, а затем, решив, что мы не представляем для нее никакого интереса, заторопилась дальше, словно опаздывая на какой-то прием.

Вскоре лес поредел, и повсюду заблестела, замерцала вода. Ибисы, аисты и цапли парами прогуливались по густой высокой траве, словно степенные монахи в монастырском саду. Впереди показалась маленькая хижина -- жилище нашего проводника, но, чтобы достичь ее, нужно было пересечь нечто вроде небольшой равнины, которая оказалась заросшим травой болотом. Мы вошли в него, и уже через несколько ярдов лошади и волы брели по брюхо в воде. Волы, обладая короткими, крепкими ногами, чувствовали себя довольно сносно, и цепкие корни растений не мешали им продвигаться вперед. Они брели по воде с такой же скоростью, как и по суше, уверенно прокладывая себе дорогу, сминая и раздвигая густую траву. Лошадям пришлось хуже: длинные стебли водяных лилий на каждом шагу обвивались у них вокруг ног, и они то и дело спотыкались. Как только мы выбрались на противоположную сторону, лошади с явным облегчением стряхнули с ног опутавшие их растения, меж тем как волы продолжали шагать, украшенные живописными венками из стеблей и листьев лилий.

Когда мы подъехали к хижине, жена индейца уговорила нас немного отдохнуть и выпить чашку мате. После утомительного путешествия по жаре мы с удовольствием

посидели в тени минут десять. Нам с Джеки мате подали в чашках, остальные пили из одного горшка при помощи трубок. Распоряжалась горшком маленькая девочка, торжественно передававшая его по очереди каждому из присутствующих. Отдохнув и подкрепившись, мы поблагодарили хозяйку за гостеприимство и отправились на охоту. Я жестоко ошибался, думая, что самая тяжелая часть маршрута осталась позади. Следующий час потребовал чудовищного напряжения сил. Наш путь пролегал по большому болоту, со всех сторон окруженному лесом, и ни единое дуновение ветерка не смягчало палящего зноя солнечных лучей. Болото было глубокое — вода доходила до осей повозки — и так густо заросло травой и водяными лилиями, что даже волам было трудно идти. Это водное пространство было громадным питомником moskitov самых различных видов и размеров. Они поднимались перед нами в таких количествах, что казалось, мы смотрим через полупрозрачную завесу из переливающихся радужным блеском крыльев. Moskity налетали с пронзительным, радостным жужжанием и облепляли нас, словно корка, наполовину утопали в нашем поту, но все равно со свирепой настойчивостью сосали из нас кровь. Первые несколько минут мы лихорадочно давили их, но потом впали в какой-то гипнотический транс, предоставив им напиваться досыта, потому что, убив одним ударом сотню moskitov, вы освобождали место для миллионов других. Вскоре сквозь зыбкую пелену moskitov я увидел небольшой островок площадью около двухсот квадратных футов, поднимавшийся над сплошным ковром водяных растений. Островок был покрыт густым, тенистым лесом и показался мне прекрасным местом для отдыха.

Наш проводник, вероятно, тоже подумал об этом; он повернулся в седле, небрежным движением смахнул с лица moskitov и показал в сторону острова.

— Senor, bueno, eh?^[49]

— Si, si, muy lindo^[50], — немедленно согласился я и, повернув обратно, подъехал к повозке, за которой тянулся длинный хвост вырванных растений. Джеки сидела сзади, нахлобучив на голову огромную соломенную шляпу и спрятав лицо под шарфом, обернутым несколько раз вокруг головы.

— Не хочешь отдохнуть? — спросил я.

Из-под шарфа на меня мрачно выглянул один глаз, затем Джеки размотала шарф и открыла красное, распухшее от укусов moskitov лицо.

— Я бы очень хотела отдохнуть, — с ожесточением произнесла она. — Еще я очень хотела бы принять холодный душ, выпить холодного лимонада и иметь под руками вентилятор, только едва ли все это осуществимо в данную минуту.

— Отдохнуть, во всяком случае, можно. Впереди небольшой островок, на нем можно посидеть.

— Где эта проклятая змея?

— Я не знаю, но проводник уверен, что мы найдем ее.

— Очень рада, что хотя бы он в этом уверен.

Наш караван медленно выбрался из болота и вошел в сень леса. Пока мы с Джеки сидели и уныло чесались, оба индейца о чем-то долго разговаривали между собой. Затем наш проводник подошел и сказал, что, по его расчетам, змея должна быть где-то здесь, но, по-видимому, она уползла дальше, чем он предполагал. Он предложил нам подождать на островке, пока он осмотрит местность. Я выразил свое согласие, угостил его сигаретой, и он поехал дальше по болоту с ореолом moskitov вокруг головы и плеч. Вздремнув немного и выкурив сигарету, я почувствовал прилив сил и отправился бродить среди кустов, надеясь найти каких-либо пресмыкающихся. Но вскоре, однако, я услышал громкий крик Джеки и помчался к ней.

— В чем дело? — спросил я.

— Иди сюда быстрее и сними ее с меня, — отозвалась Джеки.

— Кого ее? — переспросил я, пробираясь к ней сквозь кустарник.

Джеки сидела с засученной штаниной, к ее голени присосалась огромная пиявка, набухшая кровью и напоминавшая удлинненную винную ягоду.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Пиявка!

— Сама вижу, что пиявка! Сними ее!

— Похожа на лошадиную, — сказал я, опустившись на колени и разглядывая пиявку.

— Меня совершенно не интересует, к какому виду относится эта проклятая тварь! — гневно воскликнула Джеки. — Сними ее, ты же знаешь, что я терпеть их не могу!

Я зажег сигарету и, раскурив ее, приложил раскаленный конец к раздувшемуся заду пиявки. Она отчаянно извивалась с минуту, но в конце концов отцепилась и упала на землю. Я наступил на нее, и она лопнула, словно резиновый шар, выпустив из себя фонтанчик крови. Джеки содрогнулась от отвращения.

— Посмотри, нет ли на мне еще других пиявок.

Я внимательно осмотрел ее, но больше ничего не обнаружил.

— Непонятно, где ты ее подцепила, никого из нас они не потревожили.

— Сама удивляюсь. Может, она упала с дерева? — сказала Джеки и, подняв глаза, стала осматривать ветви деревьев, словно рассчитывая увидеть на них полчища пиявок, собирающихся ринуться на нас. Неожиданно она замерла.

— Джерри, посмотри!

Я поднял голову и увидел, что свидетелем происшествия с пиявкой оказался один из обитателей островка. Примерно на половине высоты дерева, под которым мы сидели, находилось небольшое дупло, и из его темной глубины выглядывало крохотное, величиной с полкроны, покрытое перьями лицо с двумя большими золотистыми глазами. Около минуты оно испуганно смотрело на нас, а затем скрылось в дупле.

— Кто это? — спросила Джеки.

— Это карликовая сова. Сбегай быстренько к ездovому и возьми у него мачете. Только, ради бога, быстрее и не рассказывай ему ничего.

Пока Джеки ходила за ножом, я обошел дерево, проверяя, нет ли у дупла другого выхода, но не обнаружил его. Когда Джеки вернулась с мачете, я быстро срезал длинное тонкое деревце и снял с себя рубашку.

— Что ты собираешься делать?

— Надо как-то заткнуть дупло, пока я не заберусь наверх, — объяснил я, быстро скатывая рубашку в клубок и привязывая ее к вершине шеста. Осторожно подойдя к дереву с этой самодельной затычкой, я подвел ее к дуплу и резким толчком закупорил его.

--Держи так, пока я буду подниматься, — сказал я Джеки, передал ей шест и, вскарабкавшись вверх по стволу дерева, неустойчиво взгромоздился на обломанный сук вблизи того места, где красовалась моя скомканная рубашка. Осторожно, не открывая входного отверстия, я просунул руку в дупло и начал его обшаривать. К счастью, оно оказалось совсем неглубоким, и я скоро почувствовал мягкие удары крыльев птицы. Я ухватил рукой туловище совы, оно было таким маленьким, что я даже усомнился, не принял ли я за сову какую-либо другую птицу. Но в этот момент маленький загнутый клювик больно вонзился в мой большой палец, и я понял, что не ошибся. Я вытащил из дупла руку сжатой в ней взъерошенной маленькой птичкой, возмущенно смотревшей на меня из моего кулака.

— Поймал! — торжествующе крикнул я. В тот же момент сук, на котором я стоял, обломился, и я вместе со своей добычей полетел на землю. К счастью, я упал на спину, держа сову в вытянутой руке, так что для нее все обошлось благополучно. Джеки помогла мне встать, и я показал ей добычу.

— Это птенец? — спросила она, зачарованно глядя на сову.

— Нет, это просто карлик.

— Неужели это взрослая птица? — недоверчиво спросила Джеки, глядя на нахохлившуюся птичку-невеличку, которая сверкала глазами и щелкала клювом с забавным видом разгневанного лилипута.

— Да, это вполне взрослая птица. Это одна из самых маленьких сов в мире. А теперь достанем из повозки ящик и посадим ее туда.

Мы поместили сову в ящик, затянутый проволочной сеткой. Мохнатый клубочек перьев развернулся, и мы увидели, что сова имеет в длину около четырех с половиной дюймов. Издав тихое, хриплое чириканье, птичка принялась приводить в порядок свое растрепанное оперение. Спинка и головка совы были яркого темно-шоколадного цвета с крохотными серыми крапинками, кремово-серая грудка была испещрена черными полосками. Погонщик волов не меньше нас был очарован этой птичкой и принялся пространно объяснять мне, что местные жители называют этих сов четырехглазыми. Меня это несколько озадачило, и тогда возчик постучал по деревянной стенке ящика. Когда сова обернулась на звук, я увидел у нее на затылке два серых кружка, отчетливо выделявшихся на темно-шоколадном оперении и действительно очень напоминавших пару широко раскрытых глаз.

Мы все еще любовались совой, когда вновь появился проводник, весь мокрый и облепленный москитами; он взволнованно сообщил нам, что нашел змею. До нее было примерно полмили, она лежала на подстилке из водорослей, плававших на поверхности воды, почти у самого края болота. К ней нужно было подкрадываться незаметно, так как, обнаружив наше приближение, она успела бы доползти до ближайших деревьев, а искать анаконду в густых, колючих зарослях почти безнадежное занятие. Мы отправились в путь и, когда, по расчетам проводника, были уже близко от змеи, велели погонщику взять правее к выбранному нами удобному наблюдательному пункту, а сами продолжали идти вперед. Здесь, почти у края, болото было довольно мелким и не таким заросшим, но дно было неровное, и лошади все время спотыкались. Я понял, что, если змея попытается спастись бегством, я не смогу преследовать ее верхом, так как скачка по такому болоту равносильна самоубийству. Таким образом, придется догонять змею пешком, и тут мне впервые пришла в голову мысль: а вдруг змея действительно так велика, как ее описывал наш проводник.

К сожалению, змея заметила нас раньше, чем мы ее. Проводник внезапно вскрикнул и вытянул руку вперед. Футы в пятидесяти от нас на разводе между двумя огромными ворохами плавучих растений я увидел загагообразную рябь, быстро двигавшуюся по направлению к лесу. Произнеся краткую молитву, чтобы змея оказалась не настолько велика, чтобы с ней не мог справиться один человек, я бросил поводья моего коня проводнику, схватил мешок и прыгнул в тепловатую воду. Двигаться по колено в воде трудно при любых условиях, а в разгар тропического дня это вообще одно из тех безрассудств, которые может себе позволить только зверолов. Я жал изо всех сил, пот лил с меня так, что даже москиты не рисковали садиться на мое лицо, между тем зигзагообразная полоса ряби быстро приближалась к берегу. Я был футах в тридцати от берега, когда глянцевиная, черно-желтая анаконда выбралась из воды и начала уползать в высокую траву. Сделав отчаянный рывок, я запутался в стеблях водяных растений и упал лицом в воду. Когда я снова встал на ноги, анаконда уже исчезла. Проклиная все на свете, я вышел на берег и побрел в том направлении, куда уползла змея, надеясь найти ее по следу на траве. Не успел я пройти и шести футов, как из небольшого куста ко мне метнулась тупая голова с разинутой пастью; я отскочил от нее как ошпаренный. Под кустом лежала анаконда, пятнистое туловище которой так удачно сливалось с окружающим фоном, что в первый момент я просто не заметил ее. После сытного обеда змее, вероятно, было так же трудно передвигаться по болоту, как и мне, и, добравшись до травы, она решила отдохнуть. Лишь когда я почти наступил на нее, она вынуждена была начать борьбу.

Почти в каждой книге о Южной Америке автор рано или поздно (а в некоторых книгах в каждой главе) сталкивается с анакондой. В этих описаниях анаконда обычно достигает в длину от сорока до ста пятидесяти футов, несмотря на то что крупнейшая анаконда, которая когда-либо была достоверно измерена, не превышала тридцати футов. Анаконда обязательно нападает на автора, на протяжении трех-четырёх страниц он вырывается из ее мощных объятий, покуда не исхитрится пристрелить ее из своего верного револьвера либо ее закалывает копьем его верный индеец. Ну а

теперь, рискуя заслужить репутацию либо шарлатана, либо чудовищной скромности человека, я должен описать и свою собственную схватку с анакондой.

Начать с того, что анаконда кинулась на меня довольно вяло. Она вовсе не собиралась бросить мне вызов на смертный бой, а лишь метнулась ко мне с разинутой пастью в слабой надежде на то, что я испугаюсь и оставлю ее спокойно переваривать курицу. Сделав этот выпад и подтвердив установившуюся за ее родом репутацию свирепости и воинственности, анаконда свернулась под кустом в тугий узел и теперь лежала, тихо и, я бы сказал, жалобно шипя. Тут мне очень пригодилась бы какая-нибудь палка, но до ближайших кустов было довольно далеко, а я боялся оставить змею. Несколько раз я махал мешком перед ее головой, рассчитывая на то, что анаконда бросится на него и ее зубы застрянут в ткани, — этот способ я не без успеха применял ранее при ловле змей. Но анаконда лишь спрятала голову под свои кольца да зашипела чуточку погромче. Я решил, что не сумею обойтись без посторонней помощи, и, обернувшись, начал отчаянно размахивать руками, подзывая проводника, стоявшего с лошадьми посреди болота. Сперва он не хотел подходить ближе и только приветливо махал рукой в ответ, но увидев, что я начинаю сердиться, направился с лошадьми в мою сторону. Снова повернувшись к кусту, я увидел лишь, что хвост зловредной, свирепой и страшной анаконды поспешно скрывается в траве. Мне осталось только подбежать к змее, схватить ее за конец хвоста и оттащить на прежнее место.

Теперь по всем правилам анаконде следовало обвиться вокруг меня и начать душить своим мускулистым телом. В действительности же она снова свернулась в клубок, издавая тихое, жалобное шипение. Накинув ей на голову мешок, я схватил анаконду сзади за шею. На этом борьба фактически закончилась, змея лежала совершенно спокойно, изредка подергивая хвостом и тихо шипя. Тут подоспел проводник, и справиться с ним оказалось труднее, чем со змеей: он отнюдь не горел желанием помочь мне, а спорить с человеком, одновременно удерживая змею, не очень-то легко. В конце концов я заверил его, что не позволю змее причинить ему вред, и тогда он смело взял мешок и держал его на весу, пока я заталкивал змею внутрь.

— Удалось тебе что-нибудь заснять? — спросил я Джеки, когда мы вернулись к повозке.

— Думаю, что да, хотя снимать пришлось через завесу москитов. Много вам пришлось с ней повозиться?

— Нет, не очень, анаконда вела себя лучше, чем наш проводник.

— А большая она? В видеоискателе она показалась мне огромной, я даже решила, что тебе не справиться с ней.

— Она не особенно велика. Так, средних размеров, футов восемь, а может, и того меньше.

Повозка и лошади медленно тащились по болоту, на листьях водяных растений уже лежали красноватые отблески заката. Над нашими головами проносились огромные стаи черноголовых коньюров, словно охваченных приступом истерии, которая обычно наблюдается у попугаев перед тем, как они устраиваются на ночлег. Большими беспорядочными группами летали они взад-вперед с громкими, пронзительными криками, между тем как солнце опускалось в лимонно-желтую муть за облаками. Домой мы вернулись к восьми часам, усталые, искусанные москитами и обгоревшие на солнце. После душа и ужина мы снова почувствовали себя людьми. Карликовая сова съела четырех жирных лягушек, сопровождая трапезу забавным восторженным писком, напоминающим мягкое стрекотание сверчка. Анаконда, поглощенная перевариванием пищи, не возражала против того, чтобы ее измерили. От головы до кончика хвоста в ней оказалось девять футов и три дюйма.

Глава девятая

Наряду с маленькими крикливыми длиннохвостыми попугайчиками самыми шумными и нахальными представителями птичьего населения нашего лагеря были две чубатые сойки. При некотором сходстве с обычными сойками они отличаются от последних меньшими размерами и более хрупким сложением. Но на этом сходство кончается, так как чубатые сойки обладают длинными, как у сорок, черно-белыми хвостами, у них темные бархатистые спинки и светлые розовато-желтые грудки. Расцветка головы у них очень своеобразная. На лбу торчмя стоят короткие, черные, пушистые перья, глядя на которые можно подумать, что птичку только что специально подстригли "ежиком". Сзади, на затылке, перья беловато-голубые, гладко прилизанные и производят впечатление небольшой лысины. Над блестящими, озорными золотистыми глазами нависают густые "брови" — яркие светло-голубые перья, придающие птицам удивленное выражение.

Сойки были убежденными скопидомами. Их девизом было: "Запас кармана не дерет". Любая другая птица, если ей положить больше рубленого мяса, чем она в состоянии съесть, беззаботно разбрасывает остатки по всей клетке. Не так поступают сойки: все, что они не могут съесть сразу, они тщательно, до последнего кусочка, собирают и складывают в банке для воды. По какой-то неизвестной нам причине они решили, что банка для воды служит самым подходящим местом для хранения запасов продовольствия, и мы никак не могли их в этом разубедить. Я пытался ставить им две банки для воды, с тем чтобы одной они пользовались по назначению, а в другую складывали мясо. Это привело их в восторг, и они начали быстро наполнять мясом обе банки. Кроме того, сойки запасались земляными орехами, которые они очень любили. В их клетке были щели и выемки, очень удобные для хранения земляных орехов, если не считать того, что орехи были слишком велики и не влезали в них. Сойки брали орех, взбирались с ним на жердочку, каким-то очень остроумным способом прижимали его лапкой и наносили несколько сильных ударов клювом, пока орех не раскалывался. После этого они загоняли куски ореха в щели. Если некоторые куски оказывались слишком большими, вся операция повторялась сначала. То же самое они проделывали и тогда, когда ели земляные орехи, при этом, расколов орех, они тщательно собирали все кусочки и клали их минут на десять в банку с водой, чтобы немного размягчить.

Одной из самых приятных особенностей соек была их исключительная разговорчивость; они все время о чем-то говорили, и всегда приглушенными голосами. Они могли часами сидеть на жердочках, глядя друг на друга с высоко задранными бровями и ведя оживленную беседу при помощи разнообразных сочетаний пронзительных криков, хриплых звуков, трелей, кудахтанья и тявканья; и удивительно было, как много чувства и выражения вкладывали сойки в эти звуки. Они были превосходными подражателями и в течение нескольких дней включили в свой репертуар лай собак, торжествующее кудахтанье несущихся кур, пение петухов, пронзительные крики енота Пу и даже металлический стук молотка Юлия Цезаря Центуриана. Покончив с завтраком, сойки принимались сплетничать, и из их клетки неслись такое обилие разнообразнейших звуков, словно там находились не две сойки, а два или три десятка различных птиц. За короткое время они научились подражать голосам всех обитателей нашего лагеря и явно гордились этим. Но с появлением в лагере Сары Хагерзак к общему хору присоединился новый голос, который сойкам при всем их старании так и не удалось воспроизвести.

Однажды после полудня Паула вошла в нашу комнату с подносом в руках вдвое быстрее обычного. Едва не облив меня горячим супом, она стала умолять поскорее пройти в кухню — какой-то индеец принес туда *bicho*, очень большого и страшно свирепого. Нет, она не знает, что это за *bicho*, он сидит в мешке, и она его не видела, но зверь все время рвет мешок, и она опасается за свою жизнь. За дверь я увидел индейского юношу, присевшего на корточки и жевавшего соломинку; он смотрел на лежавший рядом с ним маленький мешок, который непрерывно ерзал по полу и время от времени издавал возмущенное фыркание. Единственным признаком, позволявшим догадываться о содержимом мешка, был большой загнутый коготь,

высунувшийся наружу. Однако и это мне не помогло; я не мог вспомнить зверя, который занимал бы так мало места в мешке и в то же время обладал бы таким длинным, большим когтем. Я взглянул на юношу, он в ответ широко улыбнулся и энергично качнул головой с длинными, прямыми, черными как сажа волосами.

— Buenos dias, señor^[51].

— Buenos días. Tiene un bicho?^[52] — спросил я, показывая на танцующий мешок.

— Si, si, señor, un bicho muy lindo^[53], — серьезно ответил он.

Я решил развязать мешок и посмотреть, что там находится, но сперва нужно было выяснить, с кем я имею дело: я не хотел давать лишние шансы обладателю такого длинного когтя.

— Es bravo?^[54] — спросил я.

— No, no, señor, — улыбаясь, ответил индеец. — Es manso — es chiquitito — muy manso^[55].

При моем знании испанского языка мне трудно было объяснить, что молодость зверя еще не говорит о его кротости. Большинство своих самых внушительных шрамов я приобрел от детенышей, на первый взгляд неспособных убить и таракана. Уповая на бога и пытаясь вспомнить, где хранится пенициллиновая мазь, я схватил ерзающий мешок и развязал его. На несколько секунд все стихло, а затем между складками показалась длинная, изогнутая, вытянутая морда с маленькими мягкими шерстистыми ушами: спрятанные в пепельно-сером мехе, на меня взглянули два крохотных затуманенных глаза, похожие на влажные черные смородинки. Последовала новая пауза, затем на конце морды раскрылся маленький, четко очерченный рот и из него аккуратно высунулся тонкий серовато-розовый язык. Он тут же спрятался обратно, рот раскрылся чуточку пошире и издал звук, который не поддается описанию. Это было нечто среднее между рычанием собаки и хриплым мычанием теленка со слабым намеком на простуженный вой пароходной сирены во время тумана. Звук был таким громким и необычным, что Джеки с испуганным видом выскочила на веранду. К этому времени голова животного снова скрылась в мешке, и теперь оттуда торчал лишь кончик его носа. Джеки взглянула на мешок и нахмурилась.

— Что это за штука там торчит? — спросила она.

— Это кончик носа детеныша гигантского муравьеда, — радостно отозвался я.

— Это он так страшно кричит?

— Да, он только что приветствовал меня по обычаям, принятым у муравьедов.

Джеки тяжело вздохнула.

— Мало того, что нас весь день оглушают сойки и попугаи, теперь к ним добавится еще и этот фагот.

— Он будет спокойным жильцом, когда приживется у нас,— безответственно заявил я, и, как бы отвечая мне, муравьед высунул голову из мешка и повторил свой сольный номер на фаготе.

Я шире раскрыл мешок и заглянул внутрь. Меня поразило, что столь маленькое существо, длина которого от изогнутого рыльца до конца хвоста не превышает двух с половиной футов, может издавать такие оглушительные звуки.

— Да ведь он еще совсем крохотный! — изумленно сказал я. — Ему, должно быть, не больше недели от роду.

Джеки подошла ближе, заглянула в мешок и замерла от восторга.

— Ах, какая прелесть! — заворковала она, считая само собой разумеющимся, что перед ней самка. — Ах ты моя маленькая... Рассчитайся скорее с хозяином, я возьму ее домой.

Джеки подняла мешок и осторожно понесла его в комнату, оставив меня вдвоем с индейцем.

Вернувшись домой, я попытался вытащить муравьеда из мешка, но это оказалось нелегкой задачей, так как длинные загнутые когти на его передних лапах вонзились в мешковину, словно клещи. В конце концов мы с Джеки совместными усилиями

вытащили зверька. Впервые мне приходилось иметь дело с детенышем гигантского муравьеда, и я с удивлением обнаружил, что почти во всех отношениях он является копией взрослого животного. Основное различие заключалось в том, что шерсть у детеныша была короткая, а на спине вместо гривы длинных волос торчала грядка редкой щетины. Хвост детеныша, напоминавший лопасть весла от каноэ, покрытую волосами, также не походил на огромный волосатый хвост взрослого муравьеда. К моему огорчению, средний большой коготь на левой лапе животного был сорван и висел на ниточке. Пришлось осторожно удалить его и продезинфицировать ранку на пальце; муравьед отнесся к этой операции очень спокойно, он лежал у меня на коленях, уцепившись одной лапой за брюки, и терпеливо дожидался, пока мы обработаем другую. Я думал, что муравьеда предстоит до конца жизни ходить без большого когтя, но ошибся: коготь постепенно начал снова отрастать.

В мешке и у меня на коленях муравьед вел себя с большим достоинством и уверенностью, но как только мы спустили его на пол, он с диким ревом начал беспорядочно кружиться и кружился до тех пор, пока не наткнулся на ногу Джеки. С радостным криком он вцепился в нее и принялся карабкаться вверх. Так как брюки у Джеки были очень тонкие, зверек больно царапался, и нам стоило немалого труда отцепить его. Муравьед тут же прилепился, словно пиявка, к моей руке, и не успел я опомниться, как он взобрался на мои плечи и улегся там наподобие лисьего воротника, свесив мне на грудь с одной стороны свой длинный нос, а с другой стороны хвост и вцепившись когтями в шею и спину, чтобы не упасть. Попытка снять его была встречена негодующим фырканьем, зверек еще сильнее вонзил в меня когти, и это было так больно, что я решил оставить его в покое на время ленча. Пока я ел тепловатый суп, муравьед дремал у меня на плечах: я старался не делать резких движений и не будить его, так как, испугавшись, он мог еще глубже вонзить мне в шею свои железные когти. Все осложнялось еще и тем, что Паула отказывалась заходить в комнату. Я не мог спорить с ней, так как любой неосторожный поворот головы подвергал серьезной угрозе мою яремную вену. Подкрепившись, мы предприняли новую попытку снять муравьеда с моих плеч, но после того как он разорвал мою рубашку в пяти местах и поцарапал шею в трех, мы оставили его в покое. Трудность состояла в том, что как только Джеки удавалось отцепить одну лапу и она переходила к другой, муравьед немедленно возвращал первую в прежнее положение. Я начинал чувствовать себя Синдбадом, которого оседлал хромой старик. Внезапно мне пришла в голову мысль.

— Набей мешок травой, дорогая, и когда отцепишь одну лапу, положи ее на мешок.

Эта простая уловка дала блестящие результаты, и мы спустили на пол набитый травой мешок, за который крепко уцепился муравьед с блаженным выражением на морде.

— Как мы назовем ее? — спросила Джеки, обрабатывая мои боевые раны.

— Как тебе нравится Сара? — предложил я. — Мне кажется, это имя к ней подходит. Давай назовем ее Сара Хагерзак.

Итак, Сара Хагерзак вошла в нашу жизнь. Она оказалась на редкость очаровательным, милым существом. До встречи с нею мне уже приходилось иметь дело с гигантскими муравьедами; я поймал несколько взрослых животных во время поездки в Британскую Гвиану, но никогда не обнаруживал в них ни особенного интеллекта, ни яркой индивидуальности. Сара вынудила меня изменить мое мнение. Прежде всего она оказалась исключительно голосистой и без малейших колебаний начинала кричать во все горло, если ей что-либо не нравилось, между тем как взрослые муравьеда обычно очень молчаливы и лишь изредка позволяют себе издавать тихое шипение. Стоило запоздать с кормежкой или отказать зверьку в ласке, когда он этого требовал, и муравьед добивался своего одной только силой своих легких. Хотя я не мог преодолеть соблазна приобрести детеныша муравьеда, я покупал его с тяжелым сердцем, так как даже взрослые муравьеда, соблюдающие и на воле очень строгую диету, с большим трудом привыкают к той пище, которую им дают в зверинцах. Попытка выводить детеныша муравьеда, которому исполнилась

всего одна неделя, сушила, мягко говоря, мало надежды на успех. С самого начала пошли затруднения с кормлением: соски, которыми мы располагали, оказались слишком велики для крохотного рта Сары. Паула приступила к лихорадочным поискам и нашла у кого-то в поселке потертую соску. Соска была тех же размеров, что и наша, но от длительного употребления сделалась мягкой, и Сара сумела к ней приспособиться. Она так привязалась к этой соске, что, когда впоследствии у нас появилась возможность предложить ей другую, она отказалась и упорно требовала старую; она сосала ее с таким ожесточением, что соска из ярко-красной сделалась бледно-розовой, а потом и вовсе белой. Она стала настолько дряблой, что уже не держалась на горлышке, а отверстие в ней до того расширилось, что молоко лилось теперь в горло Сары не маленьким ручейком, а обильной струей.

Нам очень повезло, что Сара прибыла в лагерь в младенческом возрасте и мы могли изо дня в день наблюдать за ее развитием. Наблюдая ее, я узнал много нового об образе жизни муравьедов. Большой интерес представляют когти муравьеда. Его передние лапы устроены таким образом, что при ходьбе животное опирается на суставы пальцев, а два больших когтя торчат внутрь. Назначение этих когтей состоит прежде всего в том, чтобы разрывать муравейники и добывать пищу. Я видел также, как взрослые муравьеда используют когти в качестве расчески. Сара на первых порах использовала свои когти только для того, чтобы цепляться ими, — самки муравьедов носят своих детенышей на спине. Взрослое животное с лапами, снабженными длинным когтем, отогнутым назад наподобие лезвия перочинного ножа, обладает удивительной цепкостью, и я несколько не удивлялся тому, что раз уж Сара во что-нибудь вцеплялась, ее просто невозможно было оторвать. Я уже говорил, что при малейшем движении предмета, на котором она сидела, Сара вцеплялась в него еще сильнее. Надо полагать, ношение детенышей на спине связано для самок муравьеда с большими неприятностями.

Сара использовала когти и во время еды. Когда она сосала из бутылки, ей очень нравилось обхватить одним когтем мой палец, а другой поднять вверх в приветственном жесте. Время от времени, примерно каждые пятнадцать секунд, она опускала коготь и прижимала им соску. Мне каждый раз казалось, что соска вот-вот прорвется, но я никак не мог отучить Сару от этой привычки. Стало быть, самка муравьеда страдает от когтей своего детеныша не только тогда, когда он сидит у нее на спине, но и во время кормления. Некоторое представление о силе, которой обладали лапы зверька, можно получить из следующего примера: однажды я вложил в переднюю лапу пустую спичечную коробку, и когда Сара слегка сжала ее, коготь проткнул коробку насквозь, а при полном сжатии она была смята в лепешку. И вот что удивительнее всего: я положил коробку не плашмя, а стоя, и раздавить ее было нелегко.

При выкармливании детеныша дикого животного самой трудной бывает обычно первая неделя; даже в тех случаях, когда он ест хорошо, трудно сразу установить, усваивает ли он молоко, которое получает. Поэтому первые семь дней необходимо внимательно следить за работой кишечника животного и проверять, нормально ли переваривается пища. Понос или запор свидетельствуют о том, что пища либо слишком обильна, либо не содержит достаточного количества питательных веществ, и в обоих случаях необходимо соответственно менять диету. В первую неделю Сара доставила нам немало хлопот. Она ходила мало и круто, но больше всего нас огорчало то, что она облегчалась лишь раз в два дня. Решив, что молоко, которое мы ей даем, недостаточно питательно, я увеличил в нем содержание витаминов, но это ничего не дало. Мы стали чаще кормить ее, но она упорно продолжала придерживаться сорокавосьмичасовых интервалов. Тогда мы решили, что запоры связаны с недостатком физических упражнений, хотя в естественных условиях, сидя на спине матери, маленький муравьед едва ли много двигается, разве что в то время, когда мать добывает пищу. И вот мы с Джеки стали ежедневно по полчаса медленно гулять по лагерю, а Сара с возмущенными криками ковыляла за нами, пытаясь вскарабкаться на наши ноги. Но все эти навязанные ей упражнения не принесли

никаких результатов, а Сара относилась к ним с таким явным неодобрением, что мы вскоре отменили прогулки. Она почти все время дремала в своем ящике, вцепившись в мешок с соломой, а живот ее постепенно раздувался все больше и больше. Затем наступала минута, живот освобождался от лишней тяжести и приобретал нормальные размеры, и на несколько часов — до ближайшей кормежки — фигура ее становилась стройной и грациозной. Поскольку такое необычное функционирование кишечника не причиняло животному видимого ущерба, я в конце концов перестал обращать на это внимание, решив, что так бывает у всех детенышей муравьедов. И, очевидно, так оно и есть на самом деле, потому что, когда Сара немного подросла и начала спать без мешка, ее кишечник стал функционировать нормально.

Сара очень любила ласку и охотно ласкалась сама. Когда я прижимал ее к груди, поддерживая одной рукой, я чувствовал, как она льнет ко мне без всякого судорожного цеплянья; но больше всего Сара любила лежать у меня на плечах; постепенно, по несколько дюймов за один прием, надеясь, что я этого не замечу, она карабкалась вверх, пока не укладывалась на моих плечах. На первых порах она страшно не любила, когда ее ссаживали на землю, и поднимала отчаянный рев. Когда я брал ее на руки, она судорожно вцеплялась в меня и ее сердце стучало, словно отбойный молоток. Она соглашалась сидеть на земле лишь в том случае, если могла держаться за ногу или за руку — это придавало ей уверенность в себе.

Когда Саре исполнился месяц, она стала более спокойно относиться к тому, что ее оставляют на земле, но при этом предпочитала, чтобы я или Джеки находились где-нибудь поблизости. Как у всех муравьедов, у нее было очень плохое зрение, и стоило отойти от нее больше чем на пять футов, как она теряла нас из виду, даже если мы двигались. Лишь по запаху или по звуку она могла определить наше местонахождение. Если мы стояли молча и не шевелились, Сара начинала беспокойно кружиться, поводя в воздухе своим длинным носом и пытаясь нас обнаружить.

С возрастом Сара становилась все шаловливее и резвее. Прошли те времена, когда я, открывая клетку в часы кормления, заставал ее возлежащей на ложе наподобие римского патриция. Теперь, не успевал я открыть дверь, Сара вихрем налетала на меня, тяжело сопя от возбуждения, и с такой жадностью набрасывалась на бутылку, словно несколько недель ничего не ела. К вечеру она особенно оживлялась, а после ужина энергия была в ней ключом. Живот ее раздувался, как шар, но это не мешало ей с удовольствием заниматься боксом, стоило только легонько дернуть ее за хвост. Повернув голову и глядя близорукими глазами через плечо, Сара медленно поднимала свою здоровенную переднюю лапу, а затем стремительно оборачивалась и наносила удар. Если после этого я притворялся, что больше не интересуюсь ею, она несколько раз с деловитым видом проходила мимо, соблазнительно близко волоча свой хвост. После того как я второй раз дергал ее за хвост, она меняла тактику: теперь она сразу поворачивалась, вставала на задние лапы, поднимала передние над головой, словно собираясь нырнуть, и падала плашмя, рассчитывая на то, что я подставлю ей руку. На третий раз она придумывала что-нибудь новое, и так продолжалось до тех пор, пока она не израсходует весь избыток энергии, после чего наступал следующий этап игры. Я клал ее на спину и щекотал под ребрами, а она блаженно чесывала себе живот длинными когтями. Когда мы уставали, мы объявляли Сару победителем, беря ее на руки и держа над ней венки, после чего она поднимала передние лапы и соединяла их над головой, как обычно делают чемпионы по боксу или борьбе. Сара так привыкла к этим вечерним играм, что, когда однажды по какой-то причине мы не могли с ней заняться, она весь следующий день дулась на нас.

Другие наши любимцы — Кай, Фокси и Пу — ревновали нас к Саре, видя, как мы носимся с нею. Однажды, бесцельно слоняясь по лагерю, Сара направилась к тому месту, где был привязан Пу. Кай и Фокси внимательно следили за ней, заранее предвкушая, какую взбучку она сейчас получит. Пу бесстрастно, словно Будда, восседал на обычном месте, поглаживая брюхо розоватыми лапами и задумчиво

глядя на Сару. Полный коварства, он ждал, пока она пройдет мимо, а затем наклонился вперед, схватил ее за хвост и хотел укусить его. На первый взгляд Сара была глупой и неуклюжей, но по опыту наших вечерних игр я знал, что при желании она может проявить необыкновенное проворство. Так и случилось. Сара мгновенно обернулась, встала на задние лапы и отвесила еноту внушительную оплеуху. Пу, удивленно ворча, обратился в бегство и спрятался в своем ящике. Но Сара уже вошла в боевой азарт и не собиралась так легко простить своего обидчика; ощетинившись, она начала кружить по площадке, поводя носом в воздухе и пытаясь определить, куда исчез Пу. Обнаружив ящик, она принялась колотить его, а Пу дрожал от страха внутри. Фокси увидел, что она приближается к нему, и поспешил спрятаться в кустах. Кай удобно устроился на вершине своего шеста и о чем-то тихо беседовал сам с собой. Проходя мимо, Сара заметила шест и, все еще пылая гневом, решила на всякий случай проучить его. Подскочив к шесту, она нанесла ему несколько апперкотов, шест закачался из стороны в сторону. а Кай вцепился в верхушку, громкими криками призывая на помощь. И лишь когда шест стал крениться к земле, а Кай закатился в истерику, Сара решила, что поле боя осталось за нею, и пошла бродить дальше. С тех пор никто из этой компании не решался строить козни против Сары.

Птицы с удивительным единодушием ненавидели нашего маленького муравьеда. Я объясняю это тем, что его длинный тонкий нос напоминает змею, и этого оказалось достаточным для пернатых. Однажды я услышал страшный шум в птичьем секторе лагеря и, отправившись туда, увидел, что Сара каким-то образом выбралась из своей клетки и просунула нос сквозь проволочную сетку клетки кариам, к которым она испытывала определенную симпатию; однако кариамы не разделяли ее дружеских чувств и пронзительными криками призывали на помощь. Услышав мой голос, муравьед потерял всякий интерес к кариамам, бочком поскакал ко мне, вскарабкался по моим ногам до пояса и расположился там со счастливым вздохом.

Сара жила у нас уже несколько недель, когда в Чако начались зимние дожди. Пора было подумать о том, как проехать тысячу с лишним миль до Буэнос-Айреса и сесть на пароход. До отъезда нам предстояло выполнить еще одну серьезную работу — отснять кинофильм о жизни нашего зверинца. Я тянул с этим делом до последних дней, желая собрать для фильма побольше "звезд", и отвел для съемки последние три недели нашего пребывания в Чако. После этого мы рассчитывали плыть вниз по реке до Асунсьона. Таков был наш план, но тут грянул гром.

Однажды утром Паула принесла нам чай страшно взволнованная и стала что-то рассказывать так быстро и несвязно, что я долго не мог понять, в чем дело, а когда наконец понял, расхохотался от всей души.

Джеки, еще не пришедшая в себя после сна, захотела узнать, что меня так рассмешило.

— Паула говорит, что в Асунсьоне произошла революция, — ответил я, давясь от смеха.

— Неужели это правда? — сказала Джеки, присоединяясь к моему веселью. — Слов нет, Парагвай оправдывает свою репутацию.

— Удивительно, как еще парагвайцы знают, кто стоит у власти, так часто свергают они правительства. — продолжал я с веселой самонадеянностью человека, считающего своих соотечественников слишком хладнокровными для того, чтобы тратить пули и проливать кровь ради политики.

— Надеюсь, нас это никак не затронет? — спросила Джеки, задумчиво прихлебывая чай.

— Конечно, нет! Вероятно, все кончится в течение нескольких часов, ты ведь знаешь, как это происходит. У нас национальная игра — футбол, у них -- революции; несколько выстрелов — и все будут довольны. На всякий случай я схожу в поселок, узнаю новости на радиостанции.

Пуэрто-Касадо мог похвастаться даже такой роскошью, как небольшая радиостанция, она поддерживала прямую связь со столицей, С ее помощью мы посылали в

Асунсьон заказы на продовольствие и получали все необходимое ближайшим пароходом.

--Схожу туда после завтрака, — сказал я. — Но меня не удивит, если к тому времени все будет кончено. К сожалению, я был не прав.

Глава десятая

ГРЕМУЧИЕ ЗМЕИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Позавтракав, я пришел на радиостанцию и спросил радиста, не слышал ли он, какая команда забила решающий мяч в революции. Сверкая глазами и оживленно жестикулируя, он сообщил мне последние известия, и мне вдруг стало ясно, что положение было не из шуточных. В Асунсьоне творилось что-то невообразимое, по всему городу шли уличные бои. Основными центрами борьбы были полицейское управление и военное училище, где восставшие осадили правительственные войска. Еще серьезнее было то обстоятельство, что восставшие овладели аэродромом и вывели из строя все самолеты, сняв с них важнейшие части. Но хуже всего, с нашей точки зрения, было то, что восставшие контролировали реку, и пароходное сообщение могло возобновиться только после того, как революция закончится. Последняя новость просто потрясла меня, потому что только по реке мы могли доставить наших животных в Буэнос-Айрес. Радист сообщил, что, когда он в последний раз вызывал Асунсьон, никто не отвечал; очевидно, персонал столичной радиостанции либо разбежался, либо перебит.

Я вернулся домой окончательно протрезвевший и поведал Джеки о случившемся. Ситуация застала нас врасплох. Не говоря уже ни о чем другом, наши паспорта и большая часть денег были в столице, а без них мы ничего не могли сделать. Мы пили чай и обсуждали наше положение, а Паула толкалась вокруг, искренне сочувствуя нам и время от времени делая замечания, которые только еще больше угнетали нас. Не желая быть пессимистом, я высказал предположение, что, может быть, через несколько дней одна из сторон победит и положение прояснится, но Паула с гордостью возразила, что в Парагвае вообще не бывает таких коротких революций; последняя, например, продолжалась полгода. Возможно, наивно сказала она, нам придется полгода просидеть в Чако. Это позволит нам значительно пополнить наш зверинец. Сделав вид, что я не слышу ее, я выразил надежду, что бои скоро закончатся, жизнь войдет в нормальную колею и мы доберемся на пароходе до Буэнос-Айреса. Но тут Паула положила конец моим необузданным фантазиям, заметив, что это маловероятно; во время последней революции восставшие по каким-то непонятным соображениям потопили весь речной флот, дезорганизовав коммуникации как правительственных войск, так и собственных сил.

Я впал в отчаяние и, переметнувшись в лагерь пессимистов, заявил, что в худшем случае мы можем перебраться через реку в Бразилию, а уж там по суше доберемся до побережья. Но Джеки и Паула немедленно отвергли эту идею; Джеки сказала, что мы вряд ли сможем предпринять тысячемильное путешествие по Бразилии без паспортов и денег, а Паула заметила, что во время последней революции бразильцы выставили на своем берегу пограничные посты и не пропускали на свою территорию повстанцев, пытавшихся скрыться от правосудия. Вполне возможно, мрачно добавила она, что, если мы попытаемся переправиться через реку, бразильцы примут нас за вождей революции, спасающихся бегством. На это я не без ехидства возразил, что вряд ли вождь революции будет спасаться от карающей руки правосудия вместе с женой, детенышем муравьеда, несколькими дюжинами птиц, змеями, млекопитающими и снаряжением, состоящим из магнитофонов и киноаппаратов. Но Паула сказала, что бразильцы совсем не "simpaticos"^[56], и пограничники могут просто не обратить на это внимания,

После оживленного обмена мнениями воцарилось унылое молчание. Внезапно Джеки осенила блестящая мысль. Незадолго до этого мы познакомились с одним американцем, долговязым молчаливым человеком, очень похожим на Гарри Купера.

У него было ранчо милях в сорока вверх по реке, и в свое время он говорил, чтобы мы без всякого стеснения связались с ним по радио, если нам понадобится помощь. Он жил в Парагвае уже много лет, и Джеки предложила обратиться к нему за советом. Я снова отправился на радиостанцию и убедил радиста установить связь с ранчо американца.

Вскоре я услышал из репродуктора его мягкую, протяжную речь, слегка искаженную шумами, треском и атмосферными помехами. Поспешно объяснив, почему я его беспокою, я спросил у него совета. Его совет был прост и ясен: при первой же возможности покинуть страну.

— Но каким образом? — спросил я. — Пароходы не ходят, нам не на чем вывезти животных.

— Животных придется оставить.

— Хорошо, допустим... — ответил я, чувствуя, как что-то оборвалось у меня в груди.

— Но как нам выбраться самим?

— У меня есть самолет... правда, маленький, четырехместный. В удобный момент я подошлю его к вам, и вы сможете улететь. Иногда во время революций бывают перерывы для переговоров, и мне кажется, что в ближайшие дни такой перерыв наступит. Итак, будьте готовы, я постараюсь предупредить вас заранее, если только сумею.

— Спасибо... большое спасибо, — пробормотал я в полнейшей растерянности.

— Значит, решено. Счастливо вам добраться, — ответил мой собеседник, и, громко затрещав, репродуктор умолк.

Я рассеянно поблагодарил радиста и побрел домой в таком тяжелом настроении, какого никогда еще не испытывал. После многих месяцев тяжелой работы собрать чудесную коллекцию животных и вдруг узнать, что все пошло насмарку и их придется отпустить только из-за того, что какой-то парагваец хочет силой захватить президентское кресло — тут не с чего было радоваться. Когда я рассказал Джеки о результатах разговора, она прониклась теми же чувствами, и мы полчаса перемывали косточки руководителям восстания. Наше положение от этого не улучшилось, но мы по крайней мере отвели душу.

— Ну, ладно, — сказала Джеки, когда мы исчерпали весь запас бранных эпитетов. — Каких животных придется отпустить?

— Он сказал, чтобы мы отпустили всех, — ответил я.

— Но это же невозможно! — возмутилась Джеки. — Мы не можем отпустить всех, многие не проживут на воле и двух минут. Некоторых мы должны взять с собой, даже если придется оставить большую часть нашей одежды.

— Видишь ли, если даже мы отправимся голыми, мы не сможем взять с собой больше трех или четырех самых маленьких зверьков.

— Что ж, это все-таки лучше, чем ничего.

Я тяжело вздохнул.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Но мы все равно должны решить, кого оставить, кого взять с собой.

Некоторое время мы молча размышляли.

— Во всяком случае, Сару-то мы должны взять, — проговорила наконец Джеки. — Ведь она еще совсем маленькая и вряд ли выживет без нас.

— Да, конечно... но не забудь, что она страшно тяжелая.

— Дальше идет Кай, — продолжала Джеки, увлекаясь своими спасательными работами. — Мы не можем оставить его... и Пу тоже, бедняжку. Ведь они совсем ручные, и если их отпустить, они подойдут к первому встречному и могут поплатиться за это жизнью.

— Я обязательно должен захватить пару оранжевых броненосцев, это слишком большая редкость, чтобы бросать их, — радостно сказал я. — Да, и рогатых жаб тоже, и этих смешных черных лягушек.

— И кукушек, — подхватила Джеки. — И соек: они слишком ручные, чтобы оставлять их на произвол судьбы.

— Пстой! — сказал я, опомнившись. — Если продолжать в том же духе, придется взять весь зверинец, и для нас самих не останется места в самолете.

— Я уверена, что эти несколько животных весят очень немного,-- убежденно заявила Джеки. — А клетки для них на время поездки можно сделать полегче.

— Да, разумеется. Попробую соорудить их из проволоки.

Воспрянув духом при мысли, что, может быть, нам удастся спасти хотя бы несколько собранных нами животных, мы приступили к работе. Джеки принялась упаковывать вещи, разделив их на две части — те, которые мы должны были взять с собой, и те, которые можно было свободно оставить; в число первых входили магнитофон, пленки и тому подобное, в число последних — одежда, полотенца, сети, ловушки и так далее. Я вооружился ножницами, мотком проволоки и рулоном тонкой металлической сетки и приступил к изготовлению легких, но достаточно прочных клеток, в которых можно было бы довезти животных до Буэнос-Айреса. Это была нелегкая работа, так как металлической сетке нужно было придать нужную форму, прошить ее проволокой, а затем прощупать и заделать все острые концы. После двух часов работы я сделал одну клетку, достаточно большую, чтобы в ней поместилась Сара; мои руки и пальцы были окровавлены и исцарапаны.

— Как у тебя дела? — спросила Джеки, появившись с чашкой горячего чая.

-- Прекрасно, — ответил я, осматривая израненные пальцы. — Мне кажется, я отбываю пожизненное заключение в Дартмуре. Готов поклясться, что по сравнению с этой работой труд каторжников выглядит детской забавой.

Я продолжал калечить свои руки, Джеки принимала у меня готовые клетки и обшивала их мешковиной при помощи длинной штопальной иглы. Так к десяти часам вечера мы соорудили клетки для всех животных, которых хотели взять с собой. Клетки вышли очень легкие, так как были сделаны из одной проволоки и мешковины, но в то же время достаточно теплые и прочные. Разумеется, они были не особенно просторны, но суточное путешествие в Буэнос-Айрес животные могли перенести в них без всякого вреда для себя. Самой тяжелой была клетка Пу; поскольку он имел разбойничью повадку вырываться из заключения, пришлось закрепить клетку на деревянном каркасе. Усталые и измученные, мы еле добрались до своих постелей.

— Завтра утром начнем выпускать животных, — сказал я, выключая свет и думая о том, что это занятие будет не из приятных.

На следующий день я тянул с освобождением животных до последнего момента, пока у меня не осталось никаких оправданий для проволоки. Первой я решил выпустить тигровую выпь. Ее крыло полностью зажило, и в сочетании с отвратительным характером птицы это избавляло меня от угрызений совести и сомнений в том, сумеет ли она сама позаботиться о себе. Я вытащил выпь из клетки, не обращая внимания на ее громкие протесты, отнес к краю небольшого болота, граничившего с нашим лагерем, и посадил на дерево. Выпь сидела на ветке, пьяно покачиваясь взад-вперед и издавая громкие удивленные крики. Следующим на очереди был Дракула, гололицый ибис. Пока я нес его к болоту, он возбужденно щебетал, но как только я посадил его в высокую траву и пошел прочь, он встревоженно пискнул и бросился за мной. Я снова взял ибиса на руки, отнес его на болото и побежал домой, преследуемый истерическими воплями перепуганной птицы.

После этого я занялся попугаями, которых мне с большим трудом удалось выгнать из клеток. Оказавшись на воле, они расселись на ветках ближайшего дерева и периодически оглашали воздух оглушительными криками. Как раз в этот момент я услышал пронзительное торжествующее чириканье и, обернувшись, увидел, что Дракула возвращается в лагерь. Я схватил его и снова отнес на болото, но тут же обнаружил, что тигровая выпь с решительным видом быстро приближается к лагерю, тяжело перелетая с ветки на ветку. Отогнав обеих птиц к болоту, я начал выгонять из клеток чернолицого ибиса и кариам. С горя я сделал большую ошибку, выпустив обеих кариам одновременно, и не успел опомниться, как в меня полетели пух и перья, а воздух огласился негодующими криками птиц, стремившихся доказать друг

другу свое превосходство. Разняв их при помощи метлы, я отогнал кариам в кусты подале друг от друга. Разгоряченный, взволнованный и немало возмущенный тем, что птицы не поддерживают меня в моей трудной деятельности, я вдруг заметил, что попугаи, воспользовавшись случаем, спустились с деревьев и теперь сидят рядом на крышах своих клеток, глядя на меня печальными глазами и дожидаясь, когда я открою дверцы и пушу их домой.

Я решил на время оставить птиц в покое и занялся млекопитающими и пресмыкающимися. Отобрав двух броненосцев, которых мы собирались взять с собой, я прогнал всех остальных в близлежащие кусты. Других животных я рассадил кружком вокруг лагеря, чтобы им виден был простор равнин: я надеялся, что они не доставят мне особых хлопот. Лучше всех вели себя пресмыкающиеся; к моему облегчению, они не собирались оставаться в лагере и довольно быстро уползли в болото. Решив, что я достаточно поработал в это утро (по крайней мере с точки зрения животных), я отправился домой перекусить.

Ленч прошел в хмуром молчании; покончив с едой, мы вернулись в лагерь, чтобы заняться остальными нашими питомцами. Зрелище, представшее нашим глазам, было бы чрезвычайно забавным, если бы не было печальным.

В одном углу лагеря Дракула, тигровая выпь и чернолицый ибис ссорились из-за куска сала, который не доел Пу. Возле груды невымытых мисок рыскали трехпоясные броненосцы, похожие на полчища живых пушечных ядер. Вокруг опустевших клеток, словно часовые, прохаживались кариамы, а Трясохвостка возбужденно бегала взад-вперед, напоминая школьную учительницу, обнаружившую, что весь ее класс прогулял. Попугаи с грустным видом по-прежнему сидели на крышах клеток; только двое из них, очевидно потеряв терпение и не надеясь на то, что я скоро приду, перешли к решительным действиям, проделали дыру в сетке и таким образом проникли внутрь. Теперь они сидели на жердочках, смотрели на нас голодными глазами и издавали своеобразное хриплое ворчание, которым некоторые южноамериканские попугаи выражают свое раздражение. Мы с Джеки сели на ящик, беспомощно глядя на них.

— Ну что с ними делать? — спросила наконец Джеки.

— Ума не приложу. Оставить их так нельзя, их перебьют, как только мы уедем отсюда.

— Ты пробовал отогнать их подале?

— Я перепробовал все способы, кроме ударов палкой по голове. Они просто не хотят улетать.

Тем временем Дракула отказался от борьбы за кусок сала, предоставив выпю и ибису улаживать спор между собой, и настойчиво пытался проникнуть в свою клетку через проволочную сетку, сквозь которую не удалось бы проскочить и колибри.

— Я бы очень хотел, — злорадно сказал я, — чтобы здесь присутствовал сейчас один из этих слюнтяев.

— Каких слюнтяев?

— Один из этих сентиментальных всезнаек, которые вечно твердят мне, что жестоко запирают бедных диких животных в маленьких деревянных клетках. Хотел бы я показать им, как наши лохматые и пернатые братья при первой же возможности торопятся обрести свободу.

Одна из кариам подошла ко мне и начала клевать шнурок моего ботинка, очевидно принимая его за огромного червяка. Дракула отказался от попыток забраться в свою клетку и удовольствовался тем, что протиснулся сквозь деревянную решетку в клетку ибиса; теперь он сидел внутри, восторженно бормоча что-то и глядя на нас затуманенными глазами.

— Хорошо, — сказал я после продолжительной паузы. — Я думаю, если мы не будем обращать на них внимания, они проголодаются и отправятся на поиски пищи. Это решит все. Надеюсь, что к завтрашнему утру их здесь уже не будет.

Остаток дня прошел в каком-то кошмаре. Понимая, что животных ни в коем случае не следует кормить, мы приносили еду только тем, кого собирались брать с собой, а

голодная орава птиц и животных кричала, свистела, верещала и шумела в лагере; они бросались к нам, завидя нас с миской в руках, рядами сидели на столе, где мы обычно готовили для них пищу, и с надеждой смотрели на нас. Мы испытывали почти непреодолимое желание накормить их, но крепились и делали вид, что ничего не замечаем. Мы были убеждены, что на следующее утро голод заставит животных покинуть лагерь.

Но на следующее утро, когда мы пошли кормить отобранных для поездки животных, мы застали все население лагеря на прежнем месте. Животные выглядели более раздраженными и удрученными, чем накануне, но встретили нас такими бурными изъявлениями восторга, что мы едва не капитулировали. Все же мы взяли себя в руки и сделали вид, будто не замечаем их, хотя они сгрудились вокруг наших ног, так что нам пришлось двигаться с осторожностью, чтобы не передавить их. В разгар всей этой суматохи в лагере появился индеец со старым ящиком из-под мыла в руках. Он поставил ящик на землю, отошел немного назад, едва не наткнувшись на кариаму, которая проходила мимо, и снял с головы соломенную шляпу.

— Добрый день, сеньор, — сказал он. — У меня есть для вас хорошее *bicho*.

— О господи! — простонала Джеки. — Только этого еще не хватало.

— Вы пришли слишком поздно, мой друг, — с горечью сказал я. — Мне больше не нужны *bichos*.

Индеец, нахмурившись, смотрел на меня.

— Сеньор, вы ведь говорили, что покупаете *bichos*.

— Говорил, но это было до революции. Теперь я не могу покупать *bichos*, потому что не могу забрать их с собой. Пароходы не ходят. — Я показал на бродивших по лагерю животных. — Вы видите, мне пришлось отпустить всех этих *bichos*.

Индеец растерянно огляделся.

— Но они ведь не уходят, — резонно заметил он.

— Вижу. Но они уйдут. Мне очень жаль, но больше я не могу покупать животных.

Индеец не спускал с меня глаз. Он был совершенно убежден в том, что я сгораю от нетерпения поскорее заглянуть в ящик и узнать, кого он принес.

— Это очень хорошее *bicho*, — заговорил он умоляющим голосом,-- чудесное *bicho*, очень сильное и очень опасное. Мне пришлось много потрудиться, чтобы поймать его.

— Что это за *bicho*? — не выдержав, спросил я.

Индеец воодушевился, его черные глаза засверкали.

— Это очень редкое *bicho*, сеньор, и очень, очень опасное. Это *cascabel*, сеньор, и такой громадный, что невозможно даже поверить, когда он сердится, он шумит, как тысяча лошадей.

Я осторожно коснулся ящика носком сапога, и тотчас же оттуда послышались те особенные, характерные звуки, которыми гремучая змея извещает мир о своем присутствии, дурном настроении и агрессивных намерениях. Эти необыкновенные звуки, начинающиеся легким шуршанием и потрескиванием с последующим переходом к громкому треску, напоминающему пальбу из игрушечных ружей, несомненно, представляют собой одно из самых любопытных явлений в мире пресмыкающихся. Они наводят гораздо больший ужас, чем обычное шипение змеи, так как в них слышится столько злобы и жестокости, будто ведьма готовит свою адскую похлебку.

— И все же, мой друг, я не могу купить змею, — печально сказал я.

Индеец выглядел очень расстроенным.

— Даже за десять гуарани? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

— Восемь гуарани, сеньор?

— Нет, мне очень жаль, но я не могу купить ее.

Индеец вздохнул, поняв, что я не торгуюсь,

— Хорошо, сеньор, я оставляю ее вам, ведь мне она совсем не нужна,-- сказал он.

Я дал ему пачку сигарет, и он начал пробираться к выходу, лавируя между бродившими по территории птицами.

Он ушел, а мы остались с гремучей змеей на руках.

— Что мы будем с ней делать? — спросила Джеки.

— Запишем ее на пленку и отпустим, — сказал я. — Она очень оригинально трещит. Кажется, это довольно крупная змея,

По ряду причин в тот день нам не удалось записать гремучую змею. На следующее утро все животные по-прежнему оставались в лагере, но после того как мы гоняли их в течение часа, по крайней мере некоторые из них убедились в том, что мы не собираемся их кормить, и начали постепенно исчезать. Тогда мы вынесли магнитофон, поставили его рядом с ящиком, в котором сидела змея, установили микрофон и ударили по ящику. Ответа не последовало. Я снова ударил — молчание. Я стал изо всей силы колотить по ящику, но все напрасно.

— Может быть, она умерла? — спросила Джеки.

— Нет, обычная история. Эти проклятые твари шумят сколько угодно, но стоит поставить рядом магнитофон, и из них не вытянешь ни звука.

Я слегка наклонил ящик и почувствовал, как змея покатила по его дну. Это произвело желаемый эффект: ящик загрохотал, и зеленая игла аппарата задрожала и закачалась, отмечая звук необычайной силы. Трижды я наклонял ящик, и с каждым разом змея отвечала все более свирепо. К тому времени, когда я кончил записывать, она вошла в такую ярость, что из ящика доносился непрерывный громкий треск, напоминавший стрельбу из пулемета.

— Теперь можно ее отпустить, — сказал я, беря мачете.

— Надеюсь, ты не собираешься выпускать ее здесь? — тревожно спросила Джеки.

— А что особенного? Я дам ей пинка, и она уползет в болото.

— Судя по шуму, она очень рассержена. Ты уверен, что она захочет уползти в болото?

— Ну, хватит об этом разговаривать, отойди подальше и стань в стороне, — заявил я с апломбом, который хоть кого мог вывести из себя.

Джеки отошла на почтительное расстояние, а я начал отдирать крышку ящика. Это оказалось нелегким делом, так как индеец приколотил ее невероятным количеством длинных ржавых гвоздей. В конце концов я просунул в щель конец мачете и, понатужившись, оторвал часть крышки. Облегченно вздохнув, я наклонился и заглянул в ящик, чтобы рассмотреть змею. Это было величайшей глупостью с моей стороны. Мало сказать, что змея была разъярена — она кипела от ярости, и когда мое лицо показалось в отверстии, она прыгнула на меня снизу вверх с разинутой пастью.

Я никогда не подозревал, что гремучие змеи могут бросаться на свою жертву снизу вверх, в отличие от остальных змей, которые бросаются прямо вперед. С удивлением и страхом я увидел, как тупая голова змеи, бугристая, как ананас, метнулась снизу к моему лицу. Пасть ее, розовая и влажная, была широко раскрыта, а клыки, со страху показавшиеся мне огромными, как когти тигра, были готовы нанести смертельный удар. Я отскочил от ящика прыжком, который мог повторить, но не превзойти лишь отлично владеющий своим телом кенгуру в расцвете сил. Моему прыжку мог бы позавидовать любой гимнаст, но, к сожалению, я споткнулся о мачете и тяжело плюхнулся на землю. Змея тем временем выползла из ящика и свернулась, словно часовая пружина, подняв голову и с таким ожесточением трясая своей погремушкой, что она казалась расплывчатым пятном вокруг ее хвоста.

— Дай ей пинка, и она уползет в болото, — с явной издевкой посоветовала Джеки.

У меня не было настроения пикироваться. Я вырезал длинную палку и снова подошел к змее, рассчитывая прижать ее к земле, а потом поднять. Но змея была другого мнения на этот счет. Она дважды бросалась на опускавшуюся палку, а потом быстро поползла ко мне с такими явно агрессивными намерениями, что я был вынужден снова повторить свой балетный прыжок. Змея была разъярена до предела и, что неприятнее всего, упорно отказывалась поддаваться на угрозы и обман,

направленные к тому, чтобы удалить ее с нашей территории. Мы кидали в нее комья земли, но она только сворачивалась и гремела кольцами. Тогда я вылил на змею ведро воды, но это, вероятно, еще больше взбесило ее, она развернулась и поползла ко мне. Неприятнее всего было то, что мы не могли оставить ее на какое-то время в покое, так как у нас было много неотложных дел, а все время оглядываться при работе, чтобы не наступить на четырехфутовую гремучую змею, было не очень-то сподручно. Кроме того, Пу и Кай сидели на привязи около своих клеток, и я боялся, как бы змея не укусила кого-нибудь из них. Волей-неволей я пришел к выводу, что остается только убить змею как можно скорее и безболезненнее. И вот Джеки при помощи палки отвлекла ее внимание, а я осторожно подкрался к ней сзади, выбрал удобный момент и отрубил ей голову. С минуту после того как голова была отделена от тела, ее челюсти сжимались и разжимались, и даже полчаса спустя, когда я касался палкой обезглавленного тела, оно конвульсивно подергивалось. Удивительнее всего было то, что обычно гремучая змея может нападать, лишь предварительно свернувшись в кольцо, и поэтому, как бы разъярена она ни была, она всегда свертывается в клубок для нанесения удара; эта же змея без малейших колебаний разворачивалась и ползла ко мне. Не знаю, сумела бы она броситься икусить меня из такого положения, но я не испытывал никакого желания проверять это на практике.

На следующее утро большинство животных исчезло, и только несколько упрямыцев продолжало бродить по лагерю. В полдень пришел посыльный с радиостанции и сказал, что американец связался с ними и сообщил, что в Асунсьоне боевые действия временно прекращены и после полудня он вышлет для нас самолет. Мы принялись лихорадочно упаковывать оставшиеся вещи, одновременно утешая Паулу, которая ходила за нами из комнаты в комнату, разражаясь долгими душераздирающими рыданиями при мысли о предстоящей разлуке. Уложив вещи, мы наскоро перекусили и начали рассаживать животных по временным клеткам. Все они повиновались беспрекословно, за исключением Пу, который вообразил, что мы изобрели новое, изощренное орудие пытки. Сперва мы пробовали завлечь его в клетку, бросая туда бананы, но он вылавливал их, не заходя внутрь, своими длинными артистическими пальцами и с наслаждением съедал. В конце концов, когда время стало поджимать, пришлось схватить его одной рукой за загривок, а другой под заднее место и затолкать в клетку головой вперед; при этом он вопил, как грешник в аду, и отчаянно цеплялся за что попало всеми четырьмя лапами. Загнав его в клетку, мы дали ему яйцо, он с философским спокойствием принялся высасывать его и больше нас не тревожил.

Тем временем пришли девочки Паулы и застыли в скорбных позах, словно плакальщицы на похоронах. По лицу Паулы непрерывно и все увеличиваясь в числе катились слезы, губя ее косметику, но поскольку она явно упивалась своим горем, я решил, что это пустяки. Внезапно она заставила всех нас вздрогнуть, издав громкий стон, который сделал бы честь тени отца Гамлета, и крикнула замогильным голосом: "Вон он!" — после чего снова начала изливать водопады слез. Далеко в небе мы слышали тихий, прерывистый гул самолета, и почти в ту же минуту к дому подъехал грузовик. Пока я грузил в него багаж и животных, Джеки переходила из объятий в объятия, которые раскрывали ей девицы, а затем была притиснута к взволнованно вздымавшейся, орошенной слезами груди Паулы. Когда подошла моя очередь, я облегченно вздохнул, увидев, что девицы не имели намерения обниматься со мной, а лишь пожимали мне руку и делали короткий реверанс, отчего я чувствовал себя чем-то вроде царственной особы. Паула схватила мою руку обеими руками, прижала ее к животу и подняла ко мне заплаканное лицо.

— Прощайте, сеньор, — сказала она, и из ее черных глаз катились большие, тучные слезы. — Счастливого пути вам и сеньоре. Если будет на то божья воля, вы еще вернетесь в Чако.

Грузовик покотился по пыльной дороге, подпрыгивая на ухабах; мы махали на прощание Пауле и ее девушкам, напоминая им стайку великолепных тропических

птиц; они тоже отчаянно махали руками и пронзительными голосами кричали нам вслед:

— Adios!^[57]

Мы подъехали к аэродрому в ту минуту, когда самолет, словно сверкающая серебристая стрекоза, пошел на посадку. Он исключительно неудачно приземлился и стал вырывать к нам.

— Да, вам достался сумасшедший, — сказал шофер грузовика.

— Сумасшедший? — удивился я. — Кто сумасшедший?

— Летчик, — ответил шофер, презрительно ткнув пальцем в сторону приближавшегося самолета. — Говорят, что он сумасшедший, он еще ни разу не посадил машину, не заставив ее подпрыгнуть, как олень.

Летчик вылез из кабины. Это был коренастый, крепкий поляк с седеющими волосами и мягким, неопределенным выражением лица, чем-то напоминающий Белого рыцаря из книги "Алиса в Зазеркалье". При помощи небольших весов мы определили вес нашего багажа и с ужасом увидели, что он на несколько килограммов превышает максимально допустимую нагрузку самолета.

— Ничего, — улыбаясь, сказал летчик, — я думаю, он вытянет.

Мы уложили в самолет чемоданы, затем втиснулись сами, и шофер взгромоздил мне на колени клетки с живностью. Верхняя клетка пришлась вровень с моей головой. Сара, которая полчаса назад отказалась от бутылки молока, вдруг проголодалась и страшно раскапризничалась, так что пришлось вытащить ее из клетки и посадить на колени Джеки, чтобы она успокоила ее.

Летчик задержал рычаги управления, и, когда мотор взревел, на его лице отобразилась детски радостная улыбка. "Очень трудно", — сказал он и весело расхохотался. Минут пять мы катались по полю в различных направлениях, выбирая достаточно сухую взлетную дорожку. Наконец летчик дал газ, и самолет помчался по траве, качаясь и подпрыгивая. Мы оторвались от земли в самый последний момент и, проскользнув в каких-нибудь шести дюймах над верхушками окаймлявших аэродром деревьев, начали набирать высоту. Пилот вытер рукой лоб.

— Поднялись! — прокричал он мне. — Теперь одна забота — как бы благополучно приземлиться!

Под нами раскинулась бескрайняя равнина, подернутая знойной дымкой. Самолет сделал вираж, выровнялся — и вот мы уже летели над рекой, которая словно отлитыми из металла излучинами уходила к горизонту, терявшемуся в смутном мерцании; там впереди лежал Асунсьон.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Я не особенно люблю города и никогда не думал, что вид какого-либо города доставит мне особую радость. Однако на этот раз мы с чувством безграничного удовольствия и облегчения увидели под крылом самолета кварталы Буэнос-Айреса, выделявшиеся большими правильными четырехугольниками, словно блески в полумраке. В аэропорту я совершил традиционное паломничество к телефонной будке и набрал номер Бебиты.

— Ах, мой мальчик, я так рада, что вы живы-здоровы. Ах, ты и представить себе не можешь, как мы о вас беспокоились. Где вы сейчас? На аэродроме? Приезжайте обедать.

— Мы опять с животными, — мрачно произнес я. — Нам нужно где-нибудь их разместить. Здесь страшно холодно, и, если мы не найдем теплое помещение, они рискуют схватить воспаление легких.

— Ах, ну конечно, вы опять с животными, — ответила Бебита. — Я уже сняла для них маленький домик.

— Домик?

— Ну да, домик, только совсем маленький, в нем, кажется, всего две комнаты. Там есть водопровод, а вот насчет отопления не уверена. Но это в конце концов не важно,

зайдите ко мне и возьмите у меня печку.

— Я не сомневаюсь, что этот дом принадлежит одному из твоих друзей.

— Разумеется. Печку ты мне должен будешь скоро вернуть, она принадлежит Мононо, и он умрет без нее.

"Маленький домик" Бебиты состоял из двух просторных комнат, выходящих в небольшой дворик, окруженный высокой стеной. С другой стороны двора находилось еще одно строение, в котором имелась большая раковина. При помощи печи, выкраденной из комнаты мужа Бебиты, мы быстро нагрели помещение, и все животные стали чувствовать себя лучше. Я позвонил Рафаэлю, и он примчался к нам, сверкая очками, с огромным количеством фруктов, мяса и хлеба, изъятыми из кладовки матери. Когда я протестующе заявил, что матери это может не понравиться, Рафаэль ответил, что в противном случае животным пришлось бы голодать, ведь все магазины уже закрыты. Мое возмущение тем, что он ограбил кладовую матери, мгновенно испарилось, и мы с удовольствием принялись пичкать наших любимцев лакомствами, которых они никогда еще не пробовали, — виноградом, грушами, яблоками и вишнями. Затем, оставив их сытыми и в тепле, мы отправились к Бебите, где впервые за много месяцев поели по-человечески. Насытившись не хуже наших животных, мы откинулись на спинки стульев и принялись не спеша потягивать кофе.

— Что вы намерены делать дальше? — спросила Бебита.

— До отплытия парохода остается несколько дней. Попробуем за это время максимально пополнить нашу коллекцию.

— Хотите выехать за город? — спросила Бебита.

— Да, если представится возможность.

— Я спрошу Марию Мерседес, не разрешит ли она вам посетить ее estancia^[58].

— А ты думаешь, она разрешит?

— Конечно, — начала Бебита, — ведь она...

-- Знаю, она твой друг.

Было условлено, что мы выедем поездом из Буэнос-Айреса в деревню Монастерио, расположенную милях в сорока от столицы. Недалеко от Монастерио находилась Секунда, estancia семьи де Сотос. Там нас будут поджидать Рафаэль и его брат Карлос, которые вызвались помочь нам.

Глава одиннадцатая

ОХОТА НА СТРАУСОВ

Деревня Монастерио находится милях в сорока от Буэнос-Айреса, и мы добирались туда поездом. Когда последние дома столицы остались позади, по обеим сторонам насыпи открылись бескрайние просторы пампы, искрившейся каплями утренней росы. Вдоль железной дороги тянулась широкая полоса вьюнков, яркие синие цветки которых росли так густо, что под ними почти невозможно было разглядеть темные сердцевидные листья.

Монастерио оказался маленьким поселком, напоминающим бутафорские деревни в Голливуде для съемки фильмов о Дальнем Западе. Прямоугольные дома беспорядочно тянулись вдоль грязной улицы, изборозжденной глубокими колеями и пестревшей следами лошадиных копыт. На углу располагалась деревенская лавка, она же таверна, заваленная невероятным множеством различных товаров, от сигарет до джина и от мышеловок до ткани цвета хаки. Возле лавки стояли на привязи несколько лошадей, меж тем как их владельцы выпивали внутри и болтали между собой. В основном это были коренастые, плотные мужчины с загорелыми морщинистыми лицами, черными глазами и пожелтевшими от табака викторианскими усами. На них было типичное пеонское снаряжение: заскорузлые черные полусапожки с небольшими шпорами, bombachas — широкие шаровары, нависавшие над полусапожками, словно брюки гольф, похожие на блузы рубашки, обвязанные под воротником цветистыми платками, и небольшие черные шляпы с круглой плоской тульей и узкими, загнутыми спереди полями, державшиеся на голове при помощи

эластичной тесьмы, охватывавшей затылок. Широкие кожаные пояса пестрели серебряными венками, звездами и другими украшениями, и с каждого свисал короткий, но очень удобный в обращении нож.

Когда мы вошли в лавку, они повернулись в нашу сторону и начали рассматривать нас, не враждебно, но с явным интересом. В ответ на наше приветствие, произнесенное на плохом испанском языке, они широко улыбнулись и вежливо поздоровались. Я купил сигарет, мы вышли на улицу и стали дожидаться Карлоса и Рафаэля. Вскоре послышалось звяканье сбруи, стук копыт и скрип колес, и на дороге показалась небольшая двуколка, в которой сидели наш бывший переводчик и его брат Карлос. Рафаэль бурно приветствовал нас, его очки сверкали, как огни маяка, и он тут же познакомил нас со своим братом. Карлос был выше Рафаэля и, на первый взгляд, даже как будто полнее. В его бледном, невозмутимом лице, небольших темных глазах и гладких черных волосах было что-то азиатское. Пока Рафаэль прыгал вокруг нас, словно взволнованный петушок, и говорил что-то так быстро, что его невозможно было понять, Карлос спокойно и методично грузил в повозку наши чемоданы, а потом сел и стал терпеливо дожидаться нас. Когда мы наконец разместились, он тронул вожжами лошадей, ласково прикрикнул на них, и повозка покатила по дороге. С полчаса мы ехали по прямому как стрела проселку среди высокой травы. Кое-где лениво паслись небольшие, голов на сто, стада коров, по колено утопавших в траве; над ними кружили ржанки с заостренными черно-белыми крыльями. В придорожных канавах, наполненных водой и заросших водяными растениями, стайками плавали утки; при нашем приближении они поднимались, громко хлопая крыльями. Карлос указал рукой вперед, туда, где черным островком среди зелени пампы темнела грядка леса.

— Секунда, — улыбаясь, сказал он. — Через десять минут мы будем там.

— Надеюсь, нам там понравится, — в шутку сказал я.

Рафаэль посмотрел на меня круглыми от удивления глазами.

— Господи! — воскликнул он, ужасаясь моей мысли. — Конечно, тебе там понравится, Джерри. Ведь Секунда — это наша estancia.

Секунда представляла собой длинное, невысокое, выбеленное здание, стоявшее между большим озером и густой рощей эвкалиптов и ливанского кедра. Из задних окон открывался вид на серую гладь озера, обрамленного зеленью пампы; передние окна выходили в английский парк с заросшей травой дорожкой, окаймленной двумя рядами подстриженных кустов, и небольшим, родничком, еле видимым в зарослях папоротника и мха. Там и сям среди правильной формы клумб, усеянных опавшими апельсинами, в тени кедров бледно мерцали статуи. По озеру стайками плавали черношеие лебеди — ледяные торосы на серо-стальной поверхности воды, в зарослях тростника розовыми пятнами на зеленом фоне мелькали колпицы. В прохладе парка над родником висели колибри, среди апельсиновых деревьев и по дорожке, гордо выпятив грудки, расхаживали пичи. По цветочным клумбам торопливо шныряли маленькие серые голуби с розовато-лиловыми глазами. В этом забытом богом и людьми уголке земли царили мир и тишина, нарушаемая лишь отрывистыми криками пичиков да мягким шорохом крыльев, когда голуби вспархивали на эвкалипты.

Осмотревшись на новом месте и распаковав вещи, мы собрались в столовой, чтобы обсудить план дальнейших действий. Прежде всего я хотел снять фильм о нанду — южноамериканском родиче африканского страуса. Секунда была одной из немногих estancias под Буэнос-Айресом, в которой еще водились эти крупные птицы. Я говорил об этом Рафаэлю еще в Буэнос-Айресе и теперь спросил, есть ли у нас шансы выследить стадо нанду и заснять их.

— Не беспокойся, — успокоил меня Рафаэль. — Мы с Карлосом все устроим.

— Конечно, — подхватил Карлос, — после полудня мы отправимся искать нанду.

— Может быть, ты захочешь снять фильм о том, как пеоны ловят нанду? — спросил Рафаэль.

— А как они их ловят?

— Старым способом, при помощи boleadoras... Знаешь, это такие три шара, нанизанные на веревку.

— Ну разумеется! — вне себя от радости воскликнул я. — Мне бы очень хотелось снять такой фильм.

— Все будет в порядке, — заверил Карлос. — Сегодня мы поедем в повозке, а пеоны на лошадях. Мы находим нанду, пеоны ловят их, вы снимаете. Вас это устроит?

— Великолепно! — ответил я. — А если мы не найдем их сегодня, можно будет повторить все завтра?

— Разумеется, — ответил Рафаэль.

— Мы будем искать до тех пор, пока не найдем их, — подтвердил Карлос, и братья обменялись широкими улыбками.

После ленча появилась небольшая повозка; сырой гравий мягко хрустел под ее колесами. Карлос правил лошадьми, подхлестывая их легонько вожжами. Он остановился напротив веранды, прыгнул на землю и направился ко мне. Крупные, упитанные серые лошади стояли, опустив головы и задумчиво жуя удила.

— Вы готовы, Джерри? — спросил Карлос.

— Да, я готов. А остальные уже выехали?

— Да, они вместе с Рафаэлем поехали верхом. С нами будет шесть пеонов, этого достаточно?

— Превосходно... теперь дело только за моей женой, — сказал я, с надеждой оглядываясь на дом.

Карлос присел на невысокую стенку и закурил.

— Женщины всегда заставляют себя ждать, — философски заметил он.

Большая желтая бабочка, пролетая мимо лошадей, вдруг застыла в воздухе над их головами, как бы раздумывая, не аронник ли перед ней, только какой-то необычный, волосатый. Лошади энергично мотнули головами, и перепуганная бабочка улетела, выписывая в воздухе причудливые, пьяные зигзаги. К темным кедром стремглав подлетел колибри, внезапно замер в воздухе, отлетел дюймов на шесть назад, повернулся и стремительно нырнул к качавшейся ветке: здесь он с радостным писком схватил паука и исчез в апельсиновых деревьях. Джеки вышла на веранду.

— Алло! — радостно сказала она. — Вы уже готовы?

— Да! — в один голос отозвались мы с Карлосом.

— А вы уверены, что ничего не забыли? Киноаппарат, пленку, экспонометр, светофильтр, треногу?

— Да, мы все это захватили, — самодовольно ответил я. — Ничего не забыли, ничего не оставили.

— А как насчет зонтика?

— Черт побери, зонтик-то я и забыл! — Я повернулся к Карлосу. — Вы не одолжите мне зонтик?

— Зонтик? — удивленно переспросил Карлос.

— Да, зонтик.

— А что такое зонтик? — Он не знал этого слова по-английски.

Чрезвычайно трудно так, без подготовки, объяснить, что такое зонтик.

— Это такая штука, чтобы закрываться от дождя, — сказал я.

— Она складывается, — добавила Джеки.

— А когда идет дождь, ее снова раскрывают.

— Она очень похожа на гриб.

— А-а... — сказал Карлос, и лицо его просветлело. — Понял.

— Так у вас есть зонтик?

Карлос укоризненно посмотрел на меня.

— Разумеется, я же говорил вам, что у нас есть все.

Он зашел в дом и вернулся с небольшим, ярко раскрашенным бумажным зонтиком величиной примерно в половину велосипедного колеса.

— Подойдет? — с гордостью спросил он, быстро вращая зонтик, так что краски слились в сплошной цветной круг.

— А побольше зонта не найдется?

— Побольше? Нет, побольше не найдется. А зачем он вам, Джерри?

— Прикрыть камеру во время съемок, чтобы пленка не слишком грелась на солнце.

— Ну, так этот будет как раз, — сказал Карлос. — Я буду держать его.

Мы уехали в маленькую повозку, Карлос слегка тронул крупы лошадей вожжами и причмокнул. Лошади печально, тяжело вздохнули и взяли с места. Вдоль дорожки росли гигантские эвкалипты, кора их отслаивалась длинными, перекрученными полосами, обнажая блестящие белые стволы. На них виднелись массивные сооружения из переплетенных ветвей, напоминающие стога сена; это были многоквартирные гнезда длиннохвостых попугайчиков квакеров, изящных ярко-зеленых птичек; чирикающая и вереща, они пролетали над нами, когда наша повозка проезжала мимо, и, сверкнув в солнечных лучах, исчезали в своих огромных коммунальных квартирах. "Н-но! Н-но, пошли!" — фальцетом выкрикнул Карлос, и лошади побежали неуклюжей рысью, возмущенно пофыркивая. Мы доехали до конца длинной, обсаженной деревьями аллеи, и перед нами открылась пампа, золотистая и сверкающая в лучах послеполуденного солнца. Лошади тянули повозку по влажной от росы траве, лавируя между кустами гигантского чертополоха; каждое растение стояло словно оцепенев, высотой в полтора человеческого роста, и походило на какой-то фантастический, усаженный шипами канделябр с ярко-пурпурным огоньком цветка на каждом отростке. Земляная сова, напуганная нашим приближением, металась у входа в свою нору, словно маленький серый призрак; два шага в одну сторону, два шага в другую, остановка — и вот уже она смотрит на нас золотистыми глазами, голова то качается с боку на бок, то быстро-быстро ходит вверх-вниз. В конце концов сова сорвалась с места и начала мягко и бесшумно, словно облако, кружить над своим гнездом.

Повозка подвигалась вперед, громящая и покачиваясь; перед нами до самого горизонта простиралась пампа — ровное, безмятежное море золотистой травы, чуть темневшее в тех местах, где чертополох рос гуще. Там и сям, словно темные волны на водной глади, виднелись небольшие рожицы искривленных ветром деревьев, в тени которых отдыхал скот. Небо было ярко-голубым, и по нему, как улитки по оконному стеклу, медленно, с достоинством ползли большие пухлые облака. Чертополох стал попадаться все чаще, и лошадям приходилось все больше петлять, объезжая его и уклоняясь от острых колючек. Колеса давили ломкие растения с треском, напоминая пальбу из игрушечных ружей. Из-под самых копыт лошадей вдруг выскочил перепуганный заяц; описав большую дугу, он замер и полностью слился с коричневатыми кустами чертополоха. Далеко впереди показались маленькие темные фигурки в ярких цветных пятнах. Это были пеоны на своих лошадях.

Они ожидали нас, собравшись кучкой в высокой траве. Лошади не стояли на месте, перебирали ногами и мотали головами. Пеоны разговаривали и смеялись, их загорелые лица были оживлены, и, когда пеоны поворачивались вместе с лошадьми, серебряные бляшки, украшавшие их широкие кожаные пояса, ярко вспыхивали на солнце. Мы въехали в середину группы, и наши лошади стали, опустив головы и тяжело сопя, словно от изнеможения. Карлос и пеоны выработали план дальнейших действий: пеоны растянутся в длинную цепь, повозка будет двигаться посередине. Как только покажутся нанду, пеоны начнут окружать их и гнать к повозке, чтобы я мог заснять все своим киноаппаратом.

Когда общая многоголосица немного стихла, я спросил Карлоса, действительно ли он надеется найти нанду. Карлос пожал плечами.

— Думаю, что мы их найдем. Рафаэль видел их здесь вчера. А не застанем здесь — застанем на соседнем пастбище.

Он причмокнул, лошади очнулись от своего полусна, и повозка двинулась дальше, с треском подминая под себя чертополох. Не проехали мы и пятидесяти футов, как один из пеонов издал протяжный крик и начал возбужденно размахивать руками, показывая на густые заросли чертополоха, в которые мы чуть было не въехали.

Карлос резко остановил лошадей, мы вскочили на сиденье и стали всматриваться в заросли, подернутые пурпурной дымкой цветов. Сперва мы ничего не могли разглядеть, но потом Карлос схватил меня за руку и показал на что-то впереди:

— Вон там, Джерри, видишь? Нанду...

В самой гуще чертополоха среди серо-белых стеблей я заметил какое-то смутное шевеление. Пеоны начали смыкаться кольцом вокруг зарослей; неожиданно один из них приподнялся в стремянах, помахал рукой и что-то крикнул.

— Что он сказал, Карлос? — спросил я.

— Он сказал, что у нанду есть детеныши, — ответил Карлос и, повернув лошадей, направил их галопом вдоль кромки зарослей. Повозка отчаянно подпрыгивала и тряслась. Когда чертополох кончился и открылось поросшее травой поле, он остановил лошадей.

— Теперь смотри в оба, Джерри. Они должны выйти с этой стороны,— сказал он.

Мы сидели, не сводя глаз с высокой стены чертополоха и прислушиваясь к треску растений, обламывавшихся под копытами лошадей. Вдруг один куст чертополоха закачался и с треском упал на землю, и на зеленую траву легко и грациозно, словно балерина, выскочил нанду. Это был крупный самец, на короткое мгновение он остановился, и мы успели его разглядеть. Он был похож на маленького серого страуса с черными отметинами на голове и шее, которые не были лысыми, как у страусов, а покрыты изящным оперением. В глазах его не было глуповатого выражения, свойственного страусам, — наоборот, они были большими, влажными и умными. Он остановился для того, чтобы оглядеть местность, и тут же заметил нас. Круто повернувшись на месте, он помчался по пампе, вытянув вперед шею и при каждом шаге почти касаясь головы своими длинными ногами. Казалось, нанду не просто бежит, а бежит вприпрыжку, подсакивая на ногах, словно на мощных пружинах. Когда он стоял выпрямившись, он был около пяти с половиной футов ростом, но теперь, мчась со скоростью бегущей галопом лошади, он весь вытянулся в длину и стал обтекаем. Один из пеонов с треском выскочил из кустов чертополоха футах в двадцати от бежавшей птицы, и мы имели возможность познакомиться с тем, как ведет себя нанду, когда его преследуют. Как только он заметил всадника, он высоко поднял голову, прервал посередине один из своих огромных прыжков, повернулся на лету и побежал в обратном направлении, почти с той же скоростью. Теперь он мчался зигзагами, делая шестифутовые прыжки то вправо, то влево, и казался сзади громадной пернатой лягушкой.

Карлос хотел ехать дальше, но тут появился второй нанду. Этот был поменьше первого, тоже серый, но более светлый. Выскочив через брешь, пробитую первым нанду, он остановился в траве.

— Это самка, — прошептал Карлос. — Смотри, какая она маленькая.

Самка нанду заметила нас, но не побежала, как это сделал ее супруг, а продолжала стоять на месте, переступая с ноги на ногу и наблюдая за нами большими застенчивыми глазами. Мы скоро поняли, почему она не убегает от нас: из зарослей чертополоха торопливо выбежали одиннадцать птенцов в возрасте не больше нескольких дней. Их круглые пушистые тельца, размером вдвое меньше футбольного мяча, сидели на толстых коротких ножках, заканчивавшихся

большими
неуклюжими
лапами.

Птенцы

были желтовато-коричневого цвета, с изящными серо-голубыми полосками. Они собрались вокруг огромных ног матери, их блестящие глаза не выражали ни малейшего страха, и они пронзительными голосами переговаривались между собой. Мать посмотрела на них сверху, но, вероятно, не могла разобрать в этом пестром водовороте, все ли птенцы с нею. Повернувшись, она побежала по траве, если можно так выразиться, с прохладцей, высоко подняв голову и при каждом шаге тяжело опуская ноги на землю. Птенцы последовали за ней, вытянувшись в одну линию. Это

выглядело очень забавно, казалось, будто пожилая, чопорная дева бежит к автобусу, стараясь сохранить при этом все свое достоинство и волоча за собой пеструю горжетку из перьев, которая извивается по траве.

Когда семейство нанду скрылось из виду, а Джеки прекратила умиленные охи и ахи по поводу птенцов, Карлос тронул лошадей, и мы поехали дальше.

— Скоро мы увидим еще нанду — взрослых, — сказал Карлос, и не успел он произнести эти слова, как показался Рафаэль. Он скакал к нам, махая шляпой, красный шарф развевался за его спиной. Он продрался сквозь чертополох и подскочил к повозке, энергично жестикулируя и что-то быстро говоря по-испански. Сверкнув глазами, Карлос повернулся к нам.

— Рафаэль говорит, что они открыли место, где есть много нанду. Мы должны подъехать с повозкой к тому месту, а Рафаэль с людьми заставит нанду пробежать рядом с нами.

Рафаэль поскакал посвящать пеонов в план совместных действий, а Карлос погнал лошадей галопом сквозь колючий чертополох. Мы выскочили на простор пампы и с грохотом понеслись по ней, раскачиваясь так сильно, что в любую минуту могли перевернуться. Карлос пригнулся на сиденье, нахлестывая лошадей вожжами и подбадривая их громкими криками. Пара острокрылых ржанок, выделявшихся на зеленой траве своим черно-белым оперением, внимательно следила за повозкой, а потом, пробежав футов шесть по траве, легко взмыла в воздух и начала кружиться над нами на пестрых крыльях, извещая жителей пампы о нашем приближении пронзительными криками: "теро... теро... теро..." Осторожно высунувшись из раскачивающейся повозки, я увидел всадников примерно в полумиле от нас, они вытянулись в цепь и ожидали, когда мы займем условленную позицию. Солнце палило беспощадно, на боках лошадей виднелись темные потеки пота. Горизонт был подернут знойной дымкой, казалось, мы смотрим на все сквозь запотевшее стекло. Карлос резко натянул поводья и остановил лошадей.

— Станем здесь, Джерри. Киноаппарат поставим там, — сказал он. — Нанду должны пробежать с этой стороны.

Мы вылезли из повозки, Карлос пошел вперед с зонтом, я следовал за ним с кинокамерой и треногой. Джеки осталась в повозке; она не отрываясь глядела в бинокль, чтобы немедленно сообщить нам о появлении нанду. Мы с Карлосом отошли ярдов на пятьдесят от повозки и выбрали место, откуда хорошо просматривалась широкая полоса пампы, с обеих сторон ограниченная зарослями чертополоха. Я установил киноаппарат и стал делать необходимые приготовления к съемке, а Карлос держал надо мной зонтик, чтобы кинокамера не нагрелась.

— Все в порядке, — сказал я наконец, вытирая пот с лица.

Карлос поднял зонтик и помахал им из стороны в сторону. Тотчас же издали послышались крики пеонов, и один за другим, понукая лошадей, они исчезли в чаще чертополоха. После этого воцарилась тишина. Мы оставались неподвижными, и ржанки, описав над нами несколько кругов, приземлились неподалеку и стали шнырять в траве, то и дело замирая на месте и настороженно глядя на нас. Джеки сидела в повозке, сдвинув шляпу на затылок и не отрываясь от бинокля. Лошади стояли, опустив головы и время от времени переминаясь с ноги на ногу, словно буфетчицы, задремавшие за стойкой к концу рабочего дня. Пот струйками стекал у меня по лицу и по спине, рубашка противно прилипла к телу. Вдруг Джеки сорвала с головы шляпу и отчаянно замахала ею, что-то громко и бессвязно выкрикивая. В ту же секунду ржанки сорвались с места и закружились над нами с пронзительными криками. Издали послышался треск, топот лошадиных копыт и возбужденные крики пеонов. Затем из зарослей чертополоха показались нанду.

Я никогда не предполагал, что птицы, ведущие наземный образ жизни, могут двигаться так же быстро и легко, как птицы в полете, но в то утро я мог в этом убедиться. Восемь нанду, построившись клином, бежали изо всех сил. Их ноги передвигались с такой быстротой, что сливались в неясные, расплывчатые пятна; различить их можно было лишь в тот момент, когда они касались земли, давая птице

толчок вперед. Шеи птиц были вытянуты почти по прямой, крылья слегка отставлены в стороны и опущены вниз. Сквозь громкие крики ржанок были отчетливо слышны быстрые, ритмичные удары их ног о твердую как камень землю. Если бы не этот стук, можно было подумать, что птицы катятся на колесах — так быстро и легко они бежали. Как уже было сказано, они бежали, казалось, изо всех сил, но когда из чертополоха с громкими криками выехали два пеона, произошло нечто невероятное. Нанду поджали хвосты, словно опасаясь удара сзади, и, сделав три огромных косолапых прыжка, удвоили скорость. Они исчезали вдаль с поразительной быстротой. Пеоны мчались за ними вдогонку, и я увидел, как один из них отцепил от пояса болеадорас.

— Надеюсь, они не собираются ловить их там, Карлос? Я ведь ничего не смогу заснять на таком расстоянии.

— Нет, нет, — успокоил меня Карлос. — Они окружают их и пригонят обратно. Пойдемте к повозке, там больше тени.

— Когда они окружают их?

— Минут через пять.

Мы вернулись к повозке. Джеки подпрыгивала на сиденье, словно болельщик на стадионе, и смотрела в бинокль, подбадривая далеких охотников какими-то нечленораздельными восклицаниями. Я пристроил кинокамеру в тени, отбрасываемой повозкой, и забрался на сиденье рядом с Джеки.

— Что там происходит? — спросил я, так как к этому времени пеоны и нанду превратились в едва заметные точки на горизонте.

— Потрясающе! — кричала Джеки, вцепившись в бинокль, который я пытался у нее отнять. — Просто потрясающе! Видишь, как они бегут? Вот не думала, что они могут так быстро бегать!

— Дай мне посмотреть.

— Сейчас, сейчас, одну минуту. Вот только взгляну... Нет, нет... ты только посмотри...

— Что случилось?

— Они хотели прорваться, но Рафаэль вовремя их увидел. Нет, ты только погляди, как бежит вон тот... Ты когда-нибудь видел что-либо подобное?

— Нет, — честно признался я. — Так что, может быть, ты дашь мне посмотреть?

Я насильно завладел биноклем и поднес его к глазам. Нанду лавировали между кустами чертополоха, уклоняясь от своих преследователей с легкостью и грацией, которым мог бы позавидовать профессиональный футболист. Пеоны металась из стороны в сторону, сгоняя птиц в одну стаю и тесня их в нашу сторону. У всех пеонов теперь были в руках болеадорас, и я видел, как блестящие шары на концах веревок, когда они раскручивали их над головами. Нанду повернули всей стаей и побежали в нашу сторону, пеоны с торжествующими криками помчались за ними.

Вернув Джеки бинокль, я спрыгнул вниз и стал готовиться к съемке. Не успел я навести объектив на резкость, как показались нанду; они по-прежнему бежали тесной кучкой прямо на нас. Ярдов за семьдесят они заметили нас и в то же мгновение все как один повернули под прямым углом, причем так дружно и слаженно, словно не раз репетировали этот маневр. Пеоны преследовали их по пятам, из-под копыт лошадей летели комья черной земли; болеадорас с пронзительным свистом кружились над головами всадников, описывая расплывчато мерцающие на солнце круги. Громкие крики, стук копыт, свист болеадорас на мгновение оглушили нас и пронеслись мимо, замирая вдаль. Только ржанки продолжали кружить над нами, оглашая воздух истерическими криками. Джеки вела беглый репортаж о дальнейших событиях.

— Рафаэль и Эдуардо повернули вправо... они все еще бегут... ага!.. один бросился вправо, Эдуардо за ним... теперь стая рассыпалась... все разбежались... теперь их не собрать вместе... вот кто-то собирается бросить болеадорас... мимо... надо было видеть, что за поворот сделал этот нанду... посмотрите, что он делает! ...он поворачивает... он бежит обратно... Рафаэль скачет за ним... бежит обратно... бежит обратно...

Я только что закурил сигарету, но тут же бросил ее и кинулся к киноаппарату. Нанду был близко, я слышал, как трещали ломавшиеся под его тяжестью кусты чертополоха. Я думал, что пройдет по меньшей мере полчаса, пока пеонам удастся собрать рассыпавшихся птиц, и поэтому только завел киноаппарат, но не стал наводить его на резкость и освещенность. Теперь же возиться со всем этим было поздно: птица мчалась к нам со скоростью двадцати миль в час. Я развернул киноаппарат, поймал птицу в видоискатель и нажал кнопку, надеясь, что из моих съемок что-нибудь да получится. Я начал съемку, когда нанду был от меня футов в полтора. Рафаэль скакал непосредственно за ним, и это, вероятно, очень тревожило птицу, так как она явно не замечала ни повозку, ни киноаппарат и мчалась прямо на меня. Она подбегала все ближе и ближе, постепенно заполняя весь видоискатель. Джеки, стоявшая надо мной в повозке, тихонько попискивала от волнения. Еще несколько секунд — и нанду полностью заполнил видоискатель. Мне стало не по себе; птица по-прежнему не видела нас, а я совсем не хотел, чтобы двухсотфунтовый нанду со всего разбега врезался в меня. Уповая на бога, я все же продолжал держать палец на кнопке. Вдруг птица заметила меня. В ее глазах мелькнуло какое-то смешное выражение ужаса, она сделала резкий скачок влево и скрылась из моего поля зрения. Выпрямившись, я вытер испарину со лба. Карлос и Джеки круглыми совиными глазами смотрели на меня с повозки.

— С какого места он отвернул? — спросил я, так как во время съемки это было трудно установить.

— Он отвернул вон от того пучка травы, — ответила Джеки.

Я измерил шагами расстояние от треноги до травы. Оно не превышало шести футов. Этот резкий скачок оказался роковым для нанду; расстояние между ним и преследовавшим его Рафаэлем было так мало, что даже после такого ничтожного уклонения в сторону свелось к нулю. Рафаэль заставил взмыленного коня сделать отчаянный рывок, перерезал птице путь и погнал ее обратно к нам. На этот раз я был наготове. Тонкий свист болеадорас внезапно усилился и замер на протяжном гудящем звуке. Веревка с шарами пролетела по воздуху и сплелась вокруг шеи и ног птицы подобно щупальцам спрута. Нанду пробежал еще пару шагов, веревка затянута, и он упал на землю, дергая ногами и крыльями. С протяжным победным криком Рафаэль подъехал к нему, соскочил на землю и схватил его за дрыгающие ноги; в противном случае нанду легко мог бы распороть ему живот своим большим когтем. После непродолжительной борьбы нанду затих. Карлос, приплясывая от радости на сиденье, громкими, протяжными криками оповещал пеонов об успешном завершении охоты. Когда они прискакали, мы все собрались вокруг нашего пленника. Это была большая птица с хорошо развитыми мускулистыми бедрами. Кости крыльев, напротив, были мягкими и слабыми и могли гнуться, словно молодые зеленые веточки. Огромные, чуть ли не во всю щеку глаза прикрывались большими, как у кинозвезд, ресницами. Обращали на себя внимание большие, мощные ступни с четырьмя пальцами. Средний палец был самым длинным и оканчивался острым изогнутым когтем. Независимо от того, ударял ли страус ногой вперед или назад, этот коготь, словно острый нож, врезался в тело противника, разрывая и раздирая его. Перья были довольно длинные и напоминали листья папоротника, вытянутые в длину. Когда я осмотрел птицу и сделал с нее несколько снимков, мы освободили ее ноги и шею от болеадорас. Мгновение она неподвижно лежала в траве, затем резким толчком вскочила на ноги и помчалась сквозь заросли чертополоха, на бегу набирая скорость.

Мы пустились в обратный путь. Пеоны, смеясь и переговариваясь, тесной гурьбой ехали вокруг нас; их разукрашенные пояса сверкали на солнце, удила и уздечки мелодично позвякивали. Лошади потемнели от пота; хотя они, несомненно, устали, шли они весело и легко, то и дело игриво задирая друг друга. Наши же серые коняги, которые только довели повозку до места и всю охоту простояли в оглоблях, плелись теперь с таким видом, будто вот-вот упадут от изнеможения. За нами расстилалась бескрайняя, золотистая, спокойная пампа. Вдали над травой взлетали два черно-

белых пятнышка и слышался приглушенный расстоянием голос пампы, предупреждающий всех ее обитателей — голос всегда бодрствующих ржанок: "теро... теро... теро... теротеротеро..."

ПРОЩАНИЕ

Приближался день нашего отъезда. С большим сожалением покидали мы имение Секунда, увозя с собой пойманных там животных: броненосцев, опоссумов и несколько интересных птиц. Мы возвращались в Буэнос-Айрес поездом, животные сопровождали нас в багажном вагоне. После такого пополнения наша коллекция приобрела мало-мальски пристойный вид и перестала походить на зоомагазин после распродажи. Но у нас все же было очень мало птиц, и это не давало мне покоя, так как я знал, что в Аргентине живет несколько исключительно интересных видов. И вот за день до нашего отъезда я вспомнил об одном разговоре с Бебитой и позвонил ей.

— Бебита, ты, кажется, говорила, что знаешь в Буэнос-Айресе магазин птиц?

— Магазин птиц? Да, конечно, я видела один где-то неподалеку от вокзала.

— Ты не покажешь мне его?

— Ну разумеется. Приезжайте завтракать, а потом отправимся.

После обильного ленча Бебита, Джеки и я сели в такси и поехали искать магазин птиц. В конце концов мы нашли его на громадной площади, с одной стороны которой располагались сотни маленьких лавчонок, торговавших мясом, овощами и другими продуктами. Магазин был большой и, к нашей радости, с обширным и разнообразным выбором. Мы медленно обходили клетки, пожирая алчными взорами прыгавших там птиц всевозможных форм, размеров и расцветок. Владелец магазина, чем-то напоминавший неудачливого борца-тяжелоатлета, сопровождал нас, хищно поблескивая черными глазами.

— Ты решил, что тебе нужно купить? — спросила Бебита.

— Да, я знаю, что мне нужно, вопрос только в цене. По виду хозяина трудно предположить, что он назначит разумную цену.

Бебита, стройная, элегантно одетая, лукаво посмотрела на коренастого владельца лавки. Сняв перчатки, она бережно положила их на мешок с кормом для птиц и одарила хозяина ослепительной улыбкой. Тот смущенно покраснел и опустил голову. Бебита повернулась ко мне.

— Но ведь он очень милый человек, — вполне искренне сказала она.

Я еще не привык к способности Бебиты находить ангельские черты в людях, которые, судя по внешности, готовы с легким сердцем за полкроны отправить на живодерню родную мать, и с удивлением смотрел на хозяина, казавшегося мне отпетым негодяем.

— Не знаю, — ответил я наконец, — мне он не кажется милым.

— А я уверена, что он славный человек, — твердо возразила Бебита. — Ты только покажи мне птиц, которых хочешь купить, и предоставь переговоры мне.

Несмотря на то что такой способ казался мне наилучшим из всех возможных, я все же обошел еще раз лавку и показал Бебите тех птиц, от одного взгляда на которых у меня начинали течь слюнки; многие из них были исключительно редкими. Бебита спросила, сколько я хотел бы заплатить за них, и я назвал цену, которую считал вполне приличной и справедливой. Бебита направилась к хозяину, еще раз вогнала его в краску своей улыбкой и воркующим голосом — вероятно, тем самым, каким полагается разговаривать со славными людьми, — завела речь о покупке птиц. Пока она ворковала, изредка прерываемая почтительным: "Да, да, сеньора", мы с Джеки обследовали малодоступные уголки лавки. Минут через двадцать мы вернулись к Бебите. Она по-прежнему стояла среди грязных клеток, словно спустившаяся с небес богиня, а хозяин сидел на мешке, то и дело вытирая со лба пот. Его "Да, да, сеньора", по-прежнему сопровождавшие речь Бебиты, утратили свой первоначальный пыл и звучали теперь довольно уныло. Неожиданно он пожал плечами, развел руками и

улыбнулся ей. Бебита взглянула на него с такой нежностью, словно он был ее единственным сын.

—

B-b-bueno,--

сказала

она, —

muchisimas

gracias, señor^[59].

— De nada, señora^[60], — ответил он.

Бебита повернулась ко мне.

— Я купила их тебе, — сказала она.

— Очень хорошо. Сколько нам нужно заплатить?

Бебита назвала сумму в четыре раза меньшую той, что я собирался заплатить хозяину.

— Что ты, Бебита, ведь это же настоящий грабеж, — недоверчиво возразил я.

— Нет, нет, мальчик, — серьезно ответила она. — У нас эти птицы не редкость, и было бы глупо с твоей стороны так дорого за них платить. Кроме того, я тебе уже говорила, что хозяин — милейший человек, и он был рад сбавить цену, чтобы сделать мне приятное.

— Сдаюсь, — сказал я. — Ты не поехала бы со мной в следующую экспедицию? Ты сэкономила бы мне кучу денег.

— Глупости, — рассмеялась Бебита. — Это не я сэкономила тебе деньги, а человек, который казался тебе таким страшным.

Я сердито посмотрел на нее и с достоинством удалился отбирать птиц и рассаживать их по клеткам. Вскоре на прилавке выросла целая гора завернутых в оберточную бумагу клеток. Расплатившись с хозяином и обменявшись с ним бесчисленным множеством "gracias", я спросил его через Бебиту, нет ли у него в продаже диких гусей и уток.

Он ответил, что гусей и уток у него нет, но есть очень близкие к ним птицы, которые, быть может, заинтересуют сеньора. Он провел нас через заднюю дверь магазина в небольшую уборную и показал на сидевших там птиц. Я с трудом подавил восторженный возглас, когда увидел двух грязных, изможденных и все же очень красивых черношеих лебедей. С напускным равнодушием я осмотрел их. Птицы были страшно худыми и достигли высшей степени истощения, характеризующей полнейшей апатией и отсутствием страха. При других обстоятельствах я бы не стал покупать таких слабых птиц, но для меня это была последняя возможность приобрести черношеих лебедей. К тому же я подумал о том, что если им суждено умереть, то они по крайней мере умрут в комфорте. Оставить этих великолепных птиц задыхаться в уборной рядом с унитазом было выше моих сил. Бебита снова взялась за дело, и после упорного торга лебеди стали моими. Возник вопрос, в чем их везти, так как у хозяина не оказалось достаточно больших клеток. В конце концов мы посадили птиц в обыкновенные мешки, и только их головы торчали наружу. Забрав покупки, мы покинули магазин; хозяин, кланяясь, провожал нас. На улице мне вдруг пришла в голову одна мысль.

— А как мы доберемся до Бельграно? — спросил я.

— На такси, — ответила Бебита.

Под мышками я держал по лебедю и чувствовал себя так, как, должно быть, чувствовала себя Алиса, играя в крокет с фламинго.

— Нас не пустят в такси со всем этим имуществом, — ответил я.-- Водителям запрещено возить животных... С нами это уже бывало.

— Подожди здесь, я сейчас достану такси, — сказала Бебита. Она перешла улицу, выбрала среди стоявших на стоянке такси то, в котором сидел самый несимпатичный и суровый с виду водитель, и подъехала к нам. Водитель внимательно посмотрел на

зажатые у меня под мышками мешки, откуда, словно питоны, выглядывали шеи лебедей, и повернулся к Бебите.

— Животные, — сказал он. — Нам запрещено перевозить животных.

Бебита улыбнулась.

— Но если бы вы не знали, что у нас животные, вам бы никто ничего не сказал, — возразила она.

Водитель прямо-таки зашатался от ее улыбки, но все еще не был убежден.

— Каждому видно, что это животные, — возразил он.

— Видны только эти, — ответила Бебита, — но если мы поместим их сзади, вы просто ничего не увидите.

Водитель недоверчиво хмыкнул.

— Ну ладно, только учтите, что я ничего не видел. Если меня остановят, я буду все отрицать.

Итак, мы направились в Бельграно; лебеди сидели в заднем отделении, а на переднем сиденье громоздились клетки, откуда доносился хор птичьих голосов и хлопанье крыльев. Но водитель усиленно старался ничего не замечать.

— Как только ты умеешь добиваться своего?! — сказал я Бебите. — Эти таксисты иной раз и меня-то отказываются везти, не говоря уже о зверинце.

— Но ведь они милейшие люди! — возразила Бебита, с нежностью глядя в жирный затылок водителя. — Они всегда рады чем-нибудь помочь.

Я только вздохнул; Бебита обладала каким-то волшебством, против которого никто не мог устоять. И как назло, всякий раз, когда она называла ангелом человека, смахивающего на беглого каторжника, он оправдывал ее характеристику, как бы смехотворна она ни была. Это было просто удивительно.

Купленные в последний момент животные доставили нам немало дополнительных хлопот. Мы отплывали на следующий день после обеда, и до того времени нужно было обеспечить их клетками, а это было нелегко. Мы позвонили Рафаэлю и Карлосу, и они примчались на наш отчаянный зов со своим двоюродным братом Энрике. В полном составе мы ринулись на ближайший лесной склад, и пока я набрасывал чертежи клеток, плотник лихорадочно отпиливал куски фанеры при помощи циркулярной пилы. Затем, шатаясь под тяжестью ноши, мы притащили пиломатериалы в Бельграно и принялись сколачивать клетки. К половине двенадцатого ночи мы обеспечили клетками лишь одну четверть наших птиц. Убедившись, что нам предстоит работать всю ночь, мы отправили Джеки в гостиницу, с тем чтобы утром, когда мы уже совершенно выдохнемся, она пришла отдохнувшая и накормила животных. Карлос сбегал в ближайшее кафе и принес горячий кофе, булочки и бутылку джина. Подкрепившись, мы снова приступили к работе. Без десяти двенадцать кто-то постучал в наружную дверь.

— Это пришел первый возмущенный сосед, он хочет узнать, какого черта мы стучим молотками среди ночи, — сказал я Карлосу. — Пойди открой ему. После джина я двух слов не смогу связать по-испански.

Карлос вскоре вернулся в сопровождении худощавого человека в очках; с заметным американским акцентом он представился как мистер Хан, корреспондент газеты "Дейли миррор".

— Я слышал, что вам с трудом удалось спастись от парагвайской революции, и очень хотел узнать от вас все подробности, — объяснил он цель своего визита.

— Пожалуйста, — ответил я, гостеприимно подставив ему клетку и налив рюмку джина. — Что вас интересует?

Он подозрительно понюхал джин, заглянул в клетку, прежде чем сесть на нее, и вытащил записную книжку.

— Все интересует, — твердо произнес он.

Я стал рассказывать о нашем путешествии в Парагвай; мое красочное описание сопровождалось стуком молотков, визгом пилы и громкими испанскими проклятиями, которые изрыгали Карлос, Рафаэль и Энрике. В конце концов мистер Хан спрятал свою записную книжку.

— Я думаю, — сказал он, снимая пиджак и засучивая рукава, — я думаю, что смогу лучше сосредоточиться, если выпью еще джина и примкну к вашему празднику лесорубов.

Всю ночь, время от времени подкрепляя себя джином, кофе, булочками и песнями, Карлос, Рафаэль, Энрике, я и корреспондент "Дейли миррор" трудились над сооружением клеток. В половине шестого, когда начали открываться первые кафе, мы закончили работу. Наскоро выпив кофе, я добрался до гостиницы и бросился в постель, чтобы немного отдохнуть перед погрузкой на пароход.

В половине третьего наш грузовик подъехал к стоявшему у причала пароходу. Мы с Джеки сидели в кабине, Карлос и Рафаэль в кузове, на самой верхушке багажа. К четырем часам почти каждый в порту, не исключая зевак, ознакомился с нашими разрешениями на вывоз багажа. В половине пятого нам позволили начинать погрузку. И тут случилось нечто такое, что могло стать не только концом всего путешествия, но и концом всей моей жизни. На пароход грузили огромные тюки кож, и по какой-то непонятной причине кран проносил их как раз над теми сходнями, по которым мы должны были нести своих животных. Я вышел из машины, взял клетку, в которой сидел Кай, и хотел попросить Карлоса захватить с собой клетку Сары. Внезапно словно пушечное ядро ударило меня сзади в спину, подняло в воздух и отбросило футов на двадцать в сторону. Я летел в воздухе, лихорадочно соображая, что могло нанести мне такой удар, затем упал лицом на землю и покатился кувырком. Спина у меня ныла, левое бедро страшно болело, и я уже решил, что оно сломано. Я был до того потрясен, что не мог твердо стоять на ногах и шатался, как пьяный, когда перепуганный Карлос поднял меня. Лишь через пять минут я пришел в себя и с облегчением убедился в том, что перелома у меня нет. Но и после этого руки у меня так тряслись, что я не мог держать сигарету и курил из рук Карлоса. Пока я сидел, пытаюсь успокоиться, Карлос объяснил мне, что произошло. Крановщик захватил с пристани очередной тук кож, но поднял его слишком низко. Вместо того чтобы пройти над сходнями, тук с силой ударил по ним, и сходни вместе с тюком вылетели на набережную. К моему счастью, этот смертоносный снаряд задел меня уже на излете, иначе я бы переломился пополам, словно спелый банан.

— Должен сказать, — дрожащим голосом заметил я Карлосу, — что я ожидал от Аргентины несколько иных проводов.

Наконец мы благополучно перенесли клетки на палубу, накрыли их брезентом и спустились в салон, где собрались все наши друзья. Мы выпили на прощание, разговор протекал в той легкой и довольно бессодержательной форме, которая характерна для последних минут перед неизбежной разлукой. Потом настал момент, когда провожающие должны были покинуть пароход. Мы вышли на палубу и наблюдали, как наши друзья сошли по сходням и собрались на набережной против нас. Несмотря на быстро сгущавшиеся сумерки, мы еще могли разглядеть бледное лицо Карлоса и черные волосы его жены; Рафаэля и Энрике в сдвинутых на затылок шляпах гаучо, Марию Мерседес, размахивающую платком и очень похожую в вечернем сумраке на пастушку с картин Дрезденской галереи, и, наконец, Бебиту, стройную, красивую, невозмутимую. Когда пароход тронулся, до нас отчетливо донесся ее голос:

— Счастливого пути, дети! Обязательно приезжайте к нам еще!

Мы махали и кивали на прощание, а затем, когда провожающие почти исчезли в темноте, раздался самый печальный звук на свете — низкий, мрачный рев паровой сирены, прощальный привет уходящего в море судна.

Примечания

1 Адольф Менжу — известный американский киноактер. — Здесь и далее примечания переводчика.

2 Более 32 градусов по Цельсию.

- 3 Генри Гудсон (1841--1922) — английский биолог, уроженец Аргентины, описывавший природу Южной Америки.
- 4 Пеон — крестьянин-батрак в странах Южной Америки.
- 5 Испанское название печника.
- 6 Яйцо (англ. egg).
- 7 Парк Лейн — аристократический квартал в Лондоне.
- 8 Это невозможно (фр.).
- 9 Не так ли? (фр.)
- 10 Ну что ж, отправляемся (исп.).
- 11 Не годится (исп.).
- 12 Около часу... Пуэрто-Касадо... понимаете? (исп.)
- 13 "Молочные сладости" — кондитерские изделия из сладкого молочного крема, широко распространенные в Латинской Америке.
- 14 Пьяное дерево (исп.).
- 15 Гуарани — индейское племя, коренные жители бассейна рек Парана и Парагвай. Язык гуарани широко распространен в республике Парагвай.
- 16 Добрый день! (исп.)
- 17 Ах, сеньор... Ах, сеньор, что это за человек... добрый день, сеньор... Я чувствую... (исп.)
- 18 Человек (исп.).
- 19 Человек... о чем вы спорите? (искаж. исп.)
- 20 Плохой человек (исп.).
- 21 Почему? (исп.)
- 22 Смотрите, сеньор (исп.).
- 23 Минутку! (исп.)
- 24 Добрый день... что случилось? (исп.)
- 25 Волосатый (исп.).
- 26 Здесь — денежная единица республики Парагвай.
- 27 Хорошо... очень хорошо (исп.).
- 28 Добрый день... Я принесла чай, сеньора (исп.).
- 29 Мать божья (исп.).
- 30 Зоопарков (исп.).
- 31 С и н г-С и н г — одна из крупнейших тюрем в США.
- 32 Как вас зовут? (исп.)
- 33 Дик Тэрпин --легендарный английский разбойник, казнен в 1739 г.
- 34 Жан Гудини (1805-1871) — знаменитый французский механик, изобретал затейливые игрушки и фокусы и успешно демонстрировал их в различных странах
- 35 Фокси — лисенок (уменьшит. от англ. fox).
- 36 Ядовитая, очень ядовитая, сеньора! (исп.)
- 37 Джон Тенниэль (1820-1914) — знаменитый английский художник.
- 38 Игра слов баджит (budget) по-английски означает плотно набитую сумку.
- 39 Спасибо, сеньор, спасибо (исп.)
- 40 Свыше 38 градусов по Цельсию
- 41 Это очень опасное животное, сеньор, очень ядовитое (исп.).
- 42 Не ядовитое... Это не куфия, а рогатая жаба, чудесное животное (исп.).
- 43 Святая Мария!.. как удивительно... она не ядовитая, сеньор? (исп.)
- 44 Нисколько не ядовитая (исп.).
- 45 Сеньор!.. Животное, сеньор, очень красивая птица (исп.).
- 46 Добрый день. сеньор, я принес животное, сеньор, очень красивую птицу (исп.).
- 47 Непереводаемая игра слов: по-английски слова "укусил" (bitten) и "выпь" (bittern) очень схожи по звучанию.
- 48 Спасибо, спасибо (исп.).
- 49 Сеньор, хорошо, да? (ломаный исп.)
- 50 Да? да, прекрасно (исп.).
- 51 Добрый день, сеньор (исп.).

- 52 Добрый день. У тебя какое-то животное? (исп.)
53 Да, да, сеньор, очень красивый зверь (исп.).
54 Он злой? (исп.)
55 Нет, нет, сеньор. Он ручной — он маленький и совсем ручной (исп.).
56 Симпатичные (исп.).
57 Прощайте! (исп.)
58 Имение, поместье (исп.).
59 Хорошо... большое спасибо, сеньор (исп.).
60 Не за что, сеньора (исп.).

 [В начало](#)

[Содержание](#) | [Биография](#) | [Фотоальбом](#) | [Книги](#) | [Животные-герои](#) | [Фонд](#) | [Библиотека](#) | [Ссылки](#) | [Форум](#) | [Гостевая книга](#) |

© 2003 [Камиль Зиганшин](#) (кругосветные путешествия, книги о старовеерах, защита диких животных, фотографии дикой природы, писатель натуралист).

AB Weddings [свадьба Уфа](#)

"Лидер Поиска" - поисковое [продвижение сайтов](#) в Уфе.